

06
H34
147069

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ
и ИСТОРИИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

ЗАПИСКИ

ВЫПУСК VIII

ЧЕБОКСАРЫ

✽

1953

Национальная библиотека ЧР

00177069

1850

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

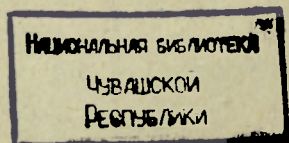
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ
И ИСТОРИИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

ЗАПИСКИ

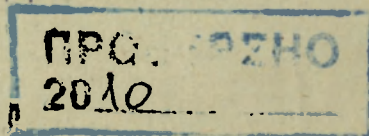
ВЫПУСК VIII

ЧУВАШСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Чебоксары — 1953

Печатается по постановлению Ученого Совета Научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР

147069

*С. П. ГОРСКИЙ,
доктор филологических наук*

УЧЕНИЕ И. В. СТАЛИНА О РАЗВИТИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ И ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Классики марксизма-ленинизма дали советским ученым программу научной деятельности как в области развития теоретической мысли, так и по части практического применения научных открытий в строительстве коммунистического общества. Труды И. В. Сталина по языкознанию и экономическим проблемам социализма в СССР внесли новый вклад в теорию марксизма-ленинизма. Они освободили науку от того застоя, в котором находилось советское языкознание в течение продолжительного времени, когда в нем господствовало порочное так называемое „новое учение“ Н. Я. Марра и его последователей.

Н. Я. Марр посвятил вопросам чувашского языкознания ряд работ¹, но ничего нового в науку не внёс, а основательно запутал многие вопросы, имеющие непосредственное отношение к происхождению чуваш и развитию их языка.

На основе четырехэлементного анализа нескольких десятков чувашских слов Н. Я. Марр считал чуваш то шумерами, жившими в Азии за несколько тысячелетий до нашей эры, то басками, проживающими в северо-восточной части Испании, то хозарами, сарматами, жившими в восточной части Европы². Н. Я. Марр с той же легкостью роднил чувашский язык с так называемыми яфетическими языками, которые, по его словам, бытовали на Кавказе и повсеместно в Европе, Азии и Африке.

Для обоснования распространения яфетических языков на столь обширной территории Н. Я. Марр примыкает к миграционной теории, по которой язык будто бы распространялся вместе с переселением народов. После длительной работы Н. Я. Марр делает крутой поворот к автохтонной теории³, по

¹ „Чуваши-яфетиды на Волге“, „Родная речь—могучий рычаг культурного подъема“ и др.

² Н. Я. Марр. Чуваши-яфетиды на Волге, том V, стр. 329 и др.
Н. Я. Марр. Основные достижения яфетической теории, т. I, стр. 212.

³ В. А. Миханкова. Н. Я. Марр, стр. 89.

которой народ объявляется не пришлым, а сложившимся на месте, а язык этого народа будто бы оформляется посредством скрещения с языками обитавших здесь народов.

Но, утверждая возникновение посредством скрещивания двух языков совершенно нового (третьего) языка, Н. Я. Марр запутался и по этому вопросу. Вместе с тем отрицание „миграций“ привело Н. Я. Марра к отрицанию заимствований и сравнительного языкознания¹. Н. Я. Марр считал, что родство языков можно установить палеонтологическим (четырёхэлементным) анализом, для чего будто бы в современных яфетических языках, унаследовавших самую древнюю культуру народа, можно найти „непочатый источник“. Вместе с тем Н. Я. Марр пришёл к отрицанию праязыка и утверждению мысли о развитии языков от многих к единому, что легло в основу отрицания им сравнительного изучения родственных языков. Он расходился во взглядах с индоевропеистикой именно по этим вопросам.

Н. Я. Марр грубо искажал научные положения марксистско-ленинской науки о языке. И. В. Сталин говорит: „Н. Я. Марр действительно хотел быть и старался быть марксистом, но он не сумел стать марксистом. Он был всего лишь упростителем и вульгаризатором марксизма, вроде „пролеткультовцев“ или „рапповцев“².

Считая язык общественным явлением, Марр вместе с тем утверждал, что язык является надстройкой над базисом и, что как все остальные явления надстроечного порядка, он имеет классовый характер.

Рассматривая язык как надстроечное явление, Н. Я. Марр пришел к утверждению стадильности в развитии языка и мышления: яфетические языки, по его мнению, представляют одну стадию в развитии языков, а индоевропейские языки, формировавшиеся будто бы на их основе посредством скрещения, представляют другую стадию³. Стадильное развитие языков совершается, по Марру, посредством взрывов, вследствие чего получается новый язык с качественно новыми образованиями.

Работы Н. Я. Марра в области чувашского языка порочны от начала и до конца. В них мы не находим правильного ответа на происхождение чуваш и их языка. Историческая роль чувашского языка, как языка „яфетического“, в формировании русского языка надумана и не подкреплена лингвистическими данными. Противник влияний и заимствований, Н. Я. Марр ни

¹ Н. Я. Марр. Чуваш-яфетиды на Волге, т. V, стр. 328.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Издательство „Правда“, 1950 г., стр. 28.

³ Н. Я. Марр. Чуваш-яфетиды на Волге, т. V, стр. 325—326.

словом не обмолвился о благотворном влиянии культуры великого русского народа на развитие чувашской культуры и мощное развитие чувашского языка при трудовом общении чуваш с русским народом в дооктябрьский период и, в особенности, в советскую эпоху.

Сомнительные марровские этимологии чувашских слов сопровождались и доказывались или фонетическими чередованиями звуков чувашского языка со звуками других родственных и неродственных языков, но историческая грамматика чувашского языка не пользуется данными Н. Я. Марра ввиду их сомнительности и несостоятельности.

Вопросы морфологии и синтаксиса чувашского языка не получили отражения в трудах Н. Я. Марра. Общие его высказывания по этим вопросам сказались в чувашском языкознании весьма отрицательно. Сумбурные высказывания Н. Я. Марра о характере подчиненной роли морфологии по отношению к синтаксису отрицательно сказались при составлении стабильных учебников по грамматике.

Н. Я. Марр на словах утверждал, что нет иного метода для исследования вопросов языкознания, кроме диалектического и исторического материализма, а на деле проводил своеобразный порочный исследовательский метод, известный под названием палеонтологического анализа.

Труды И. В. Сталина по языкознанию вскрыли подлинно идеалистическую сущность марровской методологии и методики исследовательской работы и внесли ясность по всем вопросам языкознания.

Вопрос о развитии национальных языков занимает в языкознании одно из центральных мест. И. В. Сталин рассматривает этот вопрос в неразрывной связи с учением о развитии наций, так как язык является одним из основных признаков нации.

По учению И. В. Сталина язык относится к числу общественных явлений, действующих за время существования общества. Язык и законы его развития необходимо изучать в неразрывной связи с историей общества и с историей народа, творца и носителя данного языка.

Такое требование вытекает из того, что язык в отличие от надстройки „... наоборот, связан с производственной деятельностью человека непосредственно, и не только с производственной деятельностью, но и со всякой иной деятельностью человека во всех сферах его работы от производства до базиса, от базиса до надстройки. Поэтому язык отражает изменения в производстве сразу и непосредственно, не дожидаясь изменений в базисе. Поэтому сфера действия языка, охватывающего все области деятельности человека, гораздо шире и разностороннее, чем сфера действия надстройки. Более того, она почти безгранична.

Этим прежде всего и объясняется, что язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения. Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй¹.

Вопрос об истории развития национальных языков, касается ли он устной или литературной формы развития, интересует нас как вопрос современный, необходимый для сознательного отношения к нему в нашей практической деятельности. Но изучение современного состояния развития языков неотделимо от прошлой его истории, а также оно вскрывает законы развития национальных языков в будущем. Весь этот вопрос во всем сложном виде раскрыт в гениальном учении И. В. Сталина.

Буржуазные нации развивались „в эпоху поднимающегося капитализма, когда буржуазия, разрушая феодализм и феодальную раздробленность, собирала нацию воедино и цементировала ее“².

Могли ли нации образоваться до капитализма в период феодализма? В. И. Ленин и И. В. Сталин дают на этот вопрос отрицательный ответ. В период феодализма страны были раздроблены на отдельные самостоятельные княжества, которые не были связаны друг с другом национальными узами. Примерно с XVII века усилилось товарное обращение, небольшие местные рынки объединились в один всероссийский рынок, налажился обмен между областями. Ленин говорил: так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных.

По учению И. В. Сталина, в феодальном обществе элементы нации — язык, территория и культурная общность и т. д. находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях.

Общность языка народности обычно реализуется общностью разговорного языка. По своим структурным особенностям, т. е. по своему грамматическому строю и основному словарному фонду, язык народности имеет основные качества национального языка. Это вытекает из учения И. В. Сталина, что язык „является продуктом целого ряда эпох, на протя-

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 8—9.

² И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 335—336.

жении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется. Поэтому язык живет несравненно дольше, чем любой базис и любая надстройка. Этим собственно и объясняется, что рождение и ликвидация не только одного базиса и его надстройки, но и нескольких базисов и соответствующих им надстроек—не ведет в истории к ликвидации данного языка, к ликвидации его структуры и к рождению нового языка с новым словарным фондом и новым грамматическим строем¹. Письменный язык может у народности существовать и отсутствовать. Если он существует, то обычно получает применение в религиозном культе и часто не влияет на разговорно-народную речь, например: латинский язык на Западе, арабский и персидский на Востоке, старославянский (родственный, но не свой разговорный язык) в древней Руси, грубо искаженный народный язык (но не жаргон) у чуваш с 1730 по 1860 год. Письменный язык народности делает язык **языком государственной документации, законодательства и судопроизводства**, вырабатывает стандартные формы и речевые шаблоны, которые в дальнейшем ходе развития народного языка в литературной форме проявляют весьма ограниченное проникновение в общенародный язык.

При общности разговорного языка народности территориальные диалекты были подчинены языку народности, они тяготели к центру своего экономического и культурного влияния и давали значительные отклонения от общенародных норм по мере удаления от центра. Нужно полагать, что два основных наречия чувашского языка образовались как межплеменные явления и получили широкую возможность развития в течение всего периода развития чувашской народности и нации. Оба чувашских наречия по периферии дали значительные отклонения от общенародного языка с общим грамматическим строем и с общим основным словарным фондом: низовое наречие находилось под некоторым влиянием татарского и башкирского языков, а верховое наречие этого же периода подвергалось влиянию со стороны русского языка в большей степени, чем низовое наречие. Начиная с XVI века, особенно с XVIII века в связи с широким распространением русской культуры среди чуваш, оба наречия попадают в одинаковые условия в отношении влияния на них русского языка.

В капиталистическую эпоху производство, торговля, классовые отношения, печать и литература весьма сильно действуют на развитие общности языка; общение носителей языка выходит за пределы разговорного языка, так как печатное слово наряду с устной речевой практикой дает возможность

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 6—7.

преодолевать расстояния и способствует усиленному общению. В капиталистическую эпоху языковая общность на равных правах развивается и в устной и литературной форме. Литературный язык этого периода, включая язык художественных произведений, приобретает значение общенародного, национального. Обычно литературный язык эпохи капитализма вступает в конфликт с внутриязыковыми диалектными тенденциями и через книгу и школу объявляет им борьбу, но вследствие полуфеодальных, полужрепостнических отношений в царской России не вносит сильно заметных разрушений в диалектную стихию.

И. В. Сталин учит, что территориальные диалекты „обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. Ввиду этого некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки. Так было, например, с курско-орловским диалектом (курско-орловская „речь“) русского языка, который лег в основу русского национального языка. То же самое нужно сказать о полтавско-киевском диалекте украинского языка, который лег в основу украинского национального языка. Что касается остальных диалектов таких языков, то они теряют свою самобытность, вливаются в эти языки и исчезают в них“¹.

Возьмем к примеру развитие чувашского литературного языка, возникшего в 70-х годах XIX века на основе низового наречия чуваш. Общенародная устно-разговорная речь получает литературное оформление в изданиях Симбирской чувашской учительской школы и Казанской переводческой комиссии. По мере формирования чувашской буржуазной нации чувашский литературный язык начинает обслуживать ее, сохраняя полностью общенародный характер и закрепляя литературные нормы.

Чувашский литературный язык в своем дальнейшем развитии в годы первой русской революции значительно пополнил свой словарный состав прежде всего политическими и научными терминами, создавая их на основе внутренних законов своего развития и заимствуя в готовом виде из русского языка. Развитие чувашского литературного языка в дооктябрьский период ни в коей мере не было в состоянии перемолоть диалектную стихию, наоборот, диалектная лексика во многих случаях предъявляла свои претензии на признание за ней силы нормативности. В советскую эпоху развития чувашского языка диалектная стихия в значительной степени теряет свою самобытность. Вливаясь в общенациональный язык, диалектные яв-

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 37.

ления исчезают или становятся синонимическими словами и употребляются в разных стилистических целях.

В период становления нации язык народности подвергается изменениям, но они касаются, главным образом, основного словарного состава языка: из употребления выходит большое количество устаревших слов, некоторые слова изменяют свое значение, язык значительно пополняется новыми словами, а структура языка сохраняется во всем существенном, она лишь совершенствуется и уточняет свои правила.

При этом общенародные языки со своими территориальными диалектами способны наиболее полно осуществлять функцию орудия общения всех членов общества. „Классовые“ диалекты (жаргоны) обслуживают либо социальную верхушку, либо деклассированные группы и являются бесполезными отвлечениями общенародного языка. В развитии чувашского языка жаргоны не имели существенного значения.

Одним из величайших завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции состоит в том, что на базе старых, буржуазных наций дооктябрьского периода в советскую эпоху сформировались в результате ликвидации капитализма новые, социалистические нации, причем некоторые народности СССР стали формироваться в социалистическую нацию, минуя путь развития капитализма. Это кладет своеобразный отпечаток на развитие литературного языка.

„Никто не может отрицать, — говорит И. В. Сталин, — что нынешние социалистические нации в Советском Союзе — русская, украинская, белорусская, татарская, башкирская, узбекская, казахская, азербайджанская, грузинская, армянская и другие нации — коренным образом отличаются от соответствующих старых, буржуазных наций в старой России как по своему классовому составу и духовному облику, так и по своим социально-политическим интересам и устремлениям“¹.

В развитии языков социалистических наций мы должны учитывать два момента: частный, относящийся к развитию данного конкретного языка, и общий, относящийся к развитию всех языков социалистических наций Советского Союза.

Общие, основные и самые главные условия для развития всех языков социалистических наций Советского Союза сыграли решающее значение. Они состоят в том, что все нации в одинаковой мере участвуют под руководством Коммунистической партии в исторических победах строительства социализма, проявляют примеры патриотизма и горячей преданности Родине и объединены в непобедимом морально-политическом единстве.

Эпоха социализма ведет к расцвету родных языков. Вместе с победой социализма национальные языки достигли небывалого

¹ И. В. Сталин. Соч., т. II, стр. 339—340.

расцвета. Родной язык народных масс развивается как орудие культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. Развитие языков социалистических наций является предметом постоянной заботы партии и правительства. И. В. Сталин указывал, что „партия сочла необходимым помочь возрожденным нациям нашей страны — встать на ноги во весь рост, оживить и развить свою национальную культуру, развернуть школы, театры и другие культурные учреждения на родном языке, национализировать, т. е. сделать национальными по составу, партийный, профсоюзный, кооперативный, государственный, хозяйственный аппараты, вырастить свои, национальные партийные и советские кадры и обуздать все те элементы, — правда, немногочисленные, — которые пытаются тормозить подобную политику партии“¹.

„...Миллионные массы народа, — говорит И. В. Сталин, — могут преуспевать в деле культурного, политического и хозяйственного развития только на родном, на национальном языке“².

В эпоху развития социалистических наций стирание граней между различными диалектами народно-разговорного языка наций и литературным языком усиливается, так как миллионы людей приобщаются к социалистической культуре, и литературный язык через сотни каналов протекает в самые отдаленные уголки страны. С каждым школьным поколением суживается сфера деятельности диалектной речи, так как новейшая форма общения — радиопередача — окончательно покоряет пространство, предоставляет возможность слушать литературную речь в любом населенном пункте. В это же самое время повседневная работа густой сети начальных, средних школ, вузов и техникумов способствует внедрению норм литературного языка нации в практику устной и письменной речи.

Литературный язык, по меткому выражению А. М. Горького, отличается от обиходно-бытовой речи тем, что он обработан мастерами слова. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, „сырой язык и обработанный мастерами“.

В древней Руси литературный язык создавался на народной восточно-славянской основе. Наш современный русский литературный язык сложился в результате упорного труда многих поколений мастеров слова: писателей, поэтов, революционных и общественных деятелей. Этот язык во все исторические времена был связан с живыми источниками народно-разговорной речи. В этом его красота, мощь и величие.

Следует отметить, что в наши дни, в связи с широким распространением в народных массах литературного языка, внутриязыковые диалектные вариации исчезают значительно бы-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 353—354.

² Там же, стр. 355.

стрее, чем это было в дооктябрьский период. Но подобное явление ни в коей мере не означает, что дальнейшее развитие языка приостанавливается. В советскую эпоху, когда литературный язык всех социалистических наций идет быстрыми темпами на сближение с разговорным языком, в его развитии открываются внутренние противоречия иного рода. Вместо территориально-диалектного разнообразия устной и письменной речи все более и более выступает стилистическое многообразие литературного языка, и это открывает перед языком неограниченные перспективы развития, вместе с тем это обязывает нас к безотлагательному изучению всех стилистических особенностей развития литературного языка.

Народные черты русского языка во всей широте проявились после Великой Октябрьской социалистической революции, когда стали стираться границы между диалектами, устной и литературной формой развития литературного языка, и русский литературный язык получил широкие и неограниченные возможности для его дальнейшего развития, обогащения и совершенствования под живительными лучами идей марксизма-ленинизма.

Для правильного выявления законов развития языка наших дней требуется не только заглядывать в прошлую историю языка, но необходимо правильно предвидеть вероятный ход событий в вопросе развития наций и национальных языков. И. В. Сталин блестяще разрешил и эту задачу.

Уничтожение национальных различий и вымирание национальных языков не может произойти сразу же после поражения мирового империализма. Языку не присуще развитие со взрывом, а потому это явление не может также произойти одним ударом или в порядке декретирования сверху. Декретирование сверху и принуждение в целях слияния были бы равносильны политике ассимиляции, а политика ассимиляции безусловно исключается из арсенала марксизма-ленинизма, как политика пагубная¹.

Национальные языки будут исчезать в порядке постепенного отмирания, и этот процесс будет происходить свободно, без всякого принуждения.

Империалистическая политика насильственного навязывания одного из национальных языков в качестве мирового языка не может привести к слиянию наций и национальных языков, а способно вызвать лишь обострение национального взаимоотношения.

По учению И. В. Сталина, экономической основой создания единого мирового языка является создание единого мирового социалистического хозяйства.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 347.

И. В. Сталин отмечает несколько этапов периода всемирной диктатуры пролетариата в развитии общности языков.

Первый этап периода всемирной диктатуры пролетариата будет этапом окончательной ликвидации национального гнета. В это время не может складываться единый национальный язык, наоборот, это будет этапом роста и расцвета ранее угнетенных наций и национальных языков.

На втором этапе периода диктатуры пролетариата вместо мирового капиталистического хозяйства будет складываться единое мировое социалистическое хозяйство. В связи с этим нации почувствуют необходимость иметь наряду со своими национальными языками один общий межнациональный язык, и начнет складываться нечто вроде общего языка, но общим языком в точном смысле слова он еще не будет, так как на этом этапе национальные языки и общий межнациональный язык будут существовать параллельно.

И. В. Сталин предвидел возможность того, что на этом этапе всемирной диктатуры пролетариата первоначально будет создано „несколько зональных экономических центров для отдельных групп с отдельным общим языком для каждой группы наций“. К концу этого этапа эти центры начнут объединяться в один общий мировой центр социалистического хозяйства с одним общим для всех наций языком.

И. В. Сталин учит, что „На следующем этапе периода всемирной диктатуры пролетариата, когда мировая социалистическая система хозяйства окрепнет в достаточной степени и социализм войдет в быт народов, когда нации убедятся на практике в преимуществах общего языка перед национальными языками,—национальные различия и языки начнут отмирать, уступая место общему для всех мировому языку“¹.

В ответе т. Холопову И. В. Сталин как бы подытоживает марксистское учение о судьбе национальных языков после победы социализма в мировом масштабе:

„...Эпоха после победы социализма во всемирном масштабе, когда мирового империализма не будет уже в наличии, эксплуататорские классы будут низвергнуты, национальный и колониальный гнет будет ликвидирован, национальная обособленность и взаимное недоверие наций будут заменены взаимным доверием и сближением наций, национальное равноправие будет претворено в жизнь, политика подавления и ассимиляции языков будет ликвидирована, сотрудничество наций будет налажено, а национальные языки будут иметь возможность свободно обогащать друг друга в порядке сотрудничества. Понятно, что в этих условиях не может быть и речи о подавлении и поражении одних и победе других языков. Здесь мы будем иметь дело не с двумя языками, из которых один тер-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 349.

лит поражение, а другой выходит из борьбы победителем, а с сотнями национальных языков, из которых в результате длительного экономического, политического и культурного сотрудничества наций будут выделяться сначала наиболее обогащенные единые зональные языки, а потом зональные языки сольются в один общий международный язык, который, конечно, не будет ни немецким, ни русским, ни английским, а новым языком, вобравшим в себя лучшие элементы национальных и зональных языков¹.

Политика партии по национальному вопросу и развитию национальных языков должна быть ясна для всех. И. В. Сталин говорит:

„Может показаться странным, что мы, сторонники слияния в будущем национальных культур в одну общую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, являемся вместе с тем сторонниками расцвета национальных культур в данный момент, в период диктатуры пролетариата. Но в этом нет ничего странного. Надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком в период победы социализма во всем мире. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт,—в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре.

Могут сказать, что такая постановка вопроса „противоречива“. Но разве не такая же „противоречивость“ имеется у нас с вопросом о государстве? Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти—вот марксистская формула. Это „противоречиво?“ Да, „противоречиво“. Но противоречие это жизненное, и оно целиком отражает марксову диалектику².

Правильно осуществляя ленинско-сталинскую национальную политику, советская власть не только освободила народы бывшей царской России и сделала их равноправными, но всемерно способствовала развитию их хозяйства и национальной культуры. Учение Ленина и Сталина о нации, национальных

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. „Правда“, 1950 г., стр. 46—47.

² И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 369—370.

языках и вопросах языкознания подняло советское языкознание на высокую ступень развития. Оно вооружает нас на разоблачение всякого рода враждебных теорий и на дальнейшее развитие передовой советской лингвистики, на разработку вопросов языкового строительства национальных языков СССР.

После появления работ И. В. Сталина по вопросам языкознания научно-исследовательская работа по чувашскому языкознанию значительно оживилась. Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории принимает все меры к тому, чтобы охватить все имеющиеся силы Чувашии для составления описательной грамматики, для сбора диалектологического материала и составления пособия по диалектологии в объеме программы педвузов, по созданию сопоставительной грамматики русского и чувашского языков, по истории развития чувашского литературного языка.

Следует отметить, что ряд трудов по основным вопросам чувашского языкознания уже выполнен, к числу их следует отнести следующие работы: 1. В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. 2. В. Г. Егоров. Чувашско-русский словарь. 3. С. П. Горский. Очерки по истории чувашского литературного языка дооктябрьского периода. 4. Н. А. Резюков. Сравнительная грамматика русского и чувашского языков. 5. Н. А. Андреев. Имя существительное. Имя прилагательное. 6. Русско-чувашский словарь под редакцией проф. Н. К. Дмитриева и ряд отдельных статей по вопросам языка.

Но вместе с тем следует констатировать большое отставание научной работы по чувашскому языку от требований, выдвигаемых жизнью.

Другим крупным недостатком в нашей работе является отставание издания выполненных научных работ, зависящее как от автора, так и издательства.

Основным моментом отставания издания выполняемых работ приходится считать невысокое качество рукописей, спорность некоторых положений, выдвигаемых в них.

Критика и самокритика, призванные к улучшению качества рукописей, обычно отсутствует в момент предварительного обсуждения научных работ. Слаба она и имеет односторонний характер восхваления или охаивания и после появления в печати работы.

Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории в большом долгу у студентов Чувашского Государственного педагогического института по составлению для них описательной научной грамматики, созданной на основе учения И. В. Сталина по вопросам языкознания. Студент желает изучить чувашский язык и его историю не только по трудам Н. И. Ашмарина, написанным еще в дооктябрьский период, а потому не полностью отвечающим программным тре-

бованиям; он хочет проследить пути развития общенационального литературного языка и основные внутренние законы его развития.

В числе изучаемых специальных дисциплин курс современного чувашского языка на чувашском отделении Пединститута занимает основное место, так как другие специальные дисциплины или строятся на его материале (методика преподавания чувашского языка, сравнительная (сопоставительная) грамматика), или органически с ним связаны в качестве вступительного (предварительного) курса (историческая грамматика, диалектология, история чувашского литературного языка), на которые курс современного чувашского языка опирается лишь в отдельных случаях для закрепления своих правил историческими и иными данными. Например: личная глагольная форма чувашского языка представляет собой деформированное местоимение:

ед. ч. 1 л. <i>эпĕ ёрлет+ён</i>	множ. ч. <i>эпир ёрлет+(ё)+пёр</i>
„я работаю+я“	„мы работаем+мы“
2 л. <i>эсĕ ёрлет+ён</i>	<i>эсир ёрлет+ёр</i>
„ты работаешь+ты“	„вы работаете+вы“
3 л. <i>вал ёрлет(ё)</i>	<i>вĕсем ёрлет+сĕ</i>
„он работает+он“	„они работают+они“

В подобных случаях часто сравнительное изучение грамматик тюркских языков способствует лучшему выяснению вопроса. Сравнить в татарском языке, где личные местоимения почти полностью созвучны личным окончанием глаголов:

един. ч. 1 л. <i>мин эшли+м</i>	множ. ч. <i>без эшли+без</i>
„я работаю+я“	„мы работаем+мы“
2 л. <i>син эшли+сен</i>	<i>сез эшли+сез</i>
„ты работаешь+ты“	„вы работаете+вы“
3 л. <i>ул эшли</i>	<i>алар эшли+лер</i>
„он работает“	„они работают+они“

Описательная грамматика всегда руководствуется данными истории языка, так как они появились как „результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления“¹. Принцип историзма обычно осуществляется или посредством сравнения живых явлений с отживающими и нарождающимися. Например, при прохождении форм превосходной степени прилагательных можно утвердительно заявить, что форма из парного употребления качественных прилагательных *сара-сара*, как более древняя, уступила место форме той же степени *сан-сара*, состоящей из деформированного от того же слова *сара*→*сан*, употребляемой уже в значении усилительной части-

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Издательство „Правда“, 1950, стр. 20.

цы и прилагательного положительной степени *сарă*. Форма *сарă-сарă* употребляется только в произведениях устного народного творчества. В других случаях сопоставление грамматических явлений в диалектах и родственных языках подкрепляет правила описательной грамматики. В качестве примера можно привести ту же форму превосходной степени: *һары-һары* и *һап-һары* в башкирском языке и *сары-сары*, *сап-сары* в татарском. Совпадение значений и форм превосходной степени в разных диалектах еще больше усиливает грамматическое правило, приведенное выше.

Составленная на научной основе описательная грамматика вместе с тем будет способствовать закреплению норм литературного языка. Иначе и быть не может, так как литературные нормы создаются в порядке глубокого абстрагирования и тем самым отличаются от разговорных и просторечных слов. Описательная грамматика, а также стабильные учебники, не порочные по своему содержанию, определяют живые языковые тенденции и помогают наметить правильный путь дальнейшего развития литературного языка.

Описательная грамматика обычно состоит из двух основных разделов: морфологии и синтаксиса. Фонетика—наука о системе звуков языка. Она имеет свои специфические черты, а также общие черты с грамматикой, а потому по традиции включается в грамматику особым разделом. В учебных программах лексики не отводилось достаточного внимания. После языковедческой дискуссии изучению лексики отводится большое место.

Описательная грамматика чувашского языка, включающая разделы: фонетика, лексика и морфология уже составлена профессором В. Г. Егоровым. Она должна выйти из печати в недалеком будущем под названием: „Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении“. С этой работой читатель может познакомиться по авторефератам под тем же названием, вышедшим в 1949 и 1951 годах. В порядке подготовки к печати автор внес значительные исправления и дополнения в работу. Заново написан раздел: „Основной словарный фонд и словарный состав чувашского языка“. Автор пересматривает свои позиции в отношении некоторых грамматических категорий. Например: в недавнем прошлом автор устанавливал в чувашском языке девять падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный, исходный, целевой и лишения. В настоящее время автор склонен оставаться на позициях проф. Н. И. Ашмарина по данному вопросу, т. е. он высказывается за включение в грамматику семи первых падежей, так как это имеет силу традиции и удобно для параллельного изучения русского и чувашского языков в вузах и средней школе. Но вместе с тем профессор В. Г. Егоров, на страницах газеты

„Коммунизм ялаве“ от 5 января 1954 г. высказывается за упорядочение грамматической терминологии в чувашском языке. Об упорядочении грамматической терминологии чувашского языка написал специальную статью действительной член Академии педагогических наук РСФСР, член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Н. К. Дмитриев.

Надо проявить больше четкости к вопросу выделения основных грамматических категорий. Грамматические категории, а также и правила, обычно уточняются с учетом единства их значения, абстрактного по своему характеру, оформленного определенным образом грамматически. Необходимо продумать вопрос о выделении подражательных слов в особую часть речи. Междометие в русском языке определяется так: „Междометием называется неизменяемая и не имеющая специальных грамматических показателей часть речи, служащая для выражения чувств и волевых побуждений. По своей внешней форме междометия чаще всего являются короткими выкриками или звукоподражаниями, напр.: о! ах! эге! эй! ага! ура! чу! брысь! на! стоп! ха-ха-ха“¹.

Междометия выражают, но не называют различные ощущения и волеизъявления говорящего, а потому не являются знаменательными словами.

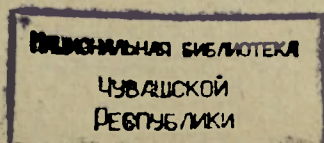
Междометия не являются членом предложения, не связываются с другими словами в предложении, но вступают в некоторые устойчивые фразеологические сочетания: Марш от меня! Спасибо вам! и др.

Под эти признаки подойдут и чувашские междометия, но подражательные слова имеют специфические черты, отличающие их от междометий.

„Подражательными словами называются неизменяемые слова, служащие для передачи звуков, издаваемых предметами и живыми существами“.

Подражательные слова не обладают функцией называния предмета и его качества, действия и его качества; они, как и междометия, не являются знаменательными словами, но в предложении бывают подлежащим, определением, обстоятельством и входят в состав словосочетания, которым выражается составное сказуемое. Например: 1. *Тан-тан-тан! илтёнчĕ инсете.* „Дон-дон-дон! слышалось вдали“. 2. *Нарт-нарт! кивакалĕ кӱлĕрен тухма пĕлмест.* „Крякунья-утка не хочет (дословно: не знает) выйти из озера“. 3. *Хут купасан семмине шарт-шарт сапарсĕ алсене.* (Васянка) „Под мелодию гармони шумно хлопают руками“. 4. *Алак шалт турĕ.* „Дверь с шумом затворилась (дословно: „хлоп сделала“, „захлопнулась“)“.

¹ Грамматика русского языка. Изд. Академии Наук СССР. Том 1. Москва. 1952 г., стр. 674.

Как от междометий, так и подражательных слов посредством прибавления одних и тех же аффиксов образуются глаголы: *ах+лат* „охать“, *шалт+лат* „захлопнуться“, *чёрик+лет* „чирикать“, „скрипеть“.

Подражательные слова являются продуктом развития чувашского языка в прошлом и не являются продуктивной категорией в настоящее время.

Проф. Н. И. Ашмарин подражательные слова называл подражательными междометиями и рассматривал их как особый вид междометий¹.

Требуется объективное исследование данного вопроса, прежде чем выделить подражательные слова чувашского языка в особую часть речи.

Грамматические категории, имеющиеся внутри каждой части речи, следует изучать в историческом плане их развития. Например, категория принадлежности в чувашском языке имеет неодинаковое употребление в двух основных диалектах чувашского языка. Это должно получить отражение в выводах по данной теме.

Морфология имеет право на самостоятельное от синтаксиса изучение; они должны быть четко разграничены. Недооценка одного из них может привести к неусвоению всей грамматики в целом. В живом разговорном языке они тесно связаны между собой, что не может не влиять на учет синтаксических функций при исследовании морфологии. Например, некоторые переходные грамматические категории получают свое выражение лишь в синтаксическом плане (переходные глаголы, слово и словосочетание).

Некоторые грамматические явления, слова и группы слов, свидетельствующие о живых процессах перехода одних категорий в другие, остаются в рамках старых грамматических категорий, так как на данной стадии развития языка еще нет достаточных оснований для выделения их в новую категорию. Например, отглагольные имена, образованные посредством прибавления аффикса самостоятельности „и“ к причастиям прошедшего времени (*кайни, вулани, ларни, килни* и др.) некоторые языковеды считают именами существительными, но они таковыми в полном смысле слова не являются, так как имена существительные имеют при себе определения, выраженные прилагательными, редко управляют косвенными падежами, а отглагольные имена управляют косвенными падежами (*хулана кайни, ханара ларни*), не имеют при себе определений, выраженных именами прилагательными.

Это положение не четко проводится в некоторых пособиях по грамматике.

¹ Н. И. Ашмарин. „Материалы для исследования чувашского языка“. Казань. 1898 г., стр. 250.

Составление научного синтаксиса чувашского языка является отстающим участком нашей научной работы. Трудности в этом деле частично объясняются тем, что проф. Н. И. Ашмарин не успел закончить изложение курса синтаксиса III выпуска „Опыт исследования чувашского синтаксиса“, так что у нас нет определенной традиции в этом вопросе, какую мы имеем по морфологии. Но это не главная причина отставания. Главное в нас самих. Составление научного синтаксиса чувашского языка числилось в прошлом в плане научно-исследовательской работы Горского С. П., затем Резюкова Н. А. Кое-какая работа проделана: у Горского С. П. имеется конспект лекций по синтаксису, а у Резюкова работа по синтаксису использована в сравнительной (сопоставительной) грамматике русского и чувашского языков. Необходимо ускорить создание курса синтаксиса, занимающего вместе с курсом морфологии центральное место среди чувашеведческих дисциплин.

В научном синтаксисе чувашского языка должно быть подробно изложено учение о словосочетании, что непосредственно вытекает из учения И. В. Сталина по языкознанию: „грамматика (морфология, синтаксис) является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении“¹. Различные виды словосочетаний, наиболее продуктивные в чувашском языке и имеющиеся в готовом виде как строительный материал предложения, должны быть изучены и по форме и по их функции в речи.

Для чувашского языка, как и для других тюркских языков, типичными и актуальными являются следующие вопросы: 1) изучение видов словосочетаний и их роли в предложении; 2) изучение способов связи слов в предложении; 3) изучение синтаксической роли причастий и деепричастий; 4) изучение способов выражения подчинения в сложно-подчиненном предложении².

Кроме этого, в синтаксисе необходимо более подробное описание порядка слов в предложении, чем это дается в учебниках по русскому синтаксису. Это вытекает из законов внутреннего развития чувашского языка. Общеизвестно, что в учебнике необходимо давать примеры в политическом отношении наиболее выдержанные, отвечающие задачам строительства коммунистического общества. В связи с этим увеличивается количество примеров на экспрессивное высказывание, а это вызывает необходимость изучения построения предложений в порядке синтаксической инверсии, затрагивающей обычный порядок слов.

Вместе с тем напрашивается вопрос о включении в науч-

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 19—20.

² Институт языкознания АН СССР. Тезисы докладов Совещания по вопросам описательной грамматики, лексикографии и диалектологии. Москва. 1953 г., стр. 9.

ную грамматику понятия о синтагме. Эмоционально насыщенный текст всегда богат мелодикой речи. Синтагма отличается от словосочетания тем, что она, являясь маленькой смысловой единицей, отделяется от других синтагм маленькой паузой и имеет всегда особую мелодику речи, чем не всегда обладает словосочетание. В связи с этим синтагма не является готовым строительным материалом, присущим всему народному языку. Синтагма выделяется в составе предложения с учетом индивидуального авторского стиля и его повествования в целом. Изучение синтагмы способствует усвоению особенностей стиля писателя и является основным вопросом изучения поэтического синтаксиса и стилистики.

В чувашском языке слабо развиты придаточные предложения, имеющие иную конструкцию и смысловый характер, чем в русском языке. Все это требует полного раскрытия сущности синтаксического явления, названного в стабильном учебнике „предложенилле член“. Научный спор здесь не может быть сведен лишь к замене терминов. Задача заключается в раскрытии сущности специфики чувашского языка. При преподавании курса сравнительной (сопоставительной) грамматики, не ставя задачи выявления новых правил в явлениях языка, можно свободно заниматься сопоставлением уже готовых, выявленных грамматических правил. В связи с этим мы безусловно должны пользоваться установившимися терминами существующих учебников: придаточное предложение и предложенилле член, соответствующий по содержанию и форме придаточному предложению и часто ему не соответствующий. Изучение обильных случаев несоответствия между придаточными предложениями русского языка и „предложенилле член“ чувашского языка невозможно наладить лишь заменой терминов.

В научном синтаксисе следует отразить синтаксические конструкции, свойственные книжной, письменной речи и конструкции, составляющие специфическую особенность разговорной речи. Следует помнить, что литературный язык советской эпохи находится под благотворным влиянием русского языка, а потому следует научиться отличать явления, возникшие в порядке влияния и носящие прогрессивный характер, от явлений, засоряющих язык. Возьмём придаточные предложения с соотносительными словами: Кам мире юратать, вӑл вӑрҫа хирӗҫ кӗрешет. „Кто любит мир, тот борется против войны“. В стабильном учебнике не указано, что подобные предложения свойственны литературному языку и употребительны при экспрессивном высказывании мысли. (Подобные указания обязательны для научной грамматики и необязательны для стабильного учебника). Некоторые языковеды (Н. А. Резюков) договариваются до того, что подобные предложения не свойственны чувашскому языку и что авторы художественных

произведений (С. В. Эльгер и др.), которые часто употребляют подобные предложения, будто бы являются обрусевшими.

Необходимо детально изучить сложные предложения современного литературного языка, выработавшиеся на основе народного языка в советскую эпоху, изучить все многообразие стилистических приемов передачи мысли разными мастерами слова и тем отразить обогащение современного чувашского литературного языка.

В разделе фонетики и морфологии необходимо дополнить учение о сингармонизме с учетом склонения и спряжения заимствованных слов: *пра́шник, пра́шнике, техник, техникпа, Париж, Парижа, критикле, анализа*.

Стабильные учебники по морфологии и синтаксису чувашского языка, составленные еще в период господства „нового учения“ о языке И. Я. Марра, медленно перестраиваются на марксистских методических принципах. В них замечается попытка подогнать факты чувашского языка под существовавшие ранее схемы построения грамматик, беспечность в поисках новых путей усовершенствования и уточнения теоретического материала и грамматических правил.

По новой грамматике для средних школ при описании частей речи необходимо давать совокупность определенных признаков частей речи: 1) семантико-грамматическое значение слова; 2) совокупность грамматических форм данной части речи, включая и систему словообразования; 3) синтаксическую роль данной грамматической категории. Такое требование вытекает из ленинской теории отражения объективной реальности в мышлении, из способов выражения его основными категориями слов. Внесение дополнения подобного рода в учебник принесло бы большую пользу делу усвоения частей речи.

В стабильном учебнике по морфологии в кратком изложении учения И. В. Сталина о языке допущена грубая ошибка: „*Чѣлхере грамматикапа самахсен йышѣ* (вместо: *самахсен тѣп фончѣ*) *пѣр-пѣринне тача сыханса, чѣлхен тѣп никѣсѣ, унан специфика пулса тарассѣ*¹. В переводе на русский язык это означает: „В языке грамматика и словарный состав, находясь во взаимосвязи, составляют основу языка, сущность его специфики“. Редактор издания А. И. Иванов не заметил данной ошибки, вследствие чего эту неправильную формулировку, искажающую подлинную сущность учения И. В. Сталина о языке, повторяют тысячи учащихся и сотни учителей.

В этом же учебнике дано новое определение местоимения: „*Япалана, е унан паллине, е хисепне ят памасѣр катартса паракан пуллев пайне местоимени теҫсѣ*“. „Местоимением

¹ М. Сергеев, А. Васильев, А. Иванов и др. Грамматика чувашского языка. Чувашгосиздат. 1952 г., стр. 4.

называется часть речи, указывающая на предмет, признак и количество, не называя их".

Но текст объяснения не доводит учащегося до понимания этого определения. Обычно не только ответы учащихся V класса, но и некоторых учителей остаются без раскрытия существа этого определения.

Стабильный учебник по синтаксису с 1-го по 8-ое издание весьма сильно переработан и дополнен. Продолжается подготовка материала для дальнейшего уточнения текста: 1) исследование отдельных вопросов синтаксиса; 2) выписывание и изучение примеров из разных произведений чувашских советских писателей; 3) изучение опыта составления учебников по синтаксису русского и тюркских языков.

Рецензенты иногда не доказывают, а приказывают внести то или иное предложение в стабильный учебник. Так было принято предложение об исключении из учебника темы „Порядок слов в предложении“ по мотивам отсутствия этой темы в учебнике русского языка. В раздел синтаксиса простых предложений было перенесено в программе изучение темы „предложенилле членсем“, проходившей после изучения всех типов придаточных предложений.

Первое предложение нельзя было проводить в жизнь по следующим соображениям. Чувашский язык, довольно богатый аналитическими конструкциями предложений и словосочетаний, экспрессивные высказывания всегда передает измененным порядком слов и имеет строго выработавшиеся правила порядка слов в предложениях обычного повествования и эмоционального высказывания. Самое обычное сочинение на свободную тему состоит из предложений с обычным порядком слов и инверсированных предложений. Если совсем не давать ученику понятия о порядке слов в предложении, ученик часто без нужды допускает инверсию, а в других случаях, отражая свое отношение к политическим событиям, описывает их обычными повествовательными предложениями, придающими его стилю чрезмерную сухость и ненужное спокойствие.

В учебнике эта тема должна быть несколько дополнена, но не выброшена. Можно надеяться, что составители новой программы уточнят объем прохождения этой темы.

Перенесение темы „предложенилле членсем“ в раздел простого предложения недопустимо потому, что предложения с „предложенилле членсем“ часто по содержанию высказываемой мысли (но не по форме) соответствуют русским придаточным предложениям, но полностью ими не охватываются. Следовательно, по методическим соображениям специфика чувашского синтаксиса должна быть учтена и данная тема должна быть пройдена после прохождения сходных типов придаточных предложений в русском и чувашском языках.

Многие конкретные предложения по уточнению текста

учебника. поступающие с мест, автором учтены и если автор не всегда соглашается с предложениями, то это значит, что вопрос является спорным и нуждается в проверке на огромном материале. Приходится сожалеть, что в наших журналах все еще нет развернутых статей по отдельным вопросам синтаксиса.

Ярким светом марксистской теории освещены вопросы истории языка, но при применении известных научных положений к некоторым вопросам исторического характера мы часто и здесь, как и по современному языку, встречаем значительные затруднения.

Взять хотя бы вопрос о происхождении чуваш и их языка.

Член-корреспондент АН СССР, профессор С. Е. Малов в статье „Древние и новые тюркские языки“¹ относит к числу древних тюркских языков: болгарский, уйгурский (язык желтых уйгуров), чувашский, якутский. С учетом различных скрещений древне-чувашского языка с тюркскими языками С. Е. Маловым чувашский язык включен также и в число новейших тюркских языков.

Член-корреспондент АН СССР Н. К. Дмитриев относит чувашский язык также к тюркской группе языков².

Проф. Н. А. Баскаков в статье „К вопросу о классификации тюркских языков“ чувашский язык включил также в число тюркских языков, но в несколько ином плане: А. Западнохуннская ветвь. 1. Булгарская группа. 1) древние: болгарский, хозарский; 2) современный: чувашский.

Проф. В. Г. Егоров в прошлом утверждавший, что „чувашский язык“ потомок языка древних волжско-камских болгар³, а в недавнем прошлом также стоявший на этой же позиции, занимаясь вопросами этногенеза чуваш по данным языка, недавно пришел к выводу, что подоснова чувашской народности образовалась из смешения доисторических разноразличных племен с тюрками-скотоводами, что чувашаи после сближения с болгарами-суварами окончательно тюркизировались. Это же положение в дальнейшей работе изложено так:

„Чувашская народность—продукт скрещения первобытных лесных племен финно-угорской группы с пришлыми кочевыми тюрками.

¹ Известия АН СССР. Отдел литературы и языка. 1952 г., вып. 2.

² Н. К. Дмитриев и С. П. Горский. Краткий грамматический очерк чувашского языка (см. Русско-чувашский словарь под редакцией Н. К. Дмитриева. Москва. 1951 г.).

³ В. Г. Егоров. Введение в изучение чувашского языка. Москва. 1930 г., стр. 22.

⁴ В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Автореферат докторской диссертации. Чебоксары. 1949 г.

Из предыдущего изложения ясно, что язык у доисторических предков чуваш был безусловно не тюркский¹.

Следует отметить, что материал, привлеченный В. Г. Егоровым для доказательства своей теории, противоречит его выводам. И. В. Сталин учит, что грамматический строй языка и основной словарный фонд составляют основу языка. В. Г. Егоров в своей работе приводит ряд слов по 12 группам, общих по значению и близких по звучанию в чувашском, болгарском, а также тюркских языках. Почти все они относятся к основному словарному фонду, являясь в то же время корневыми словами, составляют основное ядро словарного фонда. Подобные слова: *пур* „голова“, *кур* „глаз“, *сур* „волос“, *пурне* „палец“, *юн* „кровь“, *атте* „отец“, *анне* „мать“, *ывал* „сын“, *хёр* „дочь“, *хана* „гость“ и др. довольно устойчивы в языке, они безусловно сохраняются при скрещивании языка, если язык рода, племени, народности вышел при скрещивании двух языков победителем. Носители современного чувашского языка могли в прошлом называться по-иному, но если допустить, что современный чувашский язык, в глубокой древности, до эпохи рабства, имевший очень скудный словарный фонд, был не тюркского происхождения, то с полной утерей основного словарного фонда при скрещиваниях он не мог быть уже языком-победителем. Это противоречило бы учению И. В. Сталина: „Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык“².

В данном случае по Егорову при скрещиваниях чувашского языка нетюркского (финского) происхождения (I язык) с тюркским языком (II язык) получается чувашский язык (III язык). Затем следует отметить, что приводимые В. Г. Егоровым в той же работе слова: *ака* „плуг“, *сурла* „серп“, *ёне* „корова“, *кёсре* „кобыла“, *путек* „ягненок“, *сысна* „свинья“, *сын* „человек“, *арам* „жена“, *ала* „рука“, *кашкар* „волк“, *сайкар* „хлеб“, *кёпе* „рубашка“, *саса* „звук“, „голос“ являются исконно чувашскими. Относить их к основному словарному фонду языка самого древнего периода было бы невозможно. Подобные слова безусловно вошли в употребление позднее, значительно позднее, чем корневые слова, составляющие ядро основного словарного фонда. Часть из этих слов вошла в употребление в связи с переходом от скотоводства к земледелию, а потому могла быть позаимствована чувашами у многочисленных своих соседей, возможно, носителей уже отмершего языка.

¹ В. Г. Егоров. К вопросу о происхождении чуваш и их языка. См. „Записки“ Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. VII, 1953 г., стр. 87.

² И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 25.

И. В. Сталин учит, что „язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка“¹. Поэтому языковед-историк тщательно изучает материал по истории обществ и истории народов СССР, особенно тюркских народов.

Разработка вопросов истории чувашского языка в сложном процессе его исторического развития „от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным“ теснейшим образом связана с изучением длительного взаимодействия между диалектами, так как местные диалекты существовали еще при общем языке племени. союза племен и народности. Кроме того, при исследовании вопросов истории чувашского языка необходимо учесть и отношение чувашского языка к соседним языкам, в особенности к тюркским языкам. А потому изучение истории чувашского языка в связи со сравнительным изучением грамматик тюркских языков должна быть выдвинута как первоочередная задача. Во время господства „нового учения о языке“ Н. Я. Марра сравнительное изучение грамматик родственных языков запрещалось, вследствие этого мы не можем часто удовлетворить интересы читателя о прошлом чуваш и их языке, у нас нет данных о связях языка рода, племени, племенного союза, народности чуваш и других тюркских языков, нет также достаточных сведений о том, с какими тюркскими языками чувашский язык имеет больше сходных черт в структуре языка и с какими имеет лишь отдаленные черты сходства.

До сего времени вопросами далекого прошлого чуваш и их языка занимался лишь профессор В. Г. Егоров. Он имеет довольно подробный курс лекций по исторической грамматике чувашского языка для студентов Чувашского Государственного педагогического института. Он был занят созданием научной грамматики чувашского языка, а потому вопросы истории языка остались на втором плане. Поднять быстро все вышеуказанные вопросы одному лицу довольно трудно, институту необходимо планомерно вовлекать в данную работу молодежь из числа аспирантов и оканчивающих аспирантуру.

История литературного языка в некоторых программах для национальных педвузов включается в историю языка и как особый курс не читается. Объясняется это тем, что у некоторых народов СССР до Великой Октябрьской социалистической революции не было письменности, а потому не было и литературного языка.

История чувашского литературного языка начинается со

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 18.

II половины XIX столетия, отражает развитие языка нации в письменной и устной форме. В отличие от общенародного языка народности, как мы видели выше, он является языком, обработанным мастерами слова, и отличается нормативностью.

Основными трудностями в изучении истории чувашского литературного языка являются: 1) описание взаимодействия между литературным языком и диалектами; 2) нивелировка диалектов в процессе создания литературного языка; 3) вопрос о периодизации истории литературного языка.

Изучение истории чувашского литературного языка теснейшим образом связано с изучением диалектов чувашского языка, так как территориальные диалекты являются ответвлениями общенародного языка и подчиняются ему, они „обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд“¹.

Устанавливая связь в развитии литературного языка с историей общества и с историей народа, мы должны отметить, что некоторые народы (грузины, армяне, азербайджанцы и др.) еще до Великой Октябрьской социалистической революции создали буржуазную нацию. Письменный язык этих народов имеет длительную историю. В условиях еще неизжитых элементов феодального уклада литературный язык этих народов длительное время находился под влиянием буржуазной нации, что не могло остаться без последствий, так как „отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения“². Этим объясняется тот факт, что в современном азербайджанском языке много арабских слов религиозного происхождения и персидских слов, характерных для прошлых феодальных отношений.

Другие народы, не изжившие патриархально-родового уклада жизни, не перешли полностью на оседлость (тувинцы, хакасы, алтайцы). Они не успели образовать буржуазную нацию. Иные народы в дооктябрьский период не имели письменности и литературного языка (народы севера: ненцы, чукчи и др.). В советскую эпоху они начали складываться в социалистическую нацию, получили, благодаря советской власти, письменность и начали складывать литературный язык.

Разумеется, взаимоотношение между литературным языком и диалектами у этих народов будут разные. Само развитие литературного языка, процесс нивелировки диалектов и вопросы периодизации литературного языка будут иные, чем у других даже родственных им языков.

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 37.

² И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 10.

Процесс формирования литературного языка в советскую эпоху у разных народов будет иметь также общие и свои особые черты, свойственные только данному народу, несмотря на то, что в советских условиях все нации Советского Союза попали в одинаковые условия развития. Это объясняется своеобразием истории соответствующего народа в дооктябрьский период. Основное значение имеет здесь тот уровень развития общества, который был достигнут данным народом ко времени Великой Октябрьской социалистической революции.

Работа по изучению чувашского литературного языка в связи с историей общества и с историей чувашского народа приводит к выводу, что остатки патриархально-родового уклада жизни чуваш в дооктябрьский период при отсутствии единых национальных рынков, при отсутствии общности территории (а не государства, как меня поняли некоторые читатели) не способствовали быстрому утверждению буржуазной нации в XIX веке. Более интенсивно чувашская буржуазная нация развивается в начале XX века. В этой связи находится и развитие чувашского литературного языка и взаимоотношение его с диалектами. Верховые чуваш находились в территориальной близости к Москве, Н.-Новгороду, Казани. Трудовое общение великого русского народа с чувашами, начиная с XVI века, после присоединения Казанского края к Русскому государству, служило главным каналом проникновения к чувашам и русской культуры и письменности. Поэтому вполне понятно, что чувашская письменность в 1730—1870 гг. развивалась на основе окающего говора верхового диалекта. Развитие языка народности чуваш, благодаря высокой передовой русской культуре, получило возможность более полного развития в письменной форме. Письменность призвана была обслуживать в основном духовенство в деле религиозной пропаганды среди чуваш. Страдая целым рядом пороков: неудачные буквальные переводы с церковно-славянского, употребление искусственных неудачных терминов и слов (*кашкырлый*, *тына* „свидетель“, *кряшь* „борьба“ и др.), непонятных представителям всех диалектов, пользование неудачной транскрипцией, письменность того времени была чужда народу и не могла претендовать на признание за ней прав литературного языка, так как она ни в какой мере не носила следов какого-либо нормирования мастерами слова. Диалекты чувашского языка на этом этапе развиваются свободно, не испытывая никаких ограничений в своем употреблении.

В 1860-ые годы чувашская письменность, благодаря трудам Н. И. Золотницкого, значительно приближается к народу, а с 1870 года, благодаря энергичной деятельности видного деятеля по народному образованию чуваш И. Я. Яковлева начинает развиваться на основе низового диалекта и вырабатывать литературные нормы. Впервые в истории чувашской письмен-

ности выплывает вопрос о литературных нормах, о взаимоотношении между диалектами. Весьма чуткий к вопросу развития общенационального языка, И. Я. Яковлев в первую же пору своей деятельности строго держался норм литературного языка на основе низового диалекта, но свободно допускал в письменность и элементы верхового диалекта. Нарождающаяся чувашская буржуазия стала пользоваться обработанным мастерами слова чувашским литературным языком в своих целях, что рельефно стало заметно в 1905—1907 году, когда националистические пуристы выступили на страницах газеты „Хыпар“ на борьбу с заимствованиями из русского языка.

Следует отметить, что нормы чувашской орфографии, установленные И. Я. Яковлевым в семидесятых годах XIX века, в советскую эпоху вступают в конфликт с новым содержанием и претерпевают ряд изменений в 1926, 1933, 1938, 1949 и 1951 годах. С большими трудностями проходит утверждение произношения и правописания заимствованных слов.

В дооктябрьский период развития чувашского литературного языка, с 1860 по 1917 год, экономические связи между представителями низовых и верховых диалектов были слабы, культурные связи были более ощутительны, но вследствие низкого состояния грамотности среди чуваш (16% среди мужчин и 6—7% среди женщин) широкое общение представителей диалектов было также невозможно. Вследствие этого диалектная стихия слабо перемалывалась, нивелировка диалектов сильно проявилась в вопросах орфографии (а отсюда и в орфоэпии), менее заметна она в области лексики и морфологии и слабо заметна в области синтаксиса.

Диалектные расхождения в области лексики возникли на почве различий в материальной и духовной культуре, различий в географических условиях для представителей двух диалектов. Здесь мы обычно встречаемся с двумя явлениями: 1) в одном диалекте предмет и обозначающее его слово существует, а в другом диалекте их нет (*улача* „пестрядина“, *илен* (*йёлен*)—короткий халат у девушек и старух, *тухъя*—головное украшение девушек из серебра); 2) в силу тех же обстоятельств в разных диалектах один и тот же предмет называется по-разному: 1) *тупă*, *пӳске*, *мечёк* „мяч“, 2) *кашкар*, *тукмак* „волк“, 3) *вакша*, *пакша* „белка“ и др. В подобных случаях для дооктябрьского периода характерно употребление в литературном языке одного из этих вариантов в качестве нормы. В таком порядке действительно шла большая нивелировка диалектов: *сёрулми*, *пичче*, *усламсă*, *спичкă*, *шăши*, *сехет*, *тарна* др.

Самое обстояло дело в дооктябрьский период с созданием научных терминов: *сурсёр* „север“, *патшаллах чикки* „граница“, *сёр юлташĕ* „спутник земли“, *ёс вайĕ* „рабочая сила“, *ёс сынни* „трудящийся“ и др.

В советский период развития литературного языка основой его остается низовой диалект, но он в значительной мере уступает место переходным диалектам в отношении ударения в словах, в закреплении некоторых лексических и синтаксических норм и т. д., так что можно было бы условно говорить о низово-переходных диалектах как основе литературного языка советского периода. Для подобного утверждения имеются некоторые основания. Поэт Сеспель М., горячо призывавший поэтов в самом начале советской эпохи к переходу на силлаботоническое стихосложение, вместе с тем предлагал в качестве нормы ударения в дальнейшем развитии литературного языка произношение чуваш переходных диалектов. Предложение Сеспеля М. было принято, переход от семисложника к силлаботоническому стихосложению состоялся. Другим основанием для подтверждения данного положения об основе литературного языка советского периода является то, что по предварительным данным некоторых исследований чувашского языка советской эпохи лексические варианты часто приобретают характер синонимов: *улах* и *хапар*, *макар* и *йёр*, *минтер* и *сытар* и др., причем ни один из этих вариантов не утверждается в качестве нормы. Этот вопрос требует специального исследования.

В послеоктябрьский период развития литературного языка создаются чрезвычайно выгодные условия для развития чувашского общенационального литературного языка, для утверждения его норм как в письменной, так и устной речи. Процесс нивелировки и перемалывания диалектов становится вполне ощутительным, он имеет общие и свои специфические черты, вытекающие от общего хода развития литературного языка у каждой социалистической нации.

В работах по истории чувашского литературного языка необходимо наметить определенную периодизацию, хотя бы в порядке постановки вопроса.

В старых работах по истории чувашского языка вся история чувашской письменности и языка делилась на три периода: 1. до-яковлевский период чувашской письменности; 2. яковлевский период чувашской письменности; 3. послеоктябрьский период чувашской письменности¹.

Такая периодизация выдвигает на основное место в истории развития письменного языка И. Я. Яковлева, в то время как основоположником чувашского литературного языка признан дореволюционный поэт-демократ К. В. Иванов.

Приведенная выше периодизация должна быть коренным образом пересмотрена на основе учения И. В. Сталина о необходимости изучения языка и законов его развития в неразрыв-

¹ В. Г. Егоров. Введение в изучение чувашского языка. Москва, 1930 г.

ной связи с историей общества и с историей народа, носителя его языка.

Отсюда вытекает необходимость познания языка и законов его развития. Эти законы названы И. В. Сталиным внутренними, т. е. присущими ему как специфическому общественному явлению. Законы внутреннего развития языка, как и всякие общественные законы, существуют объективно и независимо от воли людей. Они объективно отражают исторические процессы в развитии языка, но невозможно их прикрепить механически к отдельным этапам развития общества. Академик В. Виноградов говорит: „Язык не воспроизводит и не отражает механически этапы развития общества. Периодизация истории языка обусловлена свойственными данному общенародному языку внутренними законами его развития. Следовательно, в применении к языку понятие общих и специфических законов развития (или, как выражаются лингвисты, внутренних общих и частных законов развития языка) должно быть наполнено совсем иным, своеобразным содержанием“¹.

Общие законы внутреннего развития языка: общенародность, а не классовая сущность языка, постепенный характер качественных изменений языка, неодинаковые темпы изменения разных сторон языка, развитие языка путем совершенствования его внутренних средств — характеризуют все языки мира на всех этапах его развития. Разумеется, эти этапы развития с конкретными показателями изменений разных сторон языка у разных народов различны. Например, развитие чувашского литературного языка и развитие литературного языка других народов в 1905 — 1907 годах и на других этапах имеет ряд существенных различий.

Но не надо забывать о взаимосвязи явлений в обществе и общие законы внутреннего развития языка не следует отрывать от частых специфических развитий чувашского языка, т. е. от развития тех законов языка, которые вытекают из структурных особенностей чувашского языка (или группы родственных языков) на определенном этапе его развития. Рассматривая общие и частные внутренние законы развития чувашского языка в неразрывном единстве, мы часто обнаруживаем слияние их в одно. Например, во всех языках социалистических наций произношение заимствований из русского языка в советскую эпоху приближается (правда, в разной степени) к русскому произношению, а не удаляется от него.

В работах по истории чувашского литературного языка необходимо отмечать наиболее существенные и активные процессы, происходящие в языке на известном этапе, которые в

¹ Академик В. Виноградов. Вопросы языкознания в свете труда И. В. Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“ (см. „Учительскую газету“ от 15 апреля 1953 г.).

своей совокупности дают новое направление в развитии чувашского языка, обуславливают переход языка к новому качеству. А существенные процессы изменений языка касаются изменений его структуры, т. е. той системы, образуемой грамматическим строем, основным словарным фондом и звуковой системой языка.

И. В. Сталин в труде „Экономические проблемы социализма в СССР“ учит, что целый ряд экономических категорий (товар, деньги и др.) приобретают новые функции, сохраняя старую форму.

В области языка, как общественного явления, можно проследить различные качественные изменения структуры языка на разных исторических этапах. На менее длительных исторических этапах можно проследить прекращение, видоизменение развития одних закономерностей и возникновение других. Общенародный характер развития структуры языка связывает частные изменения в развитии чувашского языка с историей народа, творца и носителя этого языка.

Исходя из этого, целесообразно провести следующую периодизацию истории чувашского литературного языка: 1. дооктябрьский период развития чувашского литературного языка, 2. советский период развития чувашского литературного языка. Такая периодизация оправдывается существенными качественными изменениями внутренних законов развития чувашского литературного языка, происходившими в разной форме, в указанные два периода. Эти законы полностью не изучены, но к примеру можно привести хотя бы разный характер создания научных терминов, разное произношение русских заимствований, существенные изменения в алфавите и орфографии и др.

В целях отражения менее значительных изменений для показа прерываемости и нового возникновения некоторых частных явлений в развитии чувашского литературного языка следует признать необходимым деление дооктябрьского периода на более мелкие этапы развития. Такое деление необходимо проводить только в тех случаях, когда каждый такой этап можно охарактеризовать некоторыми менее существенными изменениями в структуре языка, которые в дальнейшем ходе развития языка идут на усиление или отмирание.

Исходя из этого в нашей работе „Очерки по истории чувашского литературного языка“ отдельные очерки, входящие в данную работу, составлены применительно к основным этапам развития чувашского литературного языка. При этом следует отметить, что этапы эти связаны с историей чувашского народа, но не совпадают полностью с периодизацией истории чуваш. Например, в указанной работе творчества К. В. Иванова отнесено к теме: „Развитие чувашского литературного языка в 1905—1907 годы“, хотя читатель мог широ-

ной связи с историей общества и с историей народа, носителя его языка.

Отсюда вытекает необходимость познания языка и законов его развития. Эти законы названы И. В. Сталиным внутренними, т. е. присущими ему как специфическому общественному явлению. Законы внутреннего развития языка, как и всякие общественные законы, существуют объективно и независимо от воли людей. Они объективно отражают исторические процессы в развитии языка, но невозможно их прикрепить механически к отдельным этапам развития общества. Академик В. Виноградов говорит: „Язык не воспроизводит и не отражает механически этапы развития общества. Периодизация истории языка обусловлена свойственными данному общенародному языку внутренними законами его развития. Следовательно, в применении к языку понятие общих и специфических законов развития (или, как выражаются лингвисты, внутренних общих и частных законов развития языка) должно быть наполнено совсем иным, своеобразным содержанием“¹.

Общие законы внутреннего развития языка: общенародность, а не классовая сущность языка, постепенный характер качественных изменений языка, неодинаковые темпы изменения разных сторон языка, развитие языка путем совершенствования его внутренних средств — характеризуют все языки мира на всех этапах его развития. Разумеется, эти этапы развития с конкретными показателями изменений разных сторон языка у разных народов различны. Например, развитие чувашского литературного языка и развитие литературного языка других народов в 1905 — 1907 годах и на других этапах имеет ряд существенных различий.

Но не надо забывать о взаимосвязи явлений в обществе и общие законы внутреннего развития языка не следует отрывать от частых специфических развитий чувашского языка, т. е. от развития тех законов языка, которые вытекают из структурных особенностей чувашского языка (или группы родственных языков) на определенном этапе его развития. Рассматривая общие и частные внутренние законы развития чувашского языка в неразрывном единстве, мы часто обнаруживаем слияние их в одно. Например, во всех языках социалистических наций произношение заимствований из русского языка в советскую эпоху приближается (правда, в разной степени) к русскому произношению, а не удаляется от него.

В работах по истории чувашского литературного языка необходимо отмечать наиболее существенные и активные процессы, происходящие в языке на известном этапе, которые в

¹ Академик В. Виноградов. Вопросы языкознания в свете труда И. В. Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“ (см. „Учительскую газету“ от 15 апреля 1953 г.).

своей совокупности дают новое направление в развитии чувашского языка, обуславливают переход языка к новому качеству. А существенные процессы изменений языка касаются изменений его структуры, т. е. той системы, образуемой грамматическим строем, основным словарным фондом и звуковой системой языка.

И. В. Сталин в труде „Экономические проблемы социализма в СССР“ учит, что целый ряд экономических категорий (товар, деньги и др.) приобретают новые функции, сохраняя старую форму.

В области языка, как общественного явления, можно проследить различные качественные изменения структуры языка на разных исторических этапах. На менее длительных исторических этапах можно проследить прекращение, видоизменение развития одних закономерностей и возникновение других. Общепризнанный характер развития структуры языка связывает частные изменения в развитии чувашского языка с историей народа, творца и носителя этого языка.

Исходя из этого, целесообразно провести следующую периодизацию истории чувашского литературного языка: 1. дооктябрьский период развития чувашского литературного языка, 2. советский период развития чувашского литературного языка. Такая периодизация оправдывается существенными качественными изменениями внутренних законов развития чувашского литературного языка, происходившими в разной форме, в указанные два периода. Эти законы полностью не изучены, но к примеру можно привести хотя бы разный характер создания научных терминов, разное произношение русских заимствований, существенные изменения в алфавите и орфографии и др.

В целях отражения менее значительных изменений для показа прерываемости и нового возникновения некоторых частных явлений в развитии чувашского литературного языка следует признать необходимым деление дооктябрьского периода на более мелкие этапы развития. Такое деление необходимо проводить только в тех случаях, когда каждый такой этап можно охарактеризовать некоторыми менее существенными изменениями в структуре языка, которые в дальнейшем ходе развития языка идут на усиление или отмирание.

Исходя из этого в нашей работе „Очерки по истории чувашского литературного языка“ отдельные очерки, входящие в данную работу, составлены применительно к основным этапам развития чувашского литературного языка. При этом следует отметить, что этапы эти связаны с историей чувашского народа, но не совпадают полностью с периодизацией истории чуваш. Например, в указанной работе творчества К. В. Иванова отнесено к теме: „Развитие чувашского литературного языка в 1905—1907 годы“, хотя читатель мог широко

познакомиться с языком произведений К. В. Иванова после их появления в печати в 1908 году, или по другому говоря, язык произведений К. В. Иванова приобрел силу общественного явления не в 1905—1907 годы, а значительно позже. Но тем не менее, общая характеристика изменений в развитии литературного языка 1905—1907 годов была бы неполной без творчества К. В. Иванова.

Из вышеизложенного вытекает, что основные этапы развития чувашского литературного языка дооктябрьского периода намечены как рабочая схема, удобная для хронологического изложения собранного нами материала по истории чувашского литературного языка.

Эти этапы связаны с историей чувашского народа и ничего общего не имеют с учением о стадийном развитии языка со взрывом при переходе от одного этапа к другому. Совершенно другого мнения придерживается А. И. Иванов¹. Как сама схема, так и содержание её не претендуют на полноту и неизбежность. В дальнейшем при создании полного курса истории чувашского литературного языка сама схема и содержание её будут уточнены. Тогда и периодизация чувашского литературного языка будет носить не характер простой рабочей схемы, а более аргументирована и детализирована на основе привлечения широкого материала.

На вопрос: почему в основу схемы этапов развития чувашского литературного языка не положена периодизация истории русского литературного языка, данная в программе для вузов?—следует ответить так. Русский литературный язык развивался в продолжение нескольких столетий, а потому этапы его развития повествуют о коренных и существенных изменениях в развитии литературного языка, они являются совершенно отличными от этапов развития литературного языка малописьменных народов, где наличествуют другие этапы, характеризующиеся менее существенными изменениями, новыми возникновениями некоторых частных явлений в развитии литературного языка того или иного народа.

История развития чувашского литературного языка советского периода в особой периодизации не нуждается. Здесь целесообразно материал располагать по отдельным актуальным темам:

Развитие социалистических наций и их языков в свете учения И. В. Сталина.

История чувашской орфографии и орфоэпии и их значение в развитии литературного языка.

Развитие чувашской лексики, терминологии и грамматического строя в советскую эпоху.

¹ См. статью А. И. Иванова в газете „Коммунизм ялаве“ от 28 июня 1953 г.

Язык и стиль писателей и поэтов: Сеспеля М., Павлова Ф. П., Эльгера С. В., Ивана Мучи, Хумма С., Хузангая и др.

Каждая тема будет вскрывать поступательное развитие чувашского литературного языка, продолжение лучших традиций предыдущих этапов, появление новых закономерностей, перемалывание диалектных явлений в едином национальном литературном языке.

Некоторые из этих тем уже выполнены и постепенно будут сданы в печать. В число их нужно включить новую хорошую работу Н. Ф. Данилова „Язык и стиль романа К. Турхана „Йӓмралӓ ял“¹.

Следует несколько остановиться на вопросе изучения чувашской диалектологии. Диалекты чувашского языка не имеют больших расхождений между собою. Объясняется это, видимо, тем, что носители двух основных диалектов—низовые (анатри) и верховые (тури или вирьял) были слабо разъединены между собою. Соседи чувашей мари в этом отношении оказались в более невыгодных условиях для развития общенационального языка: река Волга в историческом прошлом сыграла для развития мари́йского языка роль основного фактора разъединения единого народного языка на два диалекта—горных и луговых мари, причем представители указанных двух диалектов с трудом понимают друг друга, в связи с чем Министерство просвещения МАССР издает учебные книги на обоих диалектах.

Диалектные данные являются важным источником для изучения истории языка и его литературного сформления. Вследствие отсутствия или недостатка научно проверенного диалектного материала исследования по истории языка будут страдать неполнотой.

Чувашскому научно-исследовательскому институту необходимо усилить отстающий участок научно-исследовательской работы по диалектологии чувашского языка. До сего времени нет еще диалектологической программы (вопросника) для сбора материала, пригодного в научном отношении. Специальные исследования диалектов чувашского языка с выездом на место коснулись северных районов: Ишлейского, Аликовского, Моргаушского. Надо изучить все территориальные диалекты, чтобы на основе взаимосвязи их, взаимодействия их с литературным языком, на основе изучения отживающих и нарождающихся элементов в территориальных диалектах наметить картины прошлого в развитии общенародного языка, вскрыть внутренние закономерности в развитии современного общенационального языка.

Процесс нивелировки диалектов должен получить свою характеристику с учетом разных сторон структуры языка. В

¹ „Записки“ Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. VII. Чебоксары, 1953 г.

основном здесь будет выступать словарный фонд и словарный состав языка, затем нормы произношения общенародных слов, заимствованных слов, а затем грамматический строй. Необходимо изучать новое звуковое и грамматическое оформление диалектного слова в связи с общим ходом развития литературного языка.

Для точного и подробного изложения вопросов изучения современного чувашского общенационального литературного языка требуется сбор и научная подготовка диалектологического материала по всем диалектам и говорам, представленным в порядке картографирования. Без этого нам не поднять ни изучения истории языка, ни изучения истории его литературного оформления. Опираясь лишь на предварительные диалектные данные, извлеченные без выезда на место в процессе живого общения с представителями диалектов, невозможно дать полной картины описания диалектов.

Вопросы перестройки изучения чувашского языкознания в свете трудов И. В. Сталина в основном сводятся к следующим выводам: Необходимо полностью выкорчевать из чувашского языкознания остатки тлетворного явления „нового изучения о языке“ Н. Я. Марра.

На основе творческого подхода к учению трудов И. В. Сталина оживить все участки чувашского языкознания, взаимосвязанные между собой.

Чувашскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории необходимо полностью проводить в жизнь указания директивных органов о координации всей научной работы по чувашскому языкознанию, чувашской филологии и истории чувашского народа.

Надо втянуть в работу над указанными выше актуальными вопросами все научные силы республики, привлекая и внештатных сотрудников.

Шире практиковать научные теоретические конференции по вопросам чувашского языкознания.

И. В. Сталин указывал, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики. Это указание И. В. Сталина надо положить в основу нашей работы и шире развернуть критику и самокритику в научной работе, больше практиковать просмотры, рецензирование и обсуждение издаваемых трудов.

В. Д. АРАКИН,
кандидат филологических наук

ОШИБКИ В РАБОТАХ Н. Я. МАРРА ПО ЧУВАШСКОМУ ЯЗЫКУ

Среди различных высказываний Н. Я. Марра об отдельных языках немалое место занимают его суждения о чувашском языке, которому, в частности, посвящена специальная работа „Чуваши-яфетиды на Волге“.

В заключении этой работы сформулирован следующий вывод: „из доисторического населения Европы, яфетического создателя начал европейской культуры, в Восточной Европе сохранился один-единешенек чувашский народ, органически связанный и с созданием средневековой культуры того же района, и этот народ с языком, перебрасывающим мост на север к угро-финнам, и на восток к туркам и монголам, должен занять первенствующее место в очередных изысканиях человечества по истории зарождения и эволюции своей культуры и по установлению ее источников...“¹

В другом месте той же работы читаем: „...родство с турками исходит из того, что чувашский язык — один единственно сохранившийся из той тесно связанной группы яфетических языков, из которой сложились впоследствии турецкие языки“².

Таким образом, Н. Я. Марр считал, что чувашский язык: 1) возник в Европе; 2) относится по своему типу к так называемой яфетической стадии языкового творчества; 3) представляет более раннюю стадию развития турецких, или, вернее, тюркских, языков.

Посмотрим, насколько справедливы и научно обоснованы эти утверждения.

Действительно ли чувашский язык принадлежит к числу древнейших языков Европы?

И. В. Сталин, говоря о характерных чертах языка, указал, что „...грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики“³.

¹ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 370.

² Там же, стр. 333.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950 стр. 26.

Поэтому, чтобы судить о правильности сделанных Н. Я. Марром выводов, мы и должны обратиться к указанным выше двум сторонам языка — грамматике и основному словарному фонду. С другой стороны, И. В. Сталин отметил, что „...язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка“¹.

Следовательно, творцом чувашского языка является неоспоримо сам чувашский народ. Однако термин „чуваши“ как название народа появляется весьма поздно, лишь в первой половине XVI в. Летописи, повествующие о сношениях русских с народами Среднего Поволжья, не упоминают о чувашах. Ничего не сообщают о них историки первых веков н. э. Аппиан, Тацит и др., как раньше не говорит о них и греческий историк Геродот, писавший в V в. до н. э. о Восточной Европе.

Между тем, археологические данные свидетельствуют о том, что на территории, занимаемой сейчас чувашским народом, поселения существовали уже в эпоху верхнего палеолита². Впервые перечисляет имена народов, населявших районы Среднего Поволжья, — Мегепс (меря), Морденс (мордва) и Стемлисканс (черемисы, т. е. марийцы), — готский историк Иордан³. Чуваши же им не упоминаются.

Все это позволяет сделать вывод, что в то отдаленное от нас время, т. е. в V—VI вв. н. э., на территории современной Чувашии чувашского народа еще не было, хотя различные другие народы — марийцы, мордва, — известные теперь в этом районе, уже начали складываться. Однако вполне возможно, что проникновение тюркских племен на территорию Чувашии следует отнести даже к более раннему периоду, может быть, к I в. до н. э. К сожалению, никаких письменных свидетельств об этом не имеется.

Положение существенно изменяется, когда на территорию Среднего Поволжья проникают в VI—VII вв. булгары, народ тюркской группы⁴, живший до этого на территории Северного Кавказа и составлявший большой племенной союз, распавшийся в результате исторической катастрофы на несколько частей. О местонахождении булгар на Северном Кавказе сообщают греческие и армянские авторы.

Переход булгар в районы Северного Поволжья привел,

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 22.

² А. П. Смирнов. Древняя история чувашского народа (до монгольского завоевания). Чебоксары, 1948, стр. 5—15.

³ А. Куник и В. Розен. Известие Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878, стр. 155.

⁴ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949, стр. 435.

видимо, к ассимиляции ими местного населения, почему впоследствии на этой территории и слышно только о булгарах.

Посетивший в начале X в. Волжскую Булгарию арабский путешественник Ибн-Фадлан, участник посольства багдадского халифа Муктадира к болгарскому царю Альмасу, уже говорит о булгарах, как о едином народе, хотя и сохраняющем еще воспоминания о племенном разделении. Это дает основания считать, что к X в. булгары успели сложиться в народность, которая должна была иметь свой, характерный для нее, язык.

О болгарском языке мы можем судить на основании свидетельств восточных авторов; надгробных надписей, обнаруженных в различных местах на территории бывшего Булгарского ханства; тюркских заимствований в венгерском, марийском и других языках, носители которых соприкасались с булгарами.

Так, арабский писатель первой половины X в. н. э. Эль-Балхи сообщает, что „язык болгар сходен с хазарским“. С другой стороны, он отмечает, что „буртасы говорят на языке различном“. Другой арабский автор X в. — Абу-ль Касим также подтверждает: „...их (т. е. буртасов. — В. А.) язык отличается от болгарского...“ Наконеп, путешественник X в. Аль-Истахри говорит в своей книге „Описание климатов“: „...язык хазар не сходен с языком турок и персов, и вообще он не похож на язык ни одного из народов“¹.

Из этих данных выясняется предположительно следующее: болгарский язык входит в ту же группу, что и хазарский, но отличается от тюркских диалектов Средней Азии, от персидского языка и, наконец, от древнего мордовского языка (языка буртасов).

Сходство языков, выражающееся прежде всего в материальном сходстве их грамматического строя и основного словарного фонда, можно рассматривать как определенное языковое родство. А это позволяет говорить о существовании какого-то более древнего языка-основы.

Что же это был за язык-основа, из которого развились впоследствии и хазарский и болгарский языки?

Известно, что гунны уже в III в. н. э. владели обширными степными пространствами в районе Нижней Волги и Дона и отчасти на Северном Кавказе. После распада гуннского племенного союза в половине V в. часть гуннских племен осела на Северном Кавказе и приняла участие в складывании новой болгарской народности, племенные названия которой — утургур, кутургур, унногундур — сохранили отзвуки ее первоначальной принадлежности к гуннам.

В. В. Радлов склонен объяснять термин „гунн“ из названий

¹ „Хрестоматия по истории СССР“, сост. В. И. Лебедев, М. Н. Тихомиров, В. Е. Сыроечковский, т. I, изд. 3-е испр. и доп. М., 1949, стр. 32.

„он-уйгур“ т. е. „десятиплеменные уйгуры“, составлявшие, по его мнению, ядро хуннского государства (см. ниже)¹.

А. П. Смирнов, говоря о пришедших булгарах, относит их к сарматским племенам².

Из сказанного можно видеть, что в основе болгарской народности лежат гуннские этнические элементы, участвовавшие в ее образовании,—некоторые гуннские племена, говорившие, видимо, на одном или нескольких родственных языках.

Вопрос о происхождении гуннов уводит нас в глубины степей Центральной Азии, где уже в III в. до н. э. сложился союз племен, известных под названием „хунну“, распавшийся в половине I в. до н. э. Часть хунну откочевала, видимо, в район Северного Казахстана, где образовала новый мощный союз племен. Оттуда в I в. н. э. хунну продвинулись далее на запад и, впитав в себя другие этнические элементы, появились в Европе уже под именем гуннов. После распада гуннского племенного союза остатки гуннов, осевших на Северном Кавказе, ассимилировали различные местные племена, навязали им свой язык и дали начало новым этническим образованиям. Часть этих вновь образовавшихся племен, а может быть и народностей, продвинулась к северу (на Волгу). Там произошло формирование болгарской народности и образование Булгарского ханства, в состав которого вошла и территория современной Чувашии. При этом болгарскому языку пришлось столкнуться с языками местного населения. В результате происшедшего скрещивания болгарский язык вышел победителем и сохранил свой грамматический строй и основной словарный фонд, свойственный языкам тюркской группы, что блестяще подтверждает слова И. В. Сталина о том, что „...скрещивание даёт не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и даёт ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития“³.

После разгрома Булгарского государства в 1361 г. население территории нынешней Чувашии вступило на путь самостоятельного развития и, в конце концов, в процессе хозяйственного развития данного района, консолидировалось в новую народность, получившую название „чуваши“.

При распаде государства болгар один из местных диалектов, на котором говорило население Чувашии того времени, видимо, ожил и дал начало отдельному языку, чувашскому. С подобном случае говорит И. В. Сталин: „...единный язык народности, не ставшей ещё нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие

¹ В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893, стр. 126—128.

² А. П. Смирнов. Древняя история чувашского народа, стр. 17.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

государственного распада этой народности, а местные диалекты, не успевшие ещё перемолотиться в едином языке, — оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков¹.

Первое упоминание о чувашах в летописи относится к 1524 г. — времени похода князя Василия Ивановича против Казани. Говорит о них и князь А. М. Курбский в „Истории о великом князе Московском“: „Егда же преплавишася Суру реку, тогда черемиса горняя, а по их чуваша зовомые, язык особливый, начаша встречати по пяти сот и по тысяще их, аки бы радушеся цареву пришествию“².

Таким образом, хотя чувашский народ фактически сложился на территории современной Чувашии, своими корнями он уходит в далекие просторы Центральной Азии, откуда пришли хунны-гунны, предки болгар-чувашей.

Перейдем теперь к детальному рассмотрению исторических корней чувашского языка.

Древнейшие письменные памятники чувашского языка восходят не далее, как ко второй половине XVII в. Поэтому сравнительное изучение дошедших до нас болгарских памятников имеет для решения вопроса о родственных связях чувашского языка исключительно важное значение.

Н. И. Ашмарин в своей интересной работе указывает, что в языке современных чувашей имеется немало гуннских слов, перешедших из сохранившего из языка болгар, например гуннское *вар*, отразившееся в чувашском слове *вар* — „овраг“, „долина“³. Н. И. Ашмарин очень убедительно показал также, что чувашский язык восходит к одному из диалектов древнеболгарского языка.

На основании общей фонетической структуры слов, обнаруженных в древнеболгарских памятниках, древнеболгарский язык можно отнести к языкам тюркской группы. Такие слова, как, например, *хир* — „девушка“; *дьал* — „год“, „возраст“ (татарское *яш*); *айых* — „месяц“; *кун* — „день“; числительные: *дьюр* — „сто“; *алта* — „шесть“; *дьият* — „семь“; *тохыр* — „девять“; *дьирем* — „двадцать“; *вутыр* — „тридцать“ и ряд других, а также многочисленные слова, проникшие из древнеболгарского языка в венгерский язык во время пребывания венгров в районе между Доном и Кубанью до второй половины IX в.⁴, по своему характеру — общенародности, устойчивости и упо-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 44.

² А. М. Курбский. История о великом князе Московском, изд. Археологической комиссии. СПб., 1913, стр. 178.

³ Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваша. „Известия Общества археологии, истории и этнографии“, т. XVIII. Казань, 1902, стр. 51.

⁴ L. Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. „Mémoires de la Société Finno-Ougrienne“, t. XXX, 1912.

требительности, — несомненно принадлежат к основному словарному фонду древнебулгарского языка.

Грамматический строй древнебулгарского языка, кроме единственно сохранившейся формы прошедшего времени *эди* — „был“ (кстати, вполне совпадающей с соответствующими формами в других тюркских языках, татарским *иде*, узбекским *эди*, турецким *иди* и т. д.), остается неизвестным науке, так как древнебулгарские памятники написаны на арабском языке и приведенные слова вкраплены в арабский текст. Однако грамматический строй современного чувашского языка несет в себе типичные черты тюркских языков, и поэтому нужно признать, что и грамматический строй древнебулгарского языка, из местных диалектов которого впоследствии сложился чувашский язык, должен быть также тюркским.

Но, как было указано выше, болгары, повидимому, являются потомками гуннов. Поэтому есть все основания предполагать, что гуннский язык в своей материальной части также должен быть языком тюркским, однако сильно отличающимся от языка, например, орхонских надписей. Древнейшие китайские летописи сохранили несколько слов, которые удалось разъяснить средствами тюркских языков¹. Так, слово *гюй-цы*² — „царевна“, т. е. „дочь“, „девица“ китайских летописей, встречающееся около 28 г. до н. э.³, раскрывается как древнетюркское слово *кыз*, уйгурское *кыс*, древнебулгарское *хир*, чувашское *хёр*. Слово *янь-чжы*⁴ китайских летописей, встречающееся в связи с событиями конца III в. до н. э. и обозначающее „жена“, „супруга“, как явствует из тех же китайских летописей более позднего времени (Тумынь-хан „супругу свою называл Хатунь, что значит то же, что Яньчжы“) ⁵ расшифровывается как тюркское слово *эпчи*, встречающееся в различных значениях в некоторых тюркских языках — хакасском, половецком и др.)⁶. Слово *эуто*⁷, встречающееся в китайских летописях за 200 лет до н. э. и объясняемое китайскими же авторами то как „землянка“, то как „строение для пограничного караула“⁸, на самом деле являлось обозначением „вестового огня“, „маяка“, служившего сообщением о надвигающейся опасности у степняков. Оно раскрывается как тюркское слово *от*⁹ — „огонь“, представленное также

¹ В. А. Панов. К истории народов Средней Азии. I. Сюн-ну (Хунну). Турецкое происхождение народа Сюн-ну (Хунну) китайских летописей. Владивосток, 1916, стр. 82.

² Там же, стр. 7—20.

³ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I. М.—Л., 1950, стр. 97.

⁴ Там же, стр. 46 и сл.

⁵ Там же, стр. 228.

⁶ В. А. Панов. К истории народов Средней Азии, стр. 20—27.

⁷ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах..., стр. 120.

⁸ Там же, стр. 78.

⁹ В. А. Панов. К истории народов Средней Азии, стр. 28—30.

и в чувашском языке в форме *вут* — „огонь“, с типичным для этого языка протетическим *в* и узким гласным. Слово *чен-ли* или *тан-ли* китайских летописей, встречающееся в 176 г. до н. э., раскрывается как древнетюркское „небо“, „бог“¹. Оно представлено в ряде тюркских языков и возможно в чувашском слове *тура*, с утраченным *н*, а может быть *н**, перед *р*. Слово *тоу-ло* — „могила“ китайских летописей, встречающееся в 77 г. до н. э., расшифровывается как древнетюркское слово *тура* — „дом“, „строение“, „жилище“, алтайское *тура* — „город“, „крепость“². Это слово происходит от корня *тур* или *дур* — „стоять“, „остановиться“ и представлено также и в чувашском языке глаголом *тӑр* с тем же значением „стоять“, в татарском *тор*, алтайском *тур* — „стоять“ и т. д.

Из приведенных примеров ясно видно, что в чувашском языке сохранился ряд слов, материальная форма которых, правда, в сильно искаженном виде, засвидетельствована китайскими летописными источниками II—III вв. до н. э. Таким образом, определенная часть чувашского основного словарного фонда восходит к отдаленному прошлому и притом к прошлому не европейских, а азиатских народов. Этим, по нашему мнению, вполне опровергается утверждение Н. Я. Марра о том, что чувашский язык принадлежит доисторическому населению Европы. Элементы чувашского языка были заложены еще в эпоху существования хуннусского племенного союза. После распада этого союза, одна его часть — западные гунны — принесла с собой в Европу свой язык, отдельные диалекты которого развились впоследствии в болгарский язык. Чувашский же язык, хотя, видимо, и сложился на территории нынешней Чувашии, входившей в состав Булгарского ханства, но своими корнями уходит не к местному доисторическому населению края (якобы яфетическому, как утверждал Н. Я. Марр), а к той части древнетюркских племен, которые появились в приволжских степях под именем гуннов. Раннее отделение этих последних от остальных тюркских племен Центральной Азии и Алтая является, видимо, причиной тех существенных изменений, общих болгарскому и чувашскому языкам, которые отличают их от всей массы тюркских языков.

На основании каких же данных брался Н. Я. Марр опровергать установившееся в науке мнение о болгарском происхождении чувашей? На основании выдвинутой им теории стадильности и скрещенного характера всех языков. „Яфетические языки, — писал он в работе „Чуваши-яфетиды на Волге“, — в числе их и чувашский, представляют по типу переживание доисторического состояния человеческой речи, следовательно, доисторических яфетических языков, из которых в различные

* *н* носовое.

¹ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах..., стр. 120.

² В. А. Панов. К истории народов Средней Азии. стр. 35—36.

эпохи и в различных странах вылупились семьи и хамитическая, и семитическая, и индоевропейская, и, как теперь мы получаем возможность утверждать, также угрофинская и монголо-турецкая, к которым нам перебрасывает мост чувашский язык¹.

Свои рассуждения Н. Я. Марр основывал на различных конкретных фактах лексического порядка. Посмотрим, насколько обоснованы эти рассуждения.

Одним из основных положений учения Н. Я. Марра о языке является утверждение, что мышление доисторического человека было конкретное, поэтическое, образное, с родством слов-символов, как выразителей образов. Поэтому, когда хотели сказать „круг“, „свод“, „арка“, „шар“, говорили „небо“. С другой стороны, указывал Н. Я. Марр, „небо“ и „гору“, а также „голову“ обозначали одним и тем же словом. Для подтверждения этого положения Н. Я. Марр приводил чувашское слово *турă* — „бог“ и чувашское слово *ту* — „гора“. Слово *турă*, действительно, связано со словами *тэнгри*, которое, как указано выше, было обнаружено еще в языке хунну и засвидетельствовано китайскими летописями впервые под 176 г. до н. э. в искаженной форме *ченли* — „небо“², которое в „Истории младшего дома Хань“ переводится как „небо“. По тем закономерностям фонетического порядка, которые характерны для чувашского языка, звук *н* (заднеязычный *н*) выпадает, на что указал Н. И. Ашмарин³.

Так, притяжательный аффикс второго лица множественного числа *н гыз* отражается в чувашском как *-ер*; например, чагатайское *кызынгыз* — „ваша дочь“ и чувашское *хёрёр* — „ваша дочь“, чагатайское *кїлдїнгыз* — „вы пришли“ и чувашское *кїлтёр* с тем же значением.

Это свойство чувашского консонантизма обнаруживают также слова, перешедшие из чувашского языка в марийский и сохраняющие *н* там, где в чувашском его уже нет. Например, чувашское *канаш* — марийское *кăнăш* — „совет“; чувашское *ансар* — марийское *ангыр* — „узкий“.

Сопоставлять же слово *турă* со словом *ту* — „гора“ не представляется возможным, так как чувашское *ту* — результат определенных фонетических закономерностей, типичных для этого языка. Слово „гора“ передано в древнейших текстах как *тау*. Как известно, языки кипчакской группы — татарский, башкирский и др. — на месте конечного и интервокального *г* имеют неслоговое *у*, т. е. форму *таг* — „гора“, *ауры* — „больной“.

В чувашском языке *г* и *к* также не представлены в конце,

¹ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 331.

² Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах., стр. 120.

³ Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваша. „Известия Общества археологии, истории и этнографии“. Казань. 1902, стр. 60.

а в интервокальном положении *г* перешло в *в*. Например: чувашское *пула* — „рыба“, татарское *балык*, казахское *балык*; чувашское *шура* — „белый“, татарское *сары*, уйгурское *сарыг* — „желтый“; чувашское *йывар* — „дерево“, татарское *агач*, алтайское *агаш*, турецкое *ағас*; чувашское *пёвер* — „печень“, татарское *бауыр*, турецкое *барыр*; чувашское *ывъл* — „сын“, татарское *ул*, казахское *ул*, турецкое *огӱл*; чувашское *йывар* — „тяжелый“, татарское *ауыр*, казахское *ауыр*, хакасское *аар*, турецкое *ағир*.

С другой стороны, звук *а* в корневых слогах в чувашском языке переходил в *у*, составляя специфику чувашского вокализма. Это можно наблюдать на множестве примеров: чувашское *хура* — „черный“, татарское, башкирское *кара*, хакасское — *хара*, турецкое *kara*; чувашское *пуç* — „голова“, татарское, башкирское *баш*, хакасское *пас*, турецкое *baş*; чувашское *чул* — „камень“, татарское *таш*, турецкое *taş*; чувашское *сул* — „год“, „возраст“, татарское *яш* — „возраст“, алтайское *дьаш*, турецкое *уаш* — „возраст“.

Следовательно, чувашское слово *ту* — „гора“ восходит к форме *туу*, далее *тау*, и, наконец, *таг*, и сопоставлять это слово, как делает Н. Я. Марр, со словом *тура*, значит пренебрегать рядом точнейших закономерностей, существующих в данном языке.

Совершенно антинаучно и другое сопоставление Н. Я. Марра, утверждавшего, что как „небо“ и все, что с ним связывается, так „тело“ и его части обозначаются одним и тем же словом. Для подтверждения этого тезиса на материале чувашского языка использует он чувашское слово *пуç* — „голова“. Это слово, как известно, является закономерным развитием входящего в основной словарный фонд всех тюркских языков слова *баш*, „голова“, ср. татарское слово *баш*, якутское *баас*, хакасское *пас*, казахское *бас*, киргизское *баш*, узбекское *бош*, турецкое *baş*.

Конкретные материалы тюркских языков ни в какой мере не подтверждают вышеприведенного тезиса Н. Я. Марра, так как терминология частей тела и притом во всех тюркских языках не имеет ничего общего со словом „тело“: чувашское *ут*, *ут-пу* — татарское *тән* — „тело“, хакасское *ит* „тело“.

Тогда Н. Я. Марр решается на трюк и привлекает для подкрепления своих позиций баскское слово — *bur-u*. При этом Н. Я. Марр обнаруживает поразительное незнание конкретных фактов живых языков: „...совершенно не случайно, — утверждает он, — что баскское *bur-u* и чувашское *пуç* — *нос* по закону

чувацкого соответствия свистящего или шипящего *с, ш* плавному *л, р* одинаково означают „голову“¹. Самое поразительное, что Н. Я. Марр, отрицавший, как хорошо известно, фонетические законы, установленные сравнительным языковедением, сам в этом трудном для него положении к ним прибегает. Видимо, его четыре элемента не в силах подкрепить его тезис! Однако он и тут неминуемо впадает в непростительные ошибки.

Сравнение чувашского *пу* и баскского *bur-и* он строит на якобы существующем в чувашском языке соответствии звуков *с, ш* плавному *л* и *р* других языков. Но, во-первых, такого соответствия вообще не существует. Известно обратное соответствие чувашского *р* звуку *з* других тюркских языков. Например:

чувашское *варӑм* — „длинный“, татарское *озын*, киргизское *узун*, турецкое *uzun*; хакаское *узун*;

чувашское *пар* — „лёд“, татарское — *боз*, киргизское — *муз*, узбекское — *муз*, турецкое *buz*;

чувашское *ватӑр* — „тридцать“, татарское *утыз*, хакаское *отыс*; киргизское *отуз*, узбекское *уттиз*, турецкое *otuz*;

чувашское *сыр* — „писать“, татарское *яз*, узбекское *ёз*, казахское *жазу*, киргизское *жазуу*, турецкое *yaz*.

Чувашское *л* в конце слов обычно соответствует тюркскому *ш*. Например:

чувашское *хӗвел* — „солнце“, татарское, половецкое *кояш*, узбекское *куёш*;

чувашское *чул* — „камень“, татарское *таш*, хакаское *тас*, алтайское, киргизское *таш*;

чувашское *алак* — „дверь“, татарское *ишек*, алтайское *эжик*, киргизское *эшик*;

чувашское *кӗмӗл* — „серебро“, татарское *кӧмеш*, алтайское *кумуш*, казахское *кумис*, турецкое *gümüş*;

чувашское *хӗл* — „зима“, татарское *кыш*, хакаское *хыс*, алтайское, киргизское *кыш*, турецкое *kış*.

Следовательно, закон точного соответствия указанных согласных чувашского языка вывернут Н. Я. Марром наизнанку, и чувашскому языку навязаны не свойственные ему черты.

Всякий фонетический закон, установленный сравнительным языковедением, опирается на большее или меньшее количество реальных фактов из соответствующих языков. Н. Я. Марр же привлекает к сравнению случайно выхваченный из далекого, ничего не имеющего общего с чувашским языком, баскского языка, переворачивает существо фонетических законов и пользуется подобным сравнением, как одним из „неоспоримых“ доказательств своего тезиса. Столь безответственно искажая факты, можно было бы, пожалуй, доказать, что латинский язык в Европе и язык аранта в Австралии оказываются близкими

¹ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 327.

между собой на основании единственно только того, что по-латыни „голова“ — *caput*, а на языке аранта „голова“ — *капута*. Думаю, что такой „метод“ работы вряд ли можно назвать научным.

Однако сказанного недостаточно. Не имея буквально никаких вещественных доказательств, Н. Я. Марр, неожиданно для читателя, бросается к романским языкам, выхватывает слово *porter*¹ и утверждает, что французский корень *por*, полученный к тому же якобы от западноевропейских яфетидов, басков-иберов, находится в тесном родстве с чувашским *пор* — „есть“ и служит доказательством происхождения глаголов *нести* и *быть* от понятия „рука“.

На самом же деле, чувашское слово *пур* — типичная для этого языка разновидность существующего в татарском, башкирском, киргизском, казахском языках слова *бар* — „есть“, в турецком *Var* — „есть“, „имеется“, и со словом „рука“ в этих языках не связано, так как это слово представлено в чувашском словами *ала* и *хул*, в других тюркских языках словами *кол* или *кул*.

Французское же слово *porter* имеет, прежде всего, корень *port*, но не *por*, как думал Н. Я. Марр, и восходит не к баскскому, никому не известному слову, а к хорошо известному латинскому слову *porto* — „несу“, „ношу“ и со словом „рука“ — *manus* также ничего общего не имеет.

Таким образом, и это суждение Н. Я. Марра не представляет никакой научной ценности.

Рассмотрим теперь следующие положения Н. Я. Марра: 1) чувашский язык принадлежит сибилантной ветви, именно шипящей ее группе, окающей с осложнением огласовки и аканием, т. е. к той группе, к которой принадлежат яфетические языки причерноморские: из живых мегрельский и лазский, из мертвых, по всем видимостям, скифский и шумерский (кимерский); 2) чувашский язык имеет поразительные встречи, общие слои с языком свистящей группы, к которой принадлежат из живых грузинский, из мертвых, по всей видимости, сарматский, или, что то же по составу, салский-харский, он же италский, в средние века хазарский; 3) чувашский сильно осложнен спирализацией, обращением свистящих и шипящих согласных в придыхательные при огласовке *е(ё)*, т. е. в общем отмечен характерными признаками особой экающей группы².

Сравнивая систему согласных и их распределение в словах чувашского языка и в соответствующих словах других тюркских языков, мы убеждаемся в появлении в чувашском языке

¹ См. Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 327.

² Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 329.

звука *ç* там, где в других языках слышится *й*, *ж*, *дь* или *дж*. Например:

чувакское *çурт* — „дом“, татарское *йорт*, алтайское *дьурт* — „страна“, „поселок“;

чувакское *çёр* — „сто“, татарское *йёз*, хакасское *чӯс*, казахское *жуз*, якутское *суус*, турецкое *уйз*;

чувакское *çамар* — „дождь“, татарское *янгыр*, алтайское *дьанмыр*, киркизское *жамгыр*, якутское *самыыр*, турецкое *yağmur*; чувакское *çu* — „лето“, татарское *жэй* — „весна“, алтайское *дьай* — „лето“, киркизское *жай*.

Однако эта особенность чувакского языка не присуща ему искони, а является результатом длительного исторического развития первоначального **j*. На основании материалов древнебулгарских памятников и данных венгерского языка, впитавшего некоторые древнебулгарские (а следовательно, древнечувакские) слова, можно утверждать, что на протяжении с VII по XIV в. звука *ç* в начальном положении указанных выше слов не было, а существовал звук, близкий к *дь*. Например: венгерское *gyűrű*, чувакское *çёрё*, алтайское *дьустук* — „кольцо“, турецкое *üyük* — „кольцо“.

Вырывание же каких-то случайных слов вроде чувакского *сивё* — „холодный“ и *си* — „есть“, „кушать“ и т. п. и сопоставление их с грузинскими словами типа *ივი* — „холодный“ и отдельным элементом *ში* в грузинском не может привести ни к каким убедительным выводам и не дает права на какие-либо научные заключения.

Не считаясь ни с какими принципами этимологии, Н. Я. Марр готов считать родным, исконным словом данного языка такое, которое на основании исторически зарегистрированных данных имеет совершенно иную историческую судьбу. Так, заимствованное в сравнительно недавнее время из русского языка слово „село“ обозначающее у чувакшей специфическое для русской действительности явление (большую, обычно торговую деревню с церковью в ней), и, отсутствовавшее в практической жизни чувакшей слово *сала* Н. Я. Марр рассматривает как свистящую акающую разновидность чувакского слова *ял* — „деревня“. Между тем, русское слово *село* встречается и в древнеславянском тексте в значении „поле“, например „село судельниче“, и в древнерусских текстах, и является широко продуктивным в современном русском языке, обросшим рядом производных слов — „селить“, „сельский“, „поселять“, „поселок“, „поселковый“ и т. д. Чувакское слово *ял* — „деревня“ не имеет ровного общего с русским словом „село“ и происходит от широко распространенного в тюркских языках и, в частности, в языке орхонских памятников слова *эль*, что значит „союз племен“.

1 Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр.

„племенной союз“. Конечно, используя пресловутые четыре элемента палеонтологического метода Н. Я. Марра, можно было бы тут же заявить, что слово *эль* — это усеченная форма спирантизованного слова *ḥel* и, таким образом, возвести его к свистящей форме *sal*. Подобное решение вопроса ничего не дает науке.

Таким образом, первое положение Н. Я. Марра о принадлежности чувашского языка к сибилантной ветви не может быть признано научно обоснованным, так как *ç* в начале слов чувашского языка не есть явление, уходящее в доисторию, а представляет собою образование исторического, и к тому же не очень отдаленного, прошлого. Поэтому относить образование сибилантности в чувашском языке к доисторическому периоду не представляется возможным.

Н. Я. Марр утверждает далее, что чувашский язык принадлежит к шипящей группе сибилантной ветви с характерным для нее оканием. Действительно, окание, и даже укание, составляет характерное свойство чувашского языка. Однако это свойство присуще ему не искони, а возникло как определенная фонетическая закономерность не раньше XIV в. Следовательно, до XIV в. относить чувашский язык к окающей группе не было оснований, и Н. Я. Марр совершенно неправ, когда отрицает происхождение чувашского слова *мул*¹ из арабского и пытается, пренебрегая историческими данными, навязать ему „яфетическое“ происхождение. Произвольно оперируя своими элементами, он утверждает, что слово *мул* — болгарского племенное слово со значением „деньги“. Но каким же образом это слово могло получить подобное значение, если известно, что в племенном обществе не было денег, как не было и классов? Это остается невыясненным. С другой стороны, арабское слово *мал-ун* обозначало „имущество“, „скот“ и т. д. Вполне вероятно, что оно было завезено с Востока арабскими купцами, посещавшими Булгарское ханство. Следует, кстати, отметить, что слово *мал* с гласным *а* встречается в некоторых тюркских языках, где оно, в связи с хозяйственным укладом этих народов, обозначает „скот“, как, например, в хакасском и алтайском, не говоря уже о тех тюркских народах, которые имели, в силу исторических условий, еще более тесные связи с арабской культурой. Вряд ли кому-либо придет в голову принимать это слово за одно из племенных названий хакасов, алтайцев или казахов! Тем более нет никаких оснований считать это слово входящим в состав имени булгар, особенно если принять во внимание, что свою огласовку на *у* оно получило уже тогда, когда Булгарское ханство прекратило свое существование.

Аналогичную неразбериху и антиисторизм в подходе к отдельным явлениям конкретных языков можно наблюдать в рас-

¹ См. Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 368.

суждениях Н. Я. Марра относительно чувашского слова *хула*. Это слово встречается в древнебулгарских памятниках и звучит *кала*. Несомненно, что оно происходит от арабского слова *кал*¹ и бытует во всех тюркских и нетюркских языках Ближнего Востока и Кавказа, в том числе и в грузинском. Несмотря на это, Н. Я. Марр с помощью четырехэлементного анализа пытался вывести форму *кар*, встречающуюся в названиях некоторых городов, как, например, Шупашкар. Однако отсутствие каких-либо связей между арабским языком и языками финских народов Поволжья не позволяет отождествить названные выше слова. Сибилянтной формой от *кар* будет форма *сар*, которая и является якобы первой составной частью названия хазарского города Саркел, считавшегося Н. Я. Марром, вопреки историческим данным, столицей хазарского царства. Типично для исследовательских приемов Н. Я. Марра, что никакие указания на значение названия этого города им не принимались во внимание. Историческая точность перевода этого названия как „белая вежа“, встречающегося в русских летописях, подтверждается также византийскими и арабскими источниками. У Константина Багрянородного Саркел назван *ἡ πρὸν ὀπίτιον*, т. е. „белый дом (убежище)“², у Мукадесси и у Табари он именуется Аль-Бейда³, что значит „белая“. Это название представляет несомненно сокращение арабских слов „*аль мадинату-ль-бейдау*“, т. е. „белый город“, где слово *бейда*(у) является формой женского рода от прилагательного *абъяду* — „белый“. А между тем анализ названия Саркел как „белый дом“, „белая вежа“ может дать ценные указания на тождество значений в хазарском и чувашском языках (*шурā* — „белый“, *сар* — „белый“, при значении этого корня „желтый“ в других тюркских языках, и *кел*, близко родственное чувашскому *кил* — „дом“). Это тождество лишний раз подтверждает мнение Эль-Балхи, приведенное выше (стр. 37), о сходстве языка болгар и хазар. А это, в свою очередь, говорит о возможности происхождения обоих языков от одного источника, каким, можно думать, был гуннский язык.

Одновременно следует обратить внимание на тот факт, что такие „города“, как Саркел, не могли иметь длительной истории, так как находились на пути движения крупных племенных соединений, предававших все огню и мечу. В период господства гуннов о Саркеле, так же как и об Итиле ничего не слышно. Действительно, археологические раскопки, произведенные Волго-Донской экспедицией, открыли для науки остатки кирпичной крепости Саркел, основанной хазарами около 834 г. Повидимому, эта крепость имела башни, по имени которых это место и получило свое название. Раскопки показали, что гражданское

¹ См. Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 367—368.

² „Migne. Patrologia Graeca, vol. CVIII, col. 327/8.“

³ „Bibliotheca Geographorum Arabicorum“, vol. III, col. 335.

население крепости жило в землянках и юртах¹. Следовательно, нужно предположить, что название Саркел, как и сам населенный пункт, возникает в период хазарского каганата, т. е. после V в. Этого, кстати, не отрицает и сам Н. Я. Марр, называя хазар „строителями Саркела и всего края“².

Но почему хазары должны были употребить для названия своего нового города какой-то „яфетический“ термин, ничего им не говоривший, но обязательно восходящий к древним племенным названиям, остается совершенно непонятным. Практика показывает, что каждый народ дает название новым местам, исходя из материала общенародного языка, который распространен на той территории, где расположено данное место. Например, греческие колонии получали греческие названия: так, Неаполь, основанный некогда греками, носит греческое название *неа* — „новая“ — женский род от *νέος* — „новый“, *πόλις* — „город“. Новгород, основанный в IX в., или Белгород, основанный русскими в конце XVI века, имеют вполне русские названия, отражающие основной словарный фонд русского языка.

Поэтому, мне кажется, нет никаких оснований полагать, что название хазарского города Саркела, вопреки топонимической практике всех народов называть создаваемые ими населенные пункты, исходя из материала своего общенародного языка, должно было обязательно восходить к какому-либо названию „яфетических“ племен. Город этот, точнее кирпичная крепость, был основан хазарами, народом тюркской группы в IX в., название его было дано, исходя из словарного состава хазарского языка, и перевод, приведенный в русской летописи, вполне соответствует действительности.

Привлечение же к объяснению слова *Саркел* чувашского слова *хула* — „город“ и слов из армянского и грузинского языков доказывает лишь, насколько беспомощным чувствовал себя Н. Я. Марр со своими элементами. У него не оставалось никакого иного выхода, кроме как пренебречь конкретными историческими свидетельствами, с одной стороны, и с другой — широко использовать случайно выхваченные из разных языков слова вроде армянского *kərpak*, грузинского *qulbaq* со значением „торговое помещение“, „магазин“, „лавка“.

По данным древнебулгарских надписей и слов, заимствованных венгерским и марийским языками, ученые-чувашеведы установили закономерный переход древнего *a* под ударением в *y* после XIV в.

Например:

чувашское *шур* — „болото“, венгерское *sár*, татарское, киргизское, казахское *саз*, алтайское *сас*, турецкое *saz*;

¹ Известия Академии Наук СССР. Серия истории и философии, т. VIII. № 3, 1951, стр. 299.

² Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 367.

чувашское *пуç* — „голова“, татарское *баш*, якутское *баас*, узбекское *баш*, турецкое *baş*;
чувашское *çул* — „год“, древнебулгарское *дьял* — „год“, татарское *яш*, алтайское *дъаш* — „возраст“, турецкое *уаш* — „возраст“;
чувашское *вун* — „десять“, древнебулгарское *ван*, татарское *ун*, турецкое *он*;
чувашское *уйах* — „месяц“, древнебулгарское *айых*, татарское *ай*, турецкое *ау*.

Наконец, утверждение Н. Я. Марра о принадлежности чувашского языка к шипящей группе, т. е. о появлении звука *ш* в начале слов, также не выдерживает критики. Строить выводы на одном только слове *шур*¹ — „болото“ не научно и не убедительно. Тем более, что слово *шур* известно в своей более древней форме в венгерском языке, где оно звучит *sar* (*шар*). Это слово, не неся еще огласовки *у*, уже имело шипящую согласную. Слово же *шыв* — „вода“ восходит к более древнему слову *суб*, которое встречается в языке орхонских надписей.

Таким образом, нам кажется, что первый пункт положения Н. Я. Марра о чувашском языке, как языке, которому присущи все характерные черты языков шипящей окающей группы, и вследствие этого представляющем достаточно данных для утверждения якобы „яфетического“ характера этого языка, — следует признать необоснованным и ложным. Чувашский язык не имеет никаких сходных черт с так называемыми яфетическими языками, кроме случайных совпадений, вроде возникновения начального *ç* и других, которые, как устанавливает история чувашского языка, никогда не были ему свойственны и явились результатом определенного сравнительно недавнего развития данного языка.

Второе положение Н. Я. Марра о том, что чувашский язык имеет „поразительные встречи с грузинским языком“, не подтверждается никакими данными. Указание Н. Я. Марра, что грузинский язык использует слово *курухали* для обозначения понятия „слеза“, как „глаза-вода“, не представляет ничего удивительного. Это явление наблюдается в большинстве тюркских языков: в чувашском мы находим *куç-çулё* или *куç-шы-вё*, т. е. тоже „глаза - вода“, в татарском *күз-яше*, в казахском *көз-жас*, в киргизском *көз-жашы*, в турецком *göz-uşu*, и все они значат „глаза-вода“. Аналогичное образование мы находим и в персидском языке *аб-и чэшм* — „вода - глаза“. Сравнение же чувашского слова *куç* — „глаз“ с баскским *и-кур-и* — „видеть“ является совершенно произвольным сопоставлением и никаких оснований для серьезных заключений дать не может.

¹ См. Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 330.

Не менее фантастическим является утверждение Н. Я. Марра о том, что чувашская речь якобы сохранила культовый термин, название шумерского тотемного бога, в форме *тура*, в связи с которым якобы сохраняется название снега, как одного из космических явлений, так как слово „небо“ могло одновременно использоваться и для названия птиц, перьев и даже снега. Сравнение идет по линии чувашского слова *турă*, баскского *e-dur* — „снег“ и чувашского *юр*¹ „снег“. Оно, как и все уже нами рассмотренные, не выдерживает критики. Выше указывалось, что слово *турă*, восходит по всей видимости к древнетюркскому *тэнгри*. С другой стороны, слово *юр* представляет собой закономерный вариант более древнего тюркского *кар*, который мы встречаем во всех тюркских языках. В этом слове, как и в некоторых других словах, начальный *k* изменился сначала в среднеязычный согласный *k'*, который потом перешел в *j*. Таким образом, наблюдается следующее: чувашское *юн* — „кровь“ представляет собой закономерно развившееся в чувашской языковой среде явление перехода заднеязычного *k* в *j*, возможно перед бывшим переднеязычным *и*, и последующий переход гласного *а* под ударением в *у*. Например: чувашские *юр* — „снег“, татарское *кар*, турецкое *кар*, туркменское *каар*; чувашское *юн* — „кровь“, татарское *кан*, турецкое *кан*, якутское *хаан*, туркменское *гаан*.

Следовательно, сопоставляя слова *тэнгри* — „небо“ и *кар* „снег“, невозможно установить те связи, на которых настаивал Н. Я. Марр. Только сознательное пренебрежение историческими судьбами языка или незнание его фонетических законов может привести к подобным антинаучным выводам.

Неверным является также утверждение Н. Я. Марра о чувашском вкладе в русскую речь. Яфетическое учение о языке установило, — делает в связи с этим разъяснение Н. Я. Марр, — что глаголов, как самостоятельной части речи, вначале не было. По утверждению Н. Я. Марра, каждое имя становится глаголом лишь во фразе, и, следовательно, все глаголы всех языков произведены от имен существительных.

Так, например, Н. Я. Марр утверждал, что глагол „дать“ происходит от слова „рука“ и что обычными отвлеченными понятиями от слова „рука“ являются существительные „сила“, „посулы“, „взятка“ и глаголы „сулить“, „обещать“.

В тюркских языках существуют сходные по звучанию корни: татарское *сул*, турецкое *sol* — „левый“, в чувашском составное слово *сулахай*. „Рука“ на татарском языке — *кул*, на киргизском, казахском — *кол*, на турецком — *kol*.

Н. Я. Марр, развивая свою мысль далее, утверждал, что с представлением „рука“ связано ближайшим образом слово

¹ См. Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 331—332.

„дорога“, чувашское *сул*. Но не следует забывать, что слово *сул*, по своей звуковой форме, вторичного происхождения из формы, начальным согласным которой был согласный *л*.

Исходя из современной формы чувашского языка, *сул* — „дорога“, формы, сложившейся, как уже говорилось, между VII и XIV вв., Н. Я. Марр, пренебрегая историческими фактами и вне всяких норм языковедной науки, делает действительно сногшибательный вывод о том, что коренные русские слова „посылать“, „посол“, „сулить“, „посулы“ представляют лишь русское оформление чувашских слов¹. Между тем, эти русские слова принадлежат к основному словарному фонду русского языка и сложились еще задолго до времени образования основного словарного фонда современного чувашского языка.

Подобные сопоставления, как и многие этимологии Н. Я. Марра, не основаны на научных данных, а совершенно произвольны. В самом деле, чтобы сделать указанные выводы, необходимо иметь дело с одним и тем же языком. Например, необходимо, чтобы в русском языке существовало слово типа чувашского *сул*. В русском же языке такого слова нет. С другой стороны, при наличии слова *сул* в чувашском языке нужно, чтобы в том же языке существовали упомянутые выше слова. Между тем, „посол“ по-чувашски так и звучит *посол*, представляя довольно позднее заимствование этого слова из русского языка, следовательно не имеет ничего общего с чувашским „посылать“ *хушса яр*. В таком случае остается лишь взять слово из одного языка и столкнуть его со словами другого языка, хотя между этими языками никакого родства нет. Поистине достойный подражания прием! От таких „научных“ заключений трудно ждать чего-либо путного и действительно научного.

Наконец, необходимо остановиться еще на одном утверждении Н. Я. Марра. Он говорил в цитированной выше работе, что „у яфетидов слово *ur*, в архетипе **cur*, resp., *hur*, во-первых, означало „женщину“, и что чувашское *хёр* — „дочь“, „девушка“ является именно этим словом из экающей группы спирантной ветви яфетических языков. „Во-вторых, по положению о пучковости значений „женщина + вода + рука“ то же *ur* в чувашском означало первично „руку“ и сохранилось в значениях послелога „через“ в послелоге *ur-ta*“².

Наукой совершенно точно установлено, что чувашское *хёр* происходит не от какого-либо мифического архетипа **hur*, как это представлялось Н. Я. Марру, а является закономерным результатом фонетического развития древнетюркского слова *кыз*, представленного еще в китайских летописях под 28-м

¹ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 336.

² Там же, стр. 342.

годом до н. э.¹ как *гюй-цы*. Это слово встречается и в древнебулгарских надгробных надписях XIV в. в форме *хир*.

Изучение древнебулгарского и чувашского консонантизма ясно показывает, что чувашское *х*, так же как и хакасское *х*, — есть результат закономерного развития древнетюркского *к*, что подтверждают такие примеры:

чувашское *хура* — „черный“, хакасское *хара*, татарское *кара*, турецкое *kara*;

чувашское *халха* — „ухо“, хакасское *хулах*, татарское *колак*, казахское *кулак*, якутское *кулгаах*, турецкое *kuřak*;

чувашское *хёл* — „зима“, хакасское *хыс*, татарское *кыш*, якутское *кыһын*, турецкое *кыш*;

чувашское *хул* — „рука“, татарское *кул*, алтайское, казахское *кол*, турецкое *kol*.

Чувашский *р*, как в интервокальном, так и в конечном положении, закономерно соответствует древнетюркскому *з*.

Например:

чувашское *тахар* — „девять“, древнебулгарское *тохыр*, татарское *туғыз*, турецкое *dokuz*;

чувашское *шур* — „болото“, татарское, киргизское, казахское *саз*, алтайское *сас*, турецкое *saz*;

чувашское *сёр* — отрицательная частица, татарское *сыз*, турецкое *siz*;

чувашское *мар* — отрицание „не“, татарское *мас*, турецкое *таз*;

чувашское *кёр* — „осень“, татарское *коз*, казахское, киргизское *куз*, якутское *куһун*, турецкое *göz*;

чувашское *пар* — „лед“, татарское *боз*, узбекское *муз*, киргизское *муз*, турецкое *buz*.

Что касается гласного, то он представлен весьма близким к древнему гласному *ё*. Таким образом, в строгом соответствии с закономерностями, установленными наукой, чувашское слово *хёр* является коренным древнетюркским словом *кыз*, бытующим абсолютно во всех тюркских языках; якутское *кыыс*, хакасское *хыс*, туркменское *гыз*, татарское *кыз*, турецкое *кыз*, т. е. входит в общий основной словарный фонд древнетюркских языков. Сопоставление же слова *хёр* с неизвестным архетипом **hur*, как это делает Н. Я. Марр, является совершенно произвольным и научно недоказуемым.

Еще поразительней привлечение к исследованию греческого слова *χεῖρ* — „рука“, которое по совершенно неизвестной этимологии сопоставляется со словом *хёр*, и это невероятное сопоставление должно якобы служить доказательством справедливости положения Н. Я. Марра о том, что существует пучок значений „женщина + вода + рука“. Между тем, кон-

¹ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах..., стр. 97.

кретные исторически засвидетельствованные языки совершенно не подтверждают этого. Так, имеем: в греческом *γυνή* — „женщина“, *ὕδωρ* — „вода“, *χερ* — „рука“; в чувашском *хер* — „девушка“, *шыв* — „вода“, *хул* — „рука“; в татарском — *кыз* — „девушка“, *су* — „вода“, *кол* — „рука“ и т. д.

Из приведенных, крайне ограниченных примеров можно видеть, что предположение Н. Я. Марра о существовании названного выше пучка значений опровергается материалом как тюркских языков, так и греческого и является полностью надуманным. А раз так, то и его утверждение о яфетическом характере чувашского слова *хер* также совершенно несостоятельно.

Как можно видеть, буквально ни одно утверждение Н. Я. Марра, касающееся чувашского языка, которое он стремился подкрепить лингвистическими фактами этого языка, не выдерживает критики и рушится, как только к нему подходят с анализом, основанным на сравнительно-историческом методе с его тщательным и кропотливым изучением отдельных конкретных языков и конкретных групп языков. Этот метод разрушал все основные лингвистические построения Н. Я. Марра, что, естественно, вызывало у последнего враждебное отношение к нему. Опираясь мифическими племенными названиями, пренебрегая строгими закономерностями конкретных языков, Н. Я. Марр построил свою теорию стадиальности, изначально яфетического населения Восточной Европы, на песке. Материалы живого конкретного чувашского языка вопиют против этого и требуют установления истины.

Своей теорией о скрещенном яфетическом характере чувашского языка Н. Я. Марр нанес огромный вред советскому чувашеведению и советской тюркологии в целом, направив их на совершенно ложный путь.

Если же мы обратимся к живому чувашскому языку и рассмотрим его основной словарный фонд, то сможем прийти к научно обоснованным выводам, которые частично совпадают с выводами таких ученых, как, например, проф. Н. И. Ашмарин.

И. В. Сталин говорит, что „... грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики“¹. Следовательно, для определения природы чувашского языка необходимо изучить его грамматический строй и основной словарный фонд. Рассмотрение грамматического строя чувашского языка приводит к выводу о принадлежности его к группе тюркских языков. Типичной чертой морфологии этих языков, и чувашского в том числе, является их агглютинирующий характер. Например: слово „голова“ в чувашском *пуç*, в татарском *баш*. Производный

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

глагол „начинать“ в чувашском *пусла*, в татарском *башла*, „начинаться“ в чувашском *пуслан*, в татарском *башлан* и т. д. Или в системе склонения: именительный падеж единственного числа чувашское *хёр*, татарское *кыз*; хакасское *хыс*; им. пад. мн. ч. *хёр-сем*; *кыз-лар*; *хыс-тар*; исходный падеж множественного числа *хёр-сен-чен*, *кыз-лар-дан*; *хыс-тар-тан* и т. д.

Тюркские языки, в том числе и чувашский, совершенно не знают префиксов, и все морфологические изменения в них носят суффиксальный характер, в то время как языки, называемые Н. Я. Марром яфетическими (например, грузинский), имеют и префиксы и суффиксы.

В чувашском языке, как и в тюркских, монгольских и других языках Сибири, нет категории грамматического рода. В чувашском языке, как и в других тюркских языках, существуют притяжательные аффиксы.

В отношении синтаксического строя, чувашский язык также вполне согласуется с другими тюркскими языками. Порядок слов в предложении, типичный для чувашского языка (постановка определения перед определяемым, подлежащего перед дополнением, сказуемого в самом конце, а обстоятельств места и времени в начале предложения), типичен и для других тюркских языков, но совсем не типичен для языков кавказских, где порядок слов относительно свободный; определение следует обычно за определяемым и согласуется с ним в падеже, как например, в новогрузинском. Наличие причастных и деепричастных оборотов, заменяющих придаточные предложения других языков и отсутствующих в кавказских языках, ограниченное использование формы множественного числа с количественными числительными, отсутствие предлогов и, наоборот, широкое развитие системы так называемых служебных существительных типа чувашских *си* — „верх“, *сётел сине* — „на стол“, *сётел синче* — „на столе“, *сётел синчен* — „со стола“ — все эти синтаксические особенности в равной мере характерны как для чувашского, так и для остальных тюркских языков и совершенно не характерны для других семей языков, в том числе для кавказских.

Морфологические элементы чувашского языка, как правило, материально родственны морфологическим элементам других тюркских языков. Ниже приводится таблица для иллюстрации некоторых падежных аффиксов отдельных тюркских языков.

Суффикс множественного числа представляет собой специфическую особенность чувашского языка, *-сам*, *-сем*, при общетюркском *-лар* и его вариантах *-тар*, *-нар*, *-дар*, и их изменениях в связи с сингармонизмом.

Однако чувашские *-сам*, *-сем* являются не чем-то посторонним, образовавшимся в результате скрещения языков, а новообразованием на основе тюркского же слова *сам* — „число“, которое сохранилось как заимствованное из древнебулгар-

ского языка в венгерском языке в форме *szám* — „число“, „номер“, и в чувашском и татарском в форме *сум*, на что указал еще З. Гомбоц¹.

	Чувашский	Татарский	Киргизский	Хакасский	Якутский	Турецкий	Узбекский	Алтайский
Родительный падеж	-н	-нын	-дын	-тынъ -нынъ	нет	-ип -ип	-нинг	-тын -дын -нын
Дательный падеж	-е	-га -ка	-га -ка	-га -ха	-га -ка	-а	-га	-га -го, -ка -ко
Исходный падеж	-тен -рен	-дан -нан	-дан -нан	-дан -нан -тан	-тан -нан	-дан -тан	-дан -тан	-дан -дон
Местный падеж	-те -ра	-да -та	-да -та	-да -та	нет	-да -та	-да	-да -до -та -то

Несколько другой точки зрения придерживаются Г. Рамстед² и М. Рэсэнен³, которые считают, что чувашское *сам* восходит к тюркскому *сайын* — „каждый“. Однако и эта точка зрения не противоречит тому утверждению, что чувашский язык использовал слово, принадлежащее к основному словарному фонду тюркских же языков.

Обращаясь к системе глагола, мы также можем обнаружить общий материальный тип личных окончаний. Следует помнить, что, как убедительно показал З. Гомбоц⁴, чувашский аффикс настоящего времени *-ам*, к которому прибавляются личные окончания, является не чем иным, как продуктом распада принадлежащего основному фонду всех тюркских языков глагола *тур* — „стоять“, превратившегося в аффикс. Так, у глагола *вула* — „читать“ третье лицо единственного числа на-

¹ Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache, p. 192.

² G. Ramstedt. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen „Journal de la Société Finno-Ougrienne“, t. XXXVIII, 1916, 1, стр. 19.

³ M. Rasanen. Die Tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. „Mémoires de la Société Finno-Ougrienne“, t. XLVIII, 1920, p. 43.

⁴ Z. Gombocz. Das tschuwassische Praesens-Futurum. „Körösi Csoma Archivum“, t. 1, 1924, 4, стр. 262—266.

стоящего времени, не принимающее во всех тюркских языках личных аффиксов, будет *вулатъ* — „он читает“. З. Гомбоп возводит аффикс *-ат* к древнебулгарской форме *-a-tur*, которая должна лежать в его основании.

Следует отметить, что этот глагол широко используется и в других тюркских языках, как напр. в узбекском, где глагол „*тур*“ в измененной форме — *-ои-* выполняет функцию аффикса сказуемости, напр. у *билади* — он знает; в хакасском тот же глагол в форме *дыр* или *дир* участвует в образовании сложной формы настоящего времени, выражающей многократное или обычное действие; напр. мин *кӧредирбин* — я смотрю. Эти примеры лишней раз подтверждают тот факт, что чувашский язык широко использует те же самые морфологические средства, что и другие тюркские языки, и, что эти морфологические средства сложились в нем из одних и тех же материально общих лексических единиц, что и в других тюркских языках. Эти факты имеют особое значение для суждения о принадлежности чувашского языка к группе тюркских языков, т. к. свидетельствуют о наличии некоторых общих для них законов внутреннего развития, видимо, унаследованные ими с глубокой древности, что не могло бы быть, если бы это были языки неродственные.

Другой характерной чертой для всех тюркских языков, в том числе и для чувашского, являются личные глагольные аффиксы настоящего времени, представляющие собой личные местоимения. Например:

эпӗ вулатӑп — „я читаю“, *эсӗ вулатӑн* — „ты читаешь“, *вал вулатъ* — „он читает“;
эсир вулатӑр — „мы читаем“, *эсир вулатӑр* — „вы читаете“, *вӗсем вулатӑр* — „они читают“.

Форма настоящего времени в татарском языке:

мин язам (ын) — „я пишу“, *син язасын* — „ты пишешь“, *ул яза* — „он пишет“,
без язабыз — „мы пишем“, *сез язасыз* — „вы пишете“, *алар яза* — „они пишут“.

Форма прошедшего времени в чувашском языке образуется с помощью суффикса *-т*, в 3-ем лице *-чӗ*, который восходит к общетюркскому суффиксу прошедшего времени *-ди*, напр. *килчӗ* — он пришел; тат. *килде*.

Своеобразной формой, отличающей чувашский язык от других тюркских языков, является отрицательная форма повелительного наклонения, где отрицательная частица *ан* вынесена перед глаголом. Например: *ан пыр* — „не приходи“, *ан тӑр* — „не стой“.

Аналогичная форма имеется не только в финских языках, влияние которых некоторые ученые усматривают именно в наличии этой формы, но также и в монгольском языке, о чем

говорит Г. Рамстедт¹. Это позволяет высказать предположение, что указанная особенность чувашского языка восходит не к финским языкам, а представляет собой какую-либо древнюю черту, характерную для болгарской группы тюркских языков.

Переходя теперь к основному словарному фонду, составляющему вторую специфическую черту всякого языка, вспомним характеристику, данную И. В. Сталиным: „Он (т. е. основной словарный фонд. — В. А.) гораздо менее обширен, чем словарный состав языка, но он живёт очень долго, в продолжение веков и даёт языку базу для образования новых слов“².

И. В. Сталин приводит примеры подобных слов. Какие же слова чувашского языка соответствуют им?

„Вода“ — чувашское *шыв*, орхонское *суб*, татарское *су*, якутское *уу* (с утратой начального спиранта *h*, образовавшегося из *с*, черта, характерная для якутского языка), турецкое *su* и др. Чувашское слово *шыв* материально ближе всего к орхонскому *суб*, так как переход *с* в *ш* имел место, видимо, до VII в., т. е. до заимствования древнебулгарских (следовательно, древнечувашских) слов венгерским языком, где они представлены со звуком *ш*³. Конечное *б* отражается в чувашском в середине и в конце слов как *в*.

„Земля“ — чувашское *сер*, татарское *жир*, хакасское *чир*, казахское *жир*, турецкое *yer*. Переход начального *ј* в *с* составляет закономерное для чувашского языка явление (см. выше).

„Гора“ — чувашское *ту*, орхонское *таг*, уйгурское *таг*, хакасское *таг*, киргизское *туу*, *тоо*, алтайское *туу*, казахское, татарское *тау*, турецкое *dar*.

„Лес“ — чувашское *варман*, татарское *урман*, турецкое *orman*.

„Рыба“ — чувашское *пула*, татарское *балык*, хакасское *палых*, алтайское *балык*, казахское *балык*, турецкое *balık*. Ударное *а* в чувашском языке перешло в *у*, конечные же *к* и *г* чувашском языке повсюду выпали.

„Человек“ — чувашское *сын*, татарское *кеше*, киргизское *киши*, турецкое *kişi*, хакасское *кизи*. Слово „сын“ не имеет соответствия в других тюркских языках и, видимо, не тюркского происхождения. Тем не менее, оно носит общенародный характер и, видимо, давно уже бытует в чувашском языке.

„Ходить“ — чувашское *суре*, татарское *иору*, хакасское *пор*,

¹ См. G. Ramstedt. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen, p. 22.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

³ Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in der Ungarischen Sprache. „Mémoires de la Société Finno-Ougrienne“, t. XXX, 1912, p. 120.

киргизское *журву*, казахское *журу*, алтайское *дьур*, турецкое *yürütek*.

„Делать“—чувашское *ту*, татарское *иту*, казахское *ету*, алтайское *эт*.

„Торговать“—чувашское *сут ту*, татарское *сату иту*, казахское *сауда истеу*, киргизское *сатуу*.

Если мы возьмем такую бесспорную категорию слов основного словарного фонда, как личные местоимения, то применительно к тюркским языкам получим следующее:

		Чувашский	Татарский	Киргизский	Хакасский	Якутский	Турецкий	Узбекский	Алтайский
Единственное число	1-е лицо	<i>эпĕ</i>	<i>мин</i>	<i>мен</i>	<i>мин</i>	<i>мин</i>	<i>ben</i>	<i>мен</i>	<i>мен</i>
	2-е лицо	<i>эсĕ</i>	<i>син</i>	<i>сен</i>	<i>син</i>	<i>эн</i>	<i>sen</i>	<i>сен</i>	<i>сен</i>
	3-е лицо	<i>вал</i>	<i>ул</i>	<i>ал</i>	<i>ол</i>	<i>кѳни</i>	<i>о</i>	<i>у[л]</i>	<i>ол</i>
Множественное число	1-е лицо	<i>эпир</i>	<i>без</i>	<i>биз</i>	<i>пис</i>	<i>биһиги</i>	<i>biz</i>	<i>биз</i>	<i>бис</i>
	2-е лицо	<i>эсир</i>	<i>сез</i>	<i>сиз</i>	<i>сирер</i>	<i>эһиги</i>	<i>siz</i>	<i>сиз</i>	<i>слер</i>
	3-е лицо	<i>вĕсем</i>	<i>алар</i>	<i>алар</i>	<i>олар</i>	<i>кѳннэлэв</i>	<i>onlar</i>	<i>улар</i>	<i>олор</i>

Как можно видеть из приведенной таблицы, чувашские личные местоимения значительно отличаются от местоимений других тюркских языков. Тем не менее, ясно, что фактический материал, из которого они сложились, несомненно тюркский. Так, в местоимениях *эпĕ*, *эсĕ*, *эпир*, *эсир* имеется звук *е*, который можно принять за какой-то приставочный элемент. Если мы его отбросим, то получим формы, близкие к остальным тюркским. В местоимениях *эпĕ*, *эсĕ*, возможно, отпал носовой согласный, имеющийся в местоимениях тех же лиц в других языках; местоимения *эпир*, *эсир* закономерно имеют *р* на месте *з* в других языках, типа *биз*, *сиз* и пр. (см. выше). Местоимение *вал* представляет собой закономерное развитие более ранней формы *ол*, находимой, например, в хакасском языке, с развитием протетического *в* перед лабиализованным гласным. Видимо, то же самое имеем в местоимении множественного числа *вĕсем*.

Местоимения „кто“—чувашское *кам*, татарское *кем*, алтайское, хакасское *кем*, узбекское *ким*, турецкое *kim* и „что“—чувашское *мĕн*, татарское *нәрсә*, алтайское *неме*, хакасское *нѳме*, узбекское *нѳма*, турецкое *не*, несомненно носят также общетюркский характер.

В числительных подобным же образом проявляется их общетюркское происхождение, как явствует из таблицы, помещенной выше.

В. Г. Егоров в статье „Этногенез чувашей по данным язы-

ка¹ очень наглядно показал, что чувашские слова, обозначающие части тела, вполне согласуются с соответствующими словами древнебулгарского языка.

Ниже приводится сравнительная таблица тюркских существительных, обозначающих наиболее распространенные металлы, а также основные астрономические понятия, которые в некоторых родственных языках, например славянских, германских или романских и др., также обозначаются родственными словами, что свидетельствует о возникновении их из одного источника.

	Чуваш- ский	Татар- ский	Киргиз- ский	Хакас- ский	Якут- ский	Турец- кий	Узбек- ский	'Алтай- ский
один	<i>пёрре</i>	<i>бер</i>	<i>бир</i>	<i>пир</i>	<i>биир</i>	<i>bir</i>	<i>бир</i>	<i>бир</i>
два	<i>иккё</i>	<i>ике</i>	<i>эки</i>	<i>iki</i>	<i>эки</i>	<i>iki</i>	<i>икки</i>	<i>эки</i>
три	<i>виççё</i>	<i>уч</i>	<i>уч</i>	<i>ус</i>	<i>ус</i>	<i>ис</i>	<i>уч</i>	<i>уч</i>
четыре	<i>тават- та</i>	<i>турт</i>	<i>торт</i>	<i>тёрт</i>	<i>туб (р) т</i>	<i>dört</i>	<i>турт</i>	<i>тёрт</i>
пять	<i>пиллёк</i>	<i>биш</i>	<i>беш</i>	<i>пис</i>	<i>биэс</i>	<i>beş</i>	<i>беш</i>	<i>беш</i>
шесть	<i>ултта</i>	<i>алты</i>	<i>алты</i>	<i>алты</i>	<i>алта</i>	<i>altı</i>	<i>олти</i>	<i>алтыт</i>
семь	<i>сиччё</i>	<i>жиде</i>	<i>жети</i>	<i>чити</i>	<i>сэттэ</i>	<i>yedi</i>	<i>етти</i>	<i>дьети</i>
восемь	<i>саккар</i>	<i>сигез</i>	<i>сегиз</i>	<i>сигис</i>	<i>агыс</i>	<i>sekiz</i>	<i>саккиз</i>	<i>сегис</i>
девять	<i>таххар</i>	<i>тугыз</i>	<i>тогуз</i>	<i>тогыс</i>	<i>тогус</i>	<i>dokuz</i>	<i>туккиз</i>	<i>тогус</i>
десять	<i>вунна</i>	<i>ун</i>	<i>он</i>	<i>он</i>	<i>уон</i>	<i>он</i>	<i>ун</i>	<i>он</i>
двад- цать	<i>сирём</i>	<i>егерме</i>	<i>жый- ырма</i>	<i>чибирги</i>	<i>суурбэ</i>	<i>yirmi</i>	<i>йигир- ма</i>	<i>дьиirme</i>
трид- цать	<i>ватар</i>	<i>утыз</i>	<i>отуз</i>	<i>отыс</i>	<i>отут</i>	<i>otuz</i>	<i>уттиз</i>	<i>одус</i>
сорок	<i>хёрёх</i>	<i>кырык</i>	<i>кырк</i>	<i>хырых</i>	<i>туёрт уон</i>	<i>kirk</i>	<i>кирк</i>	<i>кырык</i>
пять- десять	<i>алла</i>	<i>илле</i>	<i>элуу</i>	<i>илиг</i>	<i>биэс уон</i>	<i>elli</i>	<i>эллик</i>	<i>бежен</i>
шесть- десять	<i>утмал</i>	<i>алтмыш</i>	<i>алты- мыш</i>	<i>алтон</i>	<i>алта уон</i>	<i>altмыш</i>	<i>олт- миш</i>	<i>алтан</i>
семь- десять	<i>ситмёл</i>	<i>житмеш</i>	<i>жети- миш</i>	<i>читон</i>	<i>сэттэ уон</i>	<i>yetmiş</i>	<i>етмиш</i>	<i>дьетем</i>
восемь- десять	<i>сакар- вунна</i>	<i>сиксэн</i>	<i>сексен</i>	<i>сигизон</i>	<i>агыс уон</i>	<i>sekseñ</i>	<i>саксон</i>	<i>сегизен</i>
девя- носто	<i>тахар- вунна</i>	<i>туксан</i>	<i>токсон</i>	<i>тогы- зон</i>	<i>тогус уон</i>	<i>doksan</i>	<i>туксон</i>	<i>тогу- зон</i>
сто	<i>сёр</i>	<i>йёз</i>	<i>жуз</i>	<i>чус</i>	<i>суус</i>	<i>yüz</i>	<i>юз</i>	<i>дъус</i>
тысяча	<i>пин</i>	<i>мен</i>	<i>мин</i>	<i>мунь</i>	<i>мын</i>	<i>bin</i>	<i>минг</i>	<i>мун</i>

¹ См. „Сов. этнография“, 1950, № 3.

Все приведенные выше факты как нельзя лучше говорят о том, что по своему основному словарному фонду чувашский язык несомненно относится к языкам тюркской группы. Его словарный фонд состоит, следовательно, 1) из общетюркских слов, 2) слов, характерных только для болгарско-чувашской группы и не встречающихся в других тюркских языках, как, например, *арим* — „женщина“, *кунтеле* — „свидетель“, *тулп* — „бедный“; *самах* — „слово“; *сурам* — „спина“, *сёрсёр* — „нож“, *сакар* — „хлеб“ и др. Наконец, в основном словарном фонде чувашского языка можно найти довольно много слов, отложившихся в процессе его исторического развития из других языков — русского, арабского, татарского. Однако эти слова составляют сравнительно небольшую часть основного словарного фонда чувашского языка и являются, главным образом, частью словарного состава.

Факты чувашского языка как нельзя лучше иллюстрируют слова И. В. Сталина о том, что основной словарный фонд языка „...живёт очень долго, в продолжение веков и даёт языку базу для образования новых слов“¹. И далее: „Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох“². И, наконец: „Надо полагать, что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства. Это был язык не сложный с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но всё же грамматическим строем“³.

	Русские	Чувашские	Татарские	Киргизские	Турецкие
Названия металлов	золото серебро медь железо	ылтан кёмёл пахар тимёр	алтын кёмеш бакыр тимер	алтын кумуш жез темир	altın gümüş bakır demir
Астрономические и метеорологические названия	солнце луна звезда облако небо	хёвел уйах сальтар пёлёт пёлёт	кояш ай йолдыз болыт кук	кун ай жылдыз булут кок	güneş ay yıldız bulut gök

Элементы чувашского языка действительно были заложены еще в глубокой древности, насколько позволяют судить исторические данные в эпоху хунну-гуннов, древний язык которых уже имел свой основной словарный фонд, общий также

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

² Там же, стр. 26.

³ Там же.

и другим тюркским языкам, и свой, характерный для него, грамматический строй, который, однако, был характерен и для других тюркских языков. Ничего общего с языками „яфетическими“ или с „яфетической“ стадией развития языков, как утверждал Н. Я. Марр, у чувашского языка нет. Только устойчивостью основного словарного фонда и грамматического строя чувашского языка можно объяснить сохранение в нем значительного общетюркского слоя слов и типичного для тюркской группы языков грамматического строя.

Отказывать в национальной самобытности чувашскому языку, изменявшемуся по внутренним законам своего развития, и приписывать ему различные несвойственные ему качества на основании четырехэлементного анализа было глубокой ошибкой, приведшей к застою чувашское языкознание.

Освобожденное гением И. В. Сталина из пут четырех элементов стадияльной схемы развития языков и марровской теории скрещения, чувашское языкознание выходит на широкий путь развития и сможет разрешить те языковедческие задачи, которые перед ним сейчас стоят.

В. Г. ЕГОРОВ,
доктор филологических наук

ПРОТИВ ИЗВРАЩЕНИЙ Н. Я. МАРРА В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

I.

За последнее 20—25 лет советское языкознание находилось почти под исключительным влиянием так называемого „нового учения о языке“ Н. Я. Марра. Как указывает И. В. Сталин, „Н. Я. Марр внес в языкознание неправильную, немарксистскую формулу насчет языка, как надстройки, и запутал себя, запутал языкознание. Невозможно на базе неправильной формулы развивать советское языкознание“¹.

„Новое учение о языке“ как самим Марром, так и в особенности его „учениками“ популяризировалось как подлинно марксистское учение о языке. Отсюда вполне понятно, что по окончании основанного Марром яфетического института, преобразованного позднее в институт языка и мышления, ученики его во всех национальных республиках занимали руководящую роль в области разработки местных языков. Чувашское языкознание также не представляет в этом отношении исключения. Н. Я. Марр сильно интересовался чувашским языком, он придавал ему большое историческое значение. Для изучения чувашского языка Марр выезжал в Ульяновск — в Чувашский педагогический техникум, два раза приезжал к нам в г. Чебоксары и подолгу оставался здесь. Два раза выступал он в столице Чувашии с докладами: в первый раз в 1925 году с докладом на тему „Чуваши-яфетиды на Волге“ и во второй раз с докладом на тему „Родная речь — могучий рычаг культурного подъема“.

Чувашского языка Н. Я. Марр касается во многих своих работах, но более подробно трактует о нем в следующих работах: 1) „Чуваши-яфетиды на Волге“, 2) „Отчет о поездке к восточно-европейским яфетидам“, 3) „Приволжские и соседящие с ними народности в яфетическом отношении их племенных названий“, 4) „Отчет о лингвистической поездке к вол.-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950 г., стр 33.

камским народам“ и 5) „Родная речь—могучий рычаг культурного подъема“. Узловыми вопросами в трактовке Марра о чувашском языке являются: 1) вопрос о происхождении чувашского языка и месте его среди других яфетических языков, 2) семантика чувашского языка, якобы подтверждающая его принадлежность к яфетическим языкам, 3) чувашский язык как древнейший яфетический язык в Восточной Европе и как творческая формирующая сила в процессе образования финских и тюркских языков, а также и русского языка.

У Н. Я. Марра вопросы этногенеза неотделимы от языка, а язык от вопросов этногенеза. О происхождении чуваш и их языка Н. Я. Марр говорит очень сумбурно, опираясь почти исключительно на свой излюбленный четырехэлементный палеонтологический анализ. Этот анализ покоится на признании, что первично речь состояла всего из четырех элементов, которые в различных комбинациях будто бы дали начало всем языкам мира. Предположение о существовании первоначальных четырех элементов, общих для всех языков, полно противоречий и не выдерживает никакой критики. Появление в разных, не связанных между собой человеческих коллективах, 4-х совершенно одинаковых элементов противоречит и историческим фактам и здравой логике.

По Марру национальное название „чуваш“—это одно из древнейших племенных названий, это—фонетическая разновидность названия древнейшего народа Месопотамии шумеров. „По названию „чуваш“—шумеры“,—говорит он.—Чувашская речь сохранила культовый термин „турă“, „торă“, название шумерского тотемного бога, по норме палеонтологии речи в роли служителя этого бога. Племенной состав чувашей, конечно, образован не из одних шумеров, но на первом месте стоит тот племенной слой, тотемный бог которого у чувашей служит общим названием вообще бога „торă—турă, т. е. салское (фе-салское) или талское (и-талское) племя с названием в шипяще-окающей форме. Такова и природа, шипяще-окающая, чувашского языка“ (Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, стр. 331, 404).

Чувашское слово „сăмах“—слово, речь Марр возводит тоже к племенному названию „сумер“, „сумар“. Когда в чувашском имеем сăмах—слово, речь,—говорит он,—то эта форма от основы *сăма*, пережитка племенного названия шумер или сумар, откуда происходит и национальное племенное название чăваш, и сăмах—сăмах-ла—говорить первоначально означало „шумерить“ или „чувашить“, т. е. говорить племенным языком шумеров и т. п.“ (V, 328). Утверждаемая здесь Марром фонетическая близость (или даже тождество) племенных названий „чуваш“ и „шумер“ совершенно произвольна: никакие общепризнанные в лингвистике законы фонетических изменений звуков не могут подтвердить ее. Из литературы о шумерах неизвестно также

о существовании у них тотемного божества, совпадающего по названию с чувашским „турă“. У шумеров божество называется dingir, а не турă.

Далее это же „турă“ служит для Н. Я. Марра основанием для установления родства чуваш с тюрками и с геродотовскими тюссагетами. „Бесспорно, чувашский язык родственен с турецким,—говорит он.—Это близкое родство теперь поддерживается и общностью племенного названия турок (анализ этого термина вполне в этом убеждает) и названием основного божества чувашей „турă“. Мы теперь уже не можем отмахиваться от созвучия терминов тур, туш и терек, как явления бесспорного закономерного родства“... и далее: „Более того, когда в описании заскифских северных стран у Геродота народ именно чувашского района называется тюссагеты (ср. тюрагеты), то правильно отмечали, что мы имеем дело с племенным названием, в составе которого налично название чувашей... оно же название чувашского бога (торă—турă)“ (V, 332—333).

Все эти выводы Марра, основанные на пресловутом четырех-элементном палеонтологическом анализе, весьма гадательны и произвольны, их нельзя назвать научными истинами. Родство чувашей и турков доказывается не тем случайным моментом, что племенное название „турок“ частично напоминает название чувашского божества „торă—турă“, а тем реальным фактом, что и словарный состав и грамматический строй чувашского языка в основном тюркский. Если стать на марровский скользкий путь решения научных вопросов, то с одинаковым правом можно прийти, пожалуй, к утверждению родства чуваш не только с тюрками и тюссагетами, но и с древними скандинавами, у которых также было одноименное с чувашским божество—рыжебородый „тор“—бог грома и молнии.

Н. Я. Марр, однако, не ограничивается установлением родства чувашского языка с указанными выше языками, он идет дальше и отмечает, что „чувашский язык становится в один тесный круг с языками—с баскским в Европе и с армянским в Армении, собственно сего доисторической яфетической основой“ (V, 329) и в других местах: „в общем чуваша—это наши баски“ (V, 286). „Баски-иберы находились в доисторические эпохи в ближайшем родстве по языку с чувашами“ (V, 328). „Языки Армении, особенно древнелитературный язык Армении и баскский язык проявляют в определенных своих слоях поразительную близость с чувашским языком“ (V, 340). В доказательство своих утверждений о родстве чувашского языка с баскским и древнеармянским Марр хотя и приводит несколько общих в этих языках слов, но общими, и то с некоторой натяжкой, можно признать из них только следующие:

чув. пурта (т—д) топор, баск. burdin — железо;
„ шура —белый, „ suri —белый;

чув. <i>с̣ам</i>	— шерсть,	арм. <i>tam</i>	— волос;
„ <i>вёре</i>	— кипеть,	„ <i>varel</i>	— кипеть;
„ <i>ч̣амла</i>	— жевать,	„ <i>tamel</i>	— жевать и др.
(V, 279—281, 330).			

Но эти слова мало говорят в пользу Марра. Баскское слово, повидимому, проникло к чувашам и восточным финнам (в удмуртском языке *пурт* — нож) в далекие доисторические времена (быть может, через скифов) в силу культурных связей, существовавших между народами в разных формах с древнейших времен (слово это известно и в древнегерманских языках и в современном немецком: *Barte* — секира, топор). В каком соотношении находятся чувашское *шур̣а* и баскское *suri* — белый — трудно определенно сказать: вероятно, они возникли независимо друг от друга. Чувашское *шур̣а* тесно связано с тюркским *сары*, которое в современных тюркских языках означает желтый цвет, а в древности в некоторых тюркских диалектах могло означать и белый: ср. Саркел — Белая вежа. Манси и ханты (вогулы и остяки) заимствовали это слово в значении белый, повидимому, от чуваш в древнейшее время. Что касается армянского слова *tam* (цам) — волос, то оно не имеет отношения к чувашскому *с̣ам* — шерсть, представляющему закономерную форму тюркских *йон*, *йунь*, *йун*, *жунь*, не говоря уже о том, что понятия волос и шерсть во всех почти языках различаются и обозначаются различными словами. Армянское *tamel* и чувашское *ч̣амла* — слова явно оноματοпоэтической природы, представляющие подражание звукам, получающимся при жевании. Отсюда ясно, что слова эти ни в какой степени не в состоянии доказать родство сравниваемых Марром языков.

Н. Я. Марр приводит и много других чувашско-баскских и чувашско-армянских параллелей, как чув. *лаша* и абхазское (он абхазов называет кавказскими басками) *алаша* — лошадь, чув. *х̣ен* — страдание, мученье, абхазск. *аҭага* — рожать, чув. *кун* — день, баск. *egi* — солнце, *егип* — день, чув. *пах* — смотреть, баск. *begi* — глаз, чув. *пуç* — голова, баск. *buru* — голова, чув. *шыв* — вода, арм. *dur* — вода и др. (V, 327, 411, 281, 284). Из перечисленных слов *алаша* попало в абхазский язык, вне всякого сомнения, из тюркских языков, остальные же пары появились в этих языках совершенно самостоятельно, без взаимного влияния друг на друга, они всецело обязаны словотворческой работе каждого из этих народов. О паре слов чув. *вёре* — арм. *varel* будет сказано ниже.

Кроме изначального, доисторического родства чувашского языка со многими яфетическими языками, Марр указывает также на более позднейшие встречи и скрещение его с грузинским языком. „Возникает, уже возник, — говорит он, — вопрос какой-то особой исключительной связи чувашского языка, язы-

ка шипящей группы по своей массовой природе, с грузинским языком, языком свистящей группы, как результата особой позднейшей встречи и скрещения, произошёл ли этот акт если не в доисторические, то все-таки в архаичные поры на Северном Кавказе в процессе естественного непосредственного общения чувашского с сарматским, также языком свистящей породы, или позднее на самом Кавказе, в процессе классово-дружинных внедрений хазарского племени" (V. 330).

В доказательство указанной связи чувашского языка с грузинским Марр приводит общие в этих языках слова:

чув. сивё	груз. цив	— холодный;
" чир	" тир	— болезнь;
" сыр	" тера	— писать;
" сёр	" сер	— ночь;
" сёт	" сде	— молоко;
" урапа	" урем	— телега;
" пәру	" фир	— корова и др. (V, 279—281).

Некоторые из этих слов, как *чир*, *сёр*, *вёре* (арм. *varel* — кипеть), по всей вероятности, перешли к чувашам от болгар, последние же усвоили их от армян и грузин в период своего долголетнего пребывания на Кавказе в армяно-грузино-аланской среде. По свидетельству Моисея Хоренского, армянского историка VIII века, болгары большой массой иммигрировали в Армению во II веке до нашей эры. Моисей Хоренский, опираясь на сирийские исторические материалы III—IV веков, пишет: „Во дни царствования Аршака I, сына Вах'аршака (127—114), возникли большие смуты в цепи великой горы Кавказской в земле болгаров, из которых многие, отделившись, пришли в нашу землю и поселились в низовьях Ках'а в плодородных и хлебобродных местах в продолжение долгого времени"¹.

В течение 6—7 веков могло иметь место частичное скрещение болгарского языка с армянским, грузинским и аланским, могли сами болгары заимствовать часть слов из этих языков и им передать несколько слов. Позднее, приблизительно с VII века, после того, как они обосновались между Волгой и Камой и в массовом масштабе сливались с местными чувашами, слова, как *чир*, *сёр*, *вёре* и др., свободно могли перейти и в чувашский язык. Остальные, указываемые Марром пары слов не могут восходить к одному источнику. Чувашские слова *сиве*, *сыр*, *сёт*, *урапа*, *пәру* тюркского происхождения, закономерные формы их в тюркских языках: *согук* (фрикат. г), *паз*, *сет*, *арба*, *бызау*.

¹ История Армении, перевод Эмина, 1858, стр. 87.

11. Я. Марр после многократных указаний о тождестве чуваш по племенному названию с доисторическими народами — с месопотамскими шумерами, кавказскими цхумарами (запад нокавказские кимеры (V, 159), с крымскими или припонтийскими кимерами, средиземноморскими куперами, населением острова Кипра (V, 355), равно иберами и на Кавказе и в Западной Европе (V, 365), переходит к вопросу о родстве чуваш с конкретными историческими болгарами. „Чуваши в средние века в две их эпохи, более раннюю и позднейшую, — пишет он, — намечаются как активные участники не только делом, но и словом, своей родной речью, и как творцы восточноевропейских национальных образований, хазарского и болгарского“ (V, 358). Марр и здесь остается верен своему излюбленному анализу по четырем фантастическим элементам. „Булгар и чуваш, — говорит он, — составлены из фонетических разновидностей одних и тех же племенных названий, *сала* и *бера*, лишь расположенных в различной последовательности, *бул-гар* в порядке *бер-сала*, а *ча-ваш* в порядке *сал-бера*, как сар-мат, хор-ват, и как хаз-ар *qaz-var*“ (V, 364).

В древних памятниках наравне с волжско-камскими болгарами упоминаются и сувары. Марр и сувар отождествляет с чувашами и разновидность этого племенного термина усматривает в названии чувашского города Шупашкар—Чебоксары. Он пишет: Шубашкар, т. е. город шубашов, или суваров, — тот город эпох болгарского владычества, который арабские географы называют суваром, т. е. чувашем... что сувар, название города, — племенное название, что такое племенное название существовало при болгарах и что под этим названием надо понимать чувашей, как теперь вскрывается яфетическим языкознанием, именно наших конкретных чувашей с правого берега Волги, это ясно и из письма хазарского кагана Иосифа, где читается: „На этой реке (Итиль) живут многие народы... буртас, булгар, сувар, арису...“ (V, 369).

Марр не ограничивается установлением родства чуваш с указанными выше народами, он роднит их с марийцами (черемисами). „Чуваши или чаваш, двойник шумера, — говорит он, — представляет как термин лишь разновидность „сармата“ или „*сармаса*“ (чуваша марийцев называют *сармас*)“ (V, 404). Такой поверхностный, односторонний упрощенный подход к решению серьезных научных вопросов безусловно не может привести к правильному его решению.

Как видно из предыдущего изложения, все рассуждения Марра о происхождении чувашского языка крайне сумбурны, расплывчаты, приводимые им примеры для доказательства того или иного положения искусственно подогнаны и никакой убедительной силы не имеют. Вместо того, чтобы оперировать марксистским диалектическим методом, требующим, чтобы каждое явление изучалось в процессе его исторического развития,

в неразрывной связи с другими явлениями и в их взаимной обусловленности, он во всех случаях ограничивается применением своего пресловутого четырехэлементного анализа. Он сравнивает без всякого разбора любое слово чувашского языка почти с любым словом другого языка, произвольно расчлняя их и подгоняя к таблице разновидностей четырех элементов, нисколько не считаясь ни с фонетическими законами, ни с историей отдельных языков. Марр был убежден, что анализом по элементам *сал*, *бер*, *пон*, *рош* можно объяснить решительно все факты языка. В пользовании этим абсурдным элементарным анализом и семантикой слов он иногда заходит так далеко, что никакой здравый смысл не может оправдать нить его рассуждений. Напр., старинное русское название „Хвалынское море“ (Каспийское море) Марр объясняет так: „Нужно ли говорить, что *хавал* (в архетипе хувал), означавшее в качестве имени „лошадь“, есть двойник западноевропейского слова *cabalus*, франц. *cheval*, всплывающего там в средние века из местных народных недр, из таких же глубоких доисторических недр, как чувашский на востоке Европы, из массово-народных недр романских наций, прилежащих к западному Средиземноморью, и имеющих это слово как общее, через голову классовых национальностей, римлян и греков, с восточными нациями Средиземноморья, семитическими, у которых то же слово означает по условиям места „верблюд“ (евр. *damal*, араб. *djamaal* и др.). В чувашском „*хавал-ас*“ в значении „гонять“, равно „преследовать“ представляет глагольное образование от имени, собственно действительное использование имени „лошадь“, что то же „река“, космически „солнце“, все одинаково образов движения, бега и гоньбы, точно так же, как русское „гнать“, „гонять“ — от имени „конь“ или как латинское *sequere* — следовать — от *sequus* ∞ *equus* — лошадь, но и „река“, отсюда и название реки *Sequan*i, ныне Сены, во Франции, как грузинск. *depa* у грузин и „течь“ и „гнать“ от Дон и „река“ (у осетин) и „лошадь“ (у горцев-яфетидов)“ (V, 354). Произвольность такого этимологизирования и научная несостоятельность его очевидна. Все это напоминает метафизические бредни, бесплодное, безрезультатное умствование.

Часто на основании случайных фактов Н. Я. Марр делает широкие научные выводы. Напр., исходя из того, что в чувашском языке слово „есть“, „кушать“ выражается слогом, содержащим только один согласный звук „си“, а у мегрелов и чанов — слогом *tkom*, содержащим трехсогласный корень *tkm*, в точности соответствующий семитическому *thm* — есть, кушать, он делает поспешный, ни для кого неубедительный вывод, что „чувашский язык представляет этап состояния яфетических языков до выделения семитической семьи, предшествующей зарождению трехсогласия“ (V, 330).

И таких поспешных выводов у Марра довольно много.

Напр., из факта совпадения огласовки, из факта преобладания шипящих или свистящих звуков в разных языках он спешит делать выводы о их родстве, предполагая, что каждому племени соответствует строго определенный тип огласовки, определенная группа шипящих или свистящих согласных. „Чувашский язык в отношении норм звукового строя,— пишет он,— воспринял три типа огласовки, т. е. с оканьем и эканьем также и акание, следовательно, три различных племенных огласовки, именно — сармато-хазарское акание, скифо-сколотское окание и шумеро-кимер(ибер-)ское экание (V, 369)“.

О родстве чувашского языка с другими языками по характерным группам согласных в них Н. Я. Марр пишет: 1) Чувашский язык принадлежит к сибилантной ветви, именно, к шипящей ее группе, к которой принадлежат яфетические языки причерноморские: из живых мегрельский и лазский, из мертвых скифский и шумерский (кимерский), 2) чувашский язык имеет поразительные встречи, общие слои с языком свистящей группы, к которой принадлежат из живых грузинский, из мертвых, по всей видимости, сарматский или, что то же по составу, салский-харский, он же италский, в средние века хазарский; 3) чувашский язык сильно осложнен спирантизацией, обращением свистящих и шипящих согласных в придыхательные при огласовке „е“ (ё) (V, 329).

И в другом месте: „Принадлежность речи чувашей и, следовательно, болгар по формальным признакам к языкам шипящей группы преемственно сближает их лингвистически со скифами до иранизации их верхов“ (V, 388). Безусловно, все эти выводы Марра произвольны, научно несостоятельны.

II.

Генетические связи, генетическое родство чувашского языка с указанными выше яфетическими языками Марр старается подтвердить семантикой чувашского языка, вскрываемой палеонтологическим анализом. Установленные им при помощи элементного анализа общие закономерности в развитии семантики он хочет оправдать, обосновать и на материалах чувашского языка. Первая закономерность, по его мнению, заключается в том, что название целого предмета переносится на его части. Первоначально, при возникновении космического словотворчества небо и земля, небо и вода, небо и его части и все имеющее к нему какое-либо отношение или напоминающее его, как: солнце, луна, звезды, тучи и облака, птицы, яйцо, гора, голова, арка, свод, круг, шарообразные тела, тотемное божество, позднее племенное название, время, год, день и пр. будто бы обозначались одним и тем же словом „небо“ (V, 326). Частичное подтверждение этого явления Марр хочет найти и в чувашском языке. Он берет слово „чăмăр“ — шар, шарообраз-

ный, кулак и уверяет, что оно первоначально означало небо, хотя в чувашском языке нет ни малейших следов бытования этого слова в угодном Марру значении. Далее слова „сумър“ — дождь и „смарта“ — яйцо он считает фонетическими разновидностями слова „чъмър“ в предполагаемом им значении „небо“ с тем только различием, что „смарта“ с уменьшительной якобы частицей „та“ означает маленькое небо, небесенок“ (V, 401—402). Н. Я. Марр не ограничивается этим, а идет дальше, уверяя, что в чувашском языке имеется и спирантная разновидность слова „сумър“ в значении неба — это „хъмър“ и (с опущением начального „х“) ѓмър — пасмурный, мрачный, невеселый (по Марру, первоначально „небесный“). Отсюда „ѓмърткайѓк (орел) — птица-небо“ (V, 402)¹.

Из предполагаемого значения слова „сумър“ — небо Марр старается объяснить также и племенное название чувашей. По его мнению, если слово „сумър“ первоначально означало небо, то и племенные названия „чуваш“, „сувар“, „суас“, представляющие собой фонетические разновидности слова „сумър“, восходят к названию „небо“, ибо народы на известной ступени стадийного развития человечества будто бы назывались детьми неба (V, 401).

Что можно сказать об этих сумбурных рассуждениях Марра? Трудно найти в них что-либо научное, наоборот, все здесь гадательно и фантастично. Мы ничем не можем доказать, 1) чтобы слово „чъмър“ когда-нибудь имело значение „небо“ (небо в чувашском языке „кăвак“, „кăвак пелет“); 2) чтобы „чъмър“ представляло фонетическую разновидность, с одной стороны, слов „сумър“ — дождь, „смарта“ — яйцо, „ѓмър“ — пасмурный, невеселый, „ѓмърткайѓк“ — орел, а с другой — племенных названий „сувар“, „чуваш“ и пр.; 3) чтобы в слове „смарта“ конечный слог „та“ имел уменьшительное значение. Ничего не могут сказать в пользу Марра и данные тюркских языков, родственных с чувашским. В каз.-татарском небо — *кук*, кулак — *йодрык*, шарообразный — *юмры*, яйцо — *юмырка*, дождь — *янгыр*; в турецком — небо — *gök*, кулак — *yumruk*, шарообразный — *yuvalak*, дождь — *yagmur*, яйцо — *yumurt* и т. д.²

¹ Слово „ѓмърткайѓк“ (орел) я склонен возводить к *сенмурву*, *симургу*, названию мифологической птицы на Востоке. В древнеперсидском языке *си* — собака, *мург* — птица. Ср. Шахнамэ, VII, 146. (См. К истории докапиталистических формаций. Сборник статей к 45-летию научной деятельности акад. Н. Я. Марра, 1933, стр. 293—328). Повидимому, это слово появилось в чувашском языке после того, как они слились с болгарами, которые переняли его на Северном Кавказе от соседей иранцев. В качестве болгарского наследия слово это сохранилось также в некоторых диалектах казанско-татарского языка в форме *сэмруг* кошки (в литературном языке орел — *каракош*). В чувашском языке начальное „с“ исчезло, как и в некоторых других словах: *ѓса*, диалектически *сăса*, *суса* — челнок, *ѓскăч*, диал. *сăскăч* — черпак и др.

² Впрочем в одном из диалектов казанско-татарского языка „яйцо“ называется словом „кукей“, напоминающим уменьшительную форму слова „кук — небо“. Это, конечно, случайное совпадение, омоним.

Марр придавал большое значение искусственно установленному им семантическому пучку *вода — женщина — рука*. Эти три понятия, называвшиеся одним словом, по словам Марра, представляют собой результат нарастания общественных функций одного слова на трех различных стадиях производства и производственных отношений. „В воде“, — говорит он, — вы имеете стихию космического мировоззрения (древнейшая стадия, выработанная еще до звуковой речи, завершение тотемизма), в „женщине“ — норму социальной структуры, именно матриархат (стадия первых этапов развития звуковой речи) и в „руке“ — технологическое восприятие (самая поздняя, самая близкая к нам при всей древности стадия (V, 481). Марр старался открыть наличие пучковости значений „рука—женщина—вода“ во всех языках, в том числе и в чувашском. По его мнению, у яфетидов слово *ur*, в архетипе *hur*, а в экающей разновидности *heg* означало женщину и руку. В чувашском „хёр“ — девушка. Н. Я. Марр уверяет, что слово „хёр“ первично означало „руку“, что видно будто бы из существования в чувашском языке послелога „хёрлĕ“ — через: *пуç хёрлĕ* — через голову. Марр утверждает, что слово это в окающей разновидности *ур* некогда бытовало у чуваш и в значении реки, о чем будто бы ясно говорит послелог *урла* — через, поперек. Для подтверждения своих выводов он ссылается на греч. *χεῖρ* — рука, *ῥις* — вдова и русские слова: *рука—ручей—русалка* (V, 342).

Здесь у Н. Я. Марра опять-таки сплошная фантазия: выводы делаются из случайного созвучия слов или даже отдельных слогов в разных языках. Если в греческом *χεῖρ* — рука, в баскском *ur* — вода, то как же отсюда можно заключить, что и в чувашском „хёр“ означало в древности руку и что здесь тоже существовало *ур* в значении воды или руки. Для читателей совершенно непостижимо, во-первых, то, каким образом возможно установить этимологическую связь между послелогом хёрлĕ — через и существительным хёр — девушка: послелог *хёрлĕ* мог образоваться и от слова *хёрĕ* — край, *хир* — гнуть, разгибать и от какого-либо другого слова, и, во-вторых, как из наличия в языке послелога *урла* — через, поперек можно заключить, что его корень *ур* имел значение воды или реки. Так же приводимые Марром русские слова *рука—ручей—русалка* нисколько не доказывают существования в русском языке семантического пучка *рука — женщина — вода*: между указанными словами нет органической связи, они происходят от разных корней. Да и самый семантический пучок *вода — женщина — рука* является плодом воображения Марра. Вообще все здесь гадательно и нереально.

Н. Я. Марр любил говорить, что он руководствуется в своих научных изысканиях диалектико-материалистическим методом и что ведущую роль в развитии языковой семантики он отводит закону единства противоположностей. Закон этот, по мне-

нию Марра, заключается в том, что для образования новых по значению слов очень часто используются старые слова, которые на новой стадии развития человеческого мышления с изменением языковой среды приобретали прямо противоположные значения. Из таких слов в современном чувашском языке Марр указывает *сёр*—земля, которое в разные периоды жизни чуваш будто бы обозначало то небо, то землю. „Не думайте, однако, — говорит он, — что у вас в чувашском от значения „небо“ и следа не осталось... Спирантная разновидность слова „сёр“, именно „эр“ — в форме множественного числа на -не: *эрне* значила божество (небо-божество), если не пара божеств, которым были посвящены определенные дни недели (меньшему четверг, старшему пятница), оно же было название главного дня недели“... (V, 341). Далее Марр говорит, что это же самое слово „эр“ в форме множественного числа на -х, именно в форме *йёрёх* сохранилось до сих пор в отсталых слоях народа в качестве названия мощного, страшного бога, замещающего киреметя (V, 341).

Что же можно сказать о научности таких построений? Кого они могут убедить? Все здесь искусственно подтасовано, несколько не считаясь с законами и историей чувашского языка, все здесь похоже на игру слов, на каламбур, не имеющее ничего общего с наукой, приводимые этимологии слов совершенно произвольны. Прежде всего, между словами „сёр“ (тюрк. *йёр*, джер)—земля, *эрне*—неделя и *йёрёх*—злой дух при всем желании нельзя усмотреть какое-либо родство. Слово *эрне*, повидимому, заимствовано чувашами и казанскими татарами (атна) от персов еще в болгарскую эпоху (перс. *adina*—пятница). Эквиваленты слова *йёрёх* имеются в тюркских языках Сибири в форме *идук*, *изук* (д и з—интердентальное д, которое на чувашской почве всегда дает *-д-*). они ни в малейшей степени не могут подтвердить доводов Марра. Совершенно произвольно также допущение, что -не, -ёх являются аффиксами множественного числа. Чувашский же язык не знает их.

Н. Я. Марр широко оперирует также данными чувашского языка для подтверждения того, какое важное значение имеет в историческом словотворческом процессе так называемая функциональная семантика. Но поскольку приводимые и палеонтологически вскрываемые им примеры мало вероятны и не имеют никакой убедительной силы (слова, которые он берет наудачу из разных языков и которые не имеют ничего общего между собою, сближаются только на основании совершенно произвольно допускаемых яфетическим языкознанием звукосоответствий, как чувашские „*чан*“— правда, истина; „*синсе*“— старинный праздник, во время которого воспрещались всякие земляные работы; „*кун*“— день; „*шинкер*“— внимательно смотреть, с груз. *чин*— зрение, глаз, свет, мар. „*шинча*“— глаз, с русск. „истина“ и т. д.

(V, 416—418), то мы оставляем этот случай без рассмотрения, а прямо переходим к изложению измышленного Марром вопроса о значении чувашского языка в качестве творческой формирующей силы в процессе образования финских, турецких и русского языков.

Н. Я. Марр считает чувашский язык одним из древнейших яфетических языков Восточной Европы. По его предположению, чувашский язык представляет этап состояния яфетических языков еще до выделения семитических языков (V, 330). „Яфетические языки, в числе их и чувашский,— пишет он,— представляют по типу переживание доисторического состояния человеческой речи, следовательно, доисторических яфетических языков, из которых в различные эпохи и в различных странах выдупились семьи и хамитическая, и семитическая, и индоевропейская, и, как теперь мы получаем возможность утверждать, также угрофинская и монголо-турецкая, к которым нам перебрасывает мост чувашский язык“ (V, 331). Отсюда понятна та громадная доисторическая роль, которую Марр приписывает чувашскому языку в процессе возникновения и формирования из яфетических языков сначала финских, затем тюркских и монгольских и в последнюю очередь русского языка. „В формировании местного славянина, конкретного русского, как впрочем, по всем видимостям, и финнов (и турок),— писал Марр,— действительное доисторическое население должно учитываться не как источник влияния, а творческая материальная сила формирования...“ (V, 306). В настоящее же время за исчезновением других яфетических языков данного территориального окружения для решения разных спорных вопросов по языковым древностям финских, тюркских и русского языков, по мнению Марра, следует обращаться к единственно уцелевшему в Восточной Европе яфетическому языку—чувашскому, который перебрасывает мост на север к угро-финнам, а на восток—к туркам и монголам (V, 270, 281, II, 206).

Все эти утверждения Марра являются голыми словами, они не имеют силы научного доказательства. Только пылкая фантазия, опирающаяся на вседоказующий палеонтологический метод по элементам, могла привести его к указанным выводам. Здесь все, можно сказать, ошибочно. Мы не можем говорить о выделении семитических языков из другой системы языков (тем более из загадочной яфетической). Они, повидимому, формировались самостоятельно на основе первобытных родовых и племенных языков (если не принимать во внимание народы, позднее принявшие семитические языки в силу разных исторических условий; напр. копты, потомки древних египтян, в настоящее время говорят на арабском языке). Нельзя оправдать также утверждения Марра о древности и преимуществах чувашского языка перед финскими и тюркскими языками и ставить последних в какую-то зависимость от первого.

Слишком грубыми являются ошибки Марра в его рассуждениях о значении чувашского языка, как одного из основных источников в окончательном оформлении русского языка. В данном случае увлечение палеонтологическим методом привело Марра к прямому извращению исторической правды.

Марр утверждает, что чувашский язык вместе с некоторыми другими яфетическими языками являлся яфетической подосновой в процессе образования не только финских и тюркских языков, но и русского языка. По предположению Марра, где бы процесс оформления русской речи ни происходил, он мог происходить только среди доисторического населения Европы, повсеместно яфетического, из которого никак нельзя исключить чуваш. „Чувашский вклад в русскую речь,— говорит он, — чрезвычайно значителен и поучителен“ (V, 333, 335).

Далее Н. Я. Марр при помощи палеонтологического анализа по элементам вскрывает общие слои в лексике чувашского и русского языков. Чувашизмами архаичного, доисторического вида в русском языке он считает слова истукан, бог, юг и др. Слово „истукан“, по его мнению, представляет собой двухэлементную основу (АС) с префиксом „И“. В чувашском языке в яфетическом периоде его жизни оно будто бы имело форму „иштургана“, а позднее „турхана“ (х-г), „туруна“, хорошо известного в качестве социального термина (привилегированная, господствующая верхушка у древних чуваш) и „турă“ — бог. Двойником истургана является Астарган — Астрахань (Аджи-Тархан (V, 337). Общность указанных слов весьма сомнительна, недоказуема. Сближать слово „истукан“ с одной стороны с „Астраханью“, а с другой с чувашскими словами „турă“, „турхан“, „турун“, ненаучно, наивно, бесполезно.

Русское слово „бог“ Марр выводит из чувашского „пукан“, „пукане“, „покане“ — кукла. Первоначально, по Марру, оно будто бы означало божество, бога, а равно культовый трон (алтарь), кресло, стул, сначала обрядовый стул, на который садился языческий жрец, чувашский йумăç, йомçă. Полная форма слова rogan — название племени, двойника болгар, для которых rogan — rogn, с утратой „г“ погане являлось тотемом, тотемным божеством. И вот этот тотем и есть, по Марру, русское название бога, имеющее широкое распространение у ряда индоевропейских, еще больше яфетических народов: ср. груз. borg—бес (V, 232, 337).

Мы затрудняемся сказать, что здесь можно было усмотреть какую-нибудь долю разумности, долю здравого смысла. Нам кажется, что мы здесь имеем дело исключительно с нелепыми вымыслами пылкой фантазии Марра. Чувашское слово „пукан“ или заимствовано от восточных финнов (этимология слова оправдывает такое допущение: удмуртск. *пукны* — сидеть, *пукан* — стул, мар. *пукэн* — стул) или оно представляет в этих языках

доисторическое наследие от первобытных родственных племен, имевших в своем словарном составе данное слово. Позднее же при формировании чувашской и восточнофинских народностей эти доисторические племена в одной своей части могли войти в этнический состав чуваш, а в другой части — в состав восточных финнов и там и здесь сохранить это слово.

Н. Я. Марр первоначальной формой русского слова „юг“ считает *yurgan* || *yurgon*. Это двухэлементное (АС) яфетическое слово в составе *yug* и *gan* или *gon*, каждый из которых и слово в целом значит вода, река. С другой стороны *yug*, *yog* в яфетических языках имеет значение числительного два, вторая часть, половина, как его чувашский сибилантный двойник *сур*, *сор*, а *гун*, *гон* значит день, следовательно *yurgon* значит полдень, напр., чуваш. *суркун*. Отсюда и русское „юг“ получило значение полуденной стороны. Следовательно, слово это, по словам Марра, происходит от доисторического населения яфетидов, в том числе и чувашей (V, 347).

По мнению Н. Я. Марра, русские слова *огонь*, *окно*, *око*, *конь*, *гонять* восходят к яфетическому архетипу чувашского слова *кун*, *кон* — день, первоначально солнце (II, 272, V, 257). Также слова *лошадь* (чув. *лаша*), *верх* (чув. *вер*, *вир*), *товар*, *товарищ* составляют яфетический вклад в русскую речь. Слово „товар“ первоначально будто бы означало не только деньги, скот, но являлось племенным названием, эквивалентом термина „чуваш“. „Товарищ“ является производным от слова *товар* и образовалось оно, по Марру, в то еще время, когда *товарищ* имело еще значение „один из коллектива“, впоследствии „один из племени“ (V, 410—411). В основе русских слов *истина*, *истинный*, *истый* лежит эквивалент чувашского „*чан*“ (V, 418). Здесь невольно хочется повторить метко сказанные слова профессора С. П. Соболевского: „Как похожи некоторые этимологии Марра на этимологии, приведенные в „Письмах темных людей!“¹ Сравниваемые здесь Марром пары чувашско-русских слов не имеют между собой ничего общего, они восходят к разным источникам и говорить о родстве их нелепо.

По мнению Марра, культурное влияние чуваш на русских продолжалось непрерывно в течение многих веков совместного существования их в волжском бассейне. Отсюда целому ряду русских слов Марр приписывает чувашское происхождение. „Бесспорно,— пишет он,— коренные русские слова *посылать*, *посол*, *сулить*, *посулы* представляют лишь русское оформление чувашских и только чувашских слов“ (V, 336). Все они будто бы происходят от чувашского слова *сул*, *сол*, которое первоначально, согласно палеонтологии речи, означало руку. В частности, слова *послать*, *посол* хотя и восходят к сло-

Из естия Академии Наук СССР, отделение литературы и языка, 1950, № 1, стр. 77.

ву *сул*, как к первоисточнику, но ближайшим образом они происходят от его фонетической разновидности *сул* — дорога, путь. Слово *сила* также усвоено русскими из чувашского языка в чистом виде без всякого оформления (V, 336). Искусственность, вздорность, отсюда и несостоятельность сближения указанных русских слов с чувашскими очевидна сама собою и не требует доказательства.

Чувашский язык в своей доисторической яфетической основе, по Марру, оказал известное влияние не только на лексику русского языка, но и на его фонетику. По предположению Марра, скрещенность норм *окания* и *экания* в русском языке не славянское и не русское новообразование, оно унаследовано им в основе от определенного яфетического языка, вошедшего мощным, творческим слоем в русскую речь в процессе ее окончательного формирования. Таким языком Марр считает чувашский язык (V, 339—340).

Велико значение чувашского языка, по Марру, и в том отношении, что он будто бы разъясняет и дает ключ к осознанию богатого яфетического наследства в русском эпосе и в разных исторических сказаниях. Напр., чувашские и сродные яфетические материалы, по мнению Марра, разъясняют имена трех братьев „Сказания о призвании варягов“ — Рюрика, Трувора и Синеуса, как имена тотемных доисторических народов Новгорода..., Волжско-Камского района и как племенные названия: Рюрик — рус(Д), Трувор — сармат (АВ) и Синеус — ионорус(СД). Последнее имя (Синеус) в отношении элемента С у чуваш будто бы отложился в роли тотемно возникшего племенного названия человека вообще — *сын*, а скрещенно — первично в названии земледельческого бога, позднее праздника земледелия *синсе* (V, 334). В русском летописном сказании о борьбе Руси в Суздальско-Ростовской земле с местными волхвами (1021 г. и 1071 г.) Марр усматривает борьбу с волжско-камскими болгарами, чувашами и черемисами, так как волхвы, жрецы или йомзи будто бы являются здесь представителями особых племенных образований со своими языческими верованиями (V, 359—360).

Н. Я. Марр также доказывает, что легендарный герой русских былин Добрыня является суздало-волжско-камским племенным тотемным божеством шумеров или чувашей. „Добрыня, — говорит он, — это сибилантная разновидность чувашского слова йомăс, первично как русское слово дуб, дубняк по основе есть такая же разновидность чувашского йуман, йоман — дуб (V, 334).

Все рассуждения Марра о доисторической роли чуваш в формировании русской речи и русского эпоса не выдерживают критики. Субъективность его толкований и научная несостоятельность их очевидна. В приводимых им примерах русские

слова искусственно, на основании только фантастического элементного анализа, сближаются с чувашскими. Нужно заметить, что в чувашском языке действительно имеются языковые факты, свидетельствующие о доисторических культурных связях между чувашами и восточными славянами, но эти факты не имеют ничего общего с теми, на которые ссылается Марр. Среди чуваш-язычников с давних пор бытовали личные имена, восходящие к древнейшим временам племенной их жизни. Сюда относятся *Ериле* (ср. древнерусск. Ярила), *Хорс*, *Хорсей* (ср. Хорс), *Кнеметь* (ср. Кметь), *Ильмень*, *Эльмень*, *Смерт* и название трех чувашских селений *Шёмёртен* и др. (ср. смерд и название селения Смердино в Калининской области). Общими в чувашском и русском языках можно считать также слова: чув. *вёре*, старослав. и восточнославянск. *вьрети*—кипеть, бурлить, чув. *вирём*—обряд изгнания мертвецов, пришедших на время праздника *калам кунё* невидимо погостить у своих родных, и русск. *верба* и связанные с нею разные языческие обряды и т. д. Эти данные явно говорят о каких-то доисторических связях между чувашами и восточными славянами. Можно предполагать, что некоторые доисторические племена, имевшие в своем словарном составе эти слова, в одной своей части вошли в этнический состав чувашской народности, а в другой части — в этнический состав восточных славян. Наличие указанных общих слов в чувашском и русском языках, можно объяснить, вероятно, и культурным влиянием восточных славян на предков современных чуваш.

Таким образом, в учении Н. Я. Марра о чувашском языке мы не нашли ничего положительного, что можно было бы считать прочным и ценным достижением чувашского языкознания и с чем можно было бы связать последующие научные изыскания в этой области. Марр не дал стройной, устойчивой, научно-разработанной системы знаний, а, наоборот, он своим учением внес в чувашское языкознание теоретическую неразбериху и путаницу взглядов¹. После чтения Марра, например, о происхождении чуваш, читатель долго пребывает в недоумении,

¹ Нельзя отрицать того, что у Н. Я. Марра имеются и довольно удачные высказывания, не утратившие силы и в наше время. Например, он до самой смерти не переставал утверждать о равноправии всех языков мира. „Родной язык в СССР (будь он младописьменный или совсем бесписьменный).—писал он,—намечается в кандидаты на то место, которое в свое время с честью занимали в школе классические мертвые языки, греческий и латинский“ (V, 395). „Волжский путь, хорошо использованный позднее персами Ирана и арабами, был проложен более древними, чем персы, обитателями Ирана (субарами), отложившими свою речь в приволжских языках того района (V, 404). „Рядом с кавказоведением в науке должно быть выдвинуто волкамоведение, или наука о Волжско-Камском районе, не менее богато насыщенном этнокультурными материалами, чем Кавказ, имеющем для Европы, не для одной Восточной Европы и Азии важное опорное исследовательское значение (V, 287) и др.

в нерешительности: кто же собственно чуваши? Что это за народ, выступающий в истории по капризу Марра то шумером, то су-баром, то тюссагетом, то баском, то хазаром, то булгаром-суваром и т. д.? Главная ошибка Марра заключалась в увлечении и злоупотреблении палеонтологическим четырехэлементным анализом. Весьма удачно замечает по этому поводу Б. А. Сербренников: „У Марра все сводилось к одному элементному знаменателю. Элементный анализ у него превратился в универсальный приём, одинаково пригодный для языков всех времен и народов“¹.

Большим недостатком в работах Марра по чувашскому языку является также игнорирование им сравнительно-исторического метода. Вместо того, чтобы чувашский язык увязать с родственными тюркскими языками, установить тесную связь между ними и определить законы их развития, Н. Я. Марр высокомерно третировал всякую попытку изучения родственных групп языков, как проявление теории „праязыка“ и чувашскому языку искал место среди каких-то чуждых ему яфетических языков. Между тем как сравнительно-исторический метод заслуживает серьезного внимания исследователей. И. В. Сталин также отмечает преимущества сравнительно-исторического метода перед абсурдным четырехэлементным анализом: „Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод, как „идеалистический“, — пишет И. В. Сталин. — А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов“².

Блуждая в дебрях теории о четырех труд-магических элементах, Марр не мог создать прочную научную систему языкознания. Только аракчеевский режим, созданный вокруг его „нового учения о языке“ и исключавший всякую критику и самокритику, мог сохранить за его теорией видимость научности. Но за то при первом же серьезном наступлении на нее она не выдержала и совершенно рухнула. „Общепризнано, — говорит И. В. Сталин, — что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики“³.

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания, разоблачив антимарксистскую сущность „нового учения о языке“ Н. Я. Марра, открыли широкие возможности и для научной разработки чувашского языка на основе марксистско-ленинской

¹ Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина, 1950, стр. 165.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, 1950, стр. 33.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 31.

методологии, с применением усовершенствованного сравнительно-исторического метода. Нам необходимо широко развернуть исследовательскую работу в области чувашского языкознания и создать соответствующие марксистски выдержанные монографии и учебные пособия¹.

¹ За исключением шрифта буквы с диакритическими знаками набраны буквами без этих знаков или русскими буквами.

В. Г. ЕГОРОВ,
доктор филологических наук

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ СОВРЕМЕННОГО ЧУВАШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Словарный состав отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык.

И. В. Сталин.

Словарный состав языка имеет громадное значение в развитии культуры народов. В. И. Ленин в своем гениальном труде „Материализм и эмпириокритицизм“ превосходно показал, что ощущения, представления, понятия, суждения—это различные формы отражения в нашем сознании соответствующих им внешних предметов и явлений действительности и в то же время они являются формами познания объективного мира. Познание же объективного мира нашим мышлением немислимо без слов. Мы свои мысли выражаем словами. Никакая наука не может строить свои выводы без слов. И. В. Сталин с предельной ясностью доказал положение о неразрывной связи языка и мышления, о невозможности мышления без слов. „Какие бы мысли ни возникли в голове человека,—указывал И. В. Сталин,—и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз“¹ или еще: „Звуковой язык или язык слов был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей“².

Отсюда вполне понятно значение словарного состава языка, без которого, по словам И. В. Сталина, „немислим никакой язык“³. В словарный состав входят все имеющиеся в языке

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат 1950, стр. 39.

² Там же, стр. 46.

³ Там же, стр. 23.

слова. В словарном составе любого языка И. В. Сталин различает две части: основной словарный фонд и словарный состав. Главное в словарном составе—это основной словарный фонд, куда входят все корневые слова, как его ядро, и вообще слова, выражающие жизненно важные, жизненно необходимые понятия, как вода, земля, гора, лес, рыба, человек, ходить, делать и т. д. Основной словарный фонд, по учению И. В. Сталина, „менее обширен, чем словарный состав языка, но он живет очень долго, в продолжение веков и дает языку базу для образования новых слов“¹.

Таким образом, основной словарный фонд характеризуется следующими пятью главными признаками: 1) Ядро основного словарного фонда составляют все корневые слова языка, 2) Основной словарный фонд состоит из всех жизненно важных, жизненно необходимых слов, 3) Основной словарный фонд—это общенародный словарь, сюда входят только слова, понятные всему народу, 4) Слова основного словарного фонда отличаются большой устойчивостью, они живут очень долго, в продолжение веков и изменяются весьма медленно, 5) Основной словарный фонд служит базой для образования новых слов.

Все это хорошо подтверждается и на материале чувашского языка. В ходе исторического развития чувашского языка основной словарный фонд служил и теперь служит источником словообразовательной и словотворческой деятельности чувашского народа. Новые природные слова продолжали образовываться здесь на базе основного словарного фонда. Напр., чуваши, впервые ознакомившись с ртутью, по первому впечатлению называли ее *чёркёмёл*, воспользовавшись словами основного словарного фонда: *кёмёл* — серебро, *чёрё* — живой; следовательно, *ртуть* — живое серебро;² *урай* — пол, *ура* — нога, *айё* — низ, т. е. подножие.

Здесь естественно возникает вопрос, каким путем вновь познаваемые человеком предметы и явления получают свои названия на базе основного словарного фонда. Ответ на этот вопрос мы находим у В. И. Ленина. Он, составляя конспект книги Фейербаха „Изложение, развитие и критика философии Лейбница“, выделил отметкой „хорошо сказано“ следующее рассуждение Фейербаха о сущности названия: „Чувственное восприятие дает предмет, рассудок — название для него... Что

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

² Слово это могло войти в чувашский язык и в виде кальки чужезычного слова. Во многих языках мира ртуть называется или живым серебром (в чувашском, казанско-татарском—терекёмеш, башкирском тереидмёш, латинском *argentum vivum*, французском *vif argent*, немецком *Quecksilber*, английском *quicksilver* и др.) или серебряной водой (в персидском *simab*, турецком *kumussu*, монгольском *мбигдусун*, и др.), или жидким серебром (в греческом *ὕδραρυρος* и др.).}

же такое название? Служащий для различения знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы припомнить его в целостности¹. Следовательно, связь между значением и названием слова случайная, условная. „Название какой-либо вещи, — говорил К. Маркс, — не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю то, что его зовут Яковом“². Только путем долголетнего употребления в обществе слово складывается в устойчивое единство условного знака и значения. Например, чувашки, встретив первый раз комара, обратили внимание на его длинные ножки и по этому случайному признаку закрепили за ним название „варамтуна“ (букв. голенастый), воспользовавшись известными им словами основного словарного фонда: *варам* — длинные, *туна* — голень. То же нужно сказать и о целом ряде других слов, образованных на базе основного словарного фонда по бросающимся в глаза признакам. Например: *сёрхут* — книжка, один из четырех отделов желудка у жвачных животных: *сер* — сто, *хут* — слой, бумажка, т. е. сто слоев, сто бумажек, *кукарсамса* — клёст; *кукар* — кривой, загнутый, *самса* — клюв; *шуркут* — стриж; *шурā* — белый, *кут* — зад; *тимёр шапа* — черепаха: *тимёр* — железо, железный, *шапа* — лягушка; *йёкехуре* — крыса: *йёке* — веретено, *хуре* — хвост и т. д.

На базе основного словарного фонда много слов образовалось в чувашском языке и при помощи установившихся здесь словообразовательных аффиксов: *сакалах* — липняк, место, изобилующее липой, липовая роща: *сāка* — липа, *-лах* — аффикс, восходящий к самостоятельному слову *лак* — изобилие, много, ср. *лак тулли* — совершенно полный, полным-полно, битком набито; *атасā* — сапожник: *ата* — сапог, *кётусё* — пасть: *кёту* — стадо; *катарту* — показатель, *катарт* — показать, *утām* — шаг: *ут* — шагать, *социализмла* — социалистический, *активлā* — активный, *сухалсар* — безбородый: *сухал* — борода, *ёмётлен* — надеяться: *ёмёт* — надежда и т. д. Вообще словообразующая роль основного словарного фонда была весьма велика в истории развития языка. И вот благодаря словотворческой, абстрагирующей деятельности, язык на протяжении веков постепенно „оформляется, обогащается, развивается, шлифуется“³ по внутренним законам своего развития. Вследствие важного значения основного словарного фонда в истории развития языка И. В. Сталин ставит его очень высоко. Он учит, что „грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специ-

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, Партиздат, 1933, стр. 84. Ленинский сборник т. XII, стр. 141.

² К. Маркс. Капитал, т. I. 1936 г., стр. 59.

³ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 9.

фики¹, т. е. ими определяется качественное своеобразие любого языка, его самобытность, его национальная специфика.

В основной словарный фонд современного чувашского языка входит главным образом следующий устойчивый круг общеупотребительных слов, связанных с общественной жизнью, с процессами труда, освоением окружающей природы и пр. Слова эти представляют собой названия 1) общественных и государственных учреждений, должностных лиц и др.: *ял Совечё* — сельсовет, *райисполком*, *райком*, *обком*, *министр*, *министерство*, *Министрсен совечё* — Совет министров, *Ѕутёс министерстви* — Министерство просвещения, *Ялхусалах министерстви* — Министерство сельского хозяйства, *Верховнай Совет* — Верховный Совет, *банк*, *суд*, *судья*, *парти*, *революци*, *социализм*, *коммунизм* и т. д.;

2) названия человека и частей его тела: *сын* — человек, *пуç* — голова, *сүç* — волосы, *ала* — рука, *куç* — глаза, *çавар* — рот, *самса* — нос, *чёлхе* — язык, *халха* — ухо, *чёре* — сердце, *юн* — кровь и т. д.;

3) названия родственных отношений: *атте* — отец, *анне* — мать, *пичче* — старший брат, *шаллам* — младший брат, *ывал* — сын, *хёр* — дочь, *аппа* — старшая сестра, *йамак* — младшая сестра;

4) названия жилища и вещей в доме: *кил-сурт* — дом, *пурт* — изба, *карта* — хлев, *вите* — конюшня, *алак* — дверь, *урай* — пол, *пукан* — стул, *курка* — ковш, *сёсё* — нож, *пурта* — топор, *çара* — замок, *уса* — ключ, *пачкă* — пила;

5) домашних животных и птиц: *лаша* — лошадь, *ёне* — корова, *вăкар* — бык, *пăру* — теленок, *тиха* — жеребенок, *сурах* — овца, *така* — баран, *путек* — ягненок, *сысна* — свинья, *чах* — курица, *хур* — гусь, *автан* — петух, *чёпё* — цыпленок и др.;

6) колхозного строя, сельскохозяйственных орудий и хлебных злаков: *колхоз*, *колхозник*, *агроном*, *трактор*, *комбайн*, *плуг*, *суре* — борона, *çава* — коса, *сурла* — серп, *сенёк* — вилы, *гектар*, *тулă* — пшеница, *пăри* — полба, *урпа* — ячмень, *сёлё* — овес, *пăрçа* — горох и т. д.;

7) деревьев, кустарников и плодов: *юман* — дуб, *çака* — липа, *ăвас* — осина, *улмуçси* — яблоня, *улма* — яблоко, *сёмёрт* — черемуха, *пилеш* — рябина, *палан* — калина, *йёкел* — жолудь и т. д.;

8) пищи и напитков: *çакăр* — хлеб, *аш*, *какай* — мясо, *сёт* — молоко, *шив* — вода, *пыл* — мед, *пăтă* — каша, *яшка* — похлебка, *тавар* — соль, *çара* — пиво и др.;

9) одежды и головных уборов: *сахман* — кафтан, *кёрёк* — шуба, *кёне* — рубашка, *йём* — штаны, *сёлёк* — шапка, *тутар* — платок и т. д.;

10) названия предметов школьного обихода:

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

шкул—школа, *класс*, *парта*, *доска*, *шкап*—шкаф, *каранташ*—карандаш, *кёнеке*—книга, *тетрадь*, *хут*—бумага, *ручка*, *чернил*—чернила, *пура*—мел, *задача*, *директор*, *учитель*, *учительница*, *дежурнай*—дежурный и т. д.;

11) названия народов: *чаваш*—чуваш, *вырас*—русский, *тутар*—татарин, *сармас*—мари (черемисин), *макшай*—мордва (мокша), *ирсе*—эрзя, *пушкарт*—башкир, *туркка*—турок, еврей, *аккалчип*—англичанин, поляк, *чыкан*—цыган, *нимёс*—немец и т. д.;

12) названия светил небесных и разных явлений природы: *хёвел*—солнце, *уиах*—луна, *сйлта*—звезда, *пёлет*—небо, облако, *сил*—ветер и т. д.;

13) местоимений: *эпё*—я, *эсё*—ты, *вал*—он, *кам*—кто, *мён*—что и т. д.;

14) чисел и мер: *пёрре*, *иккё*, *виçсё*; *метр*, *литр*, *центнер*, *тонна*, *эрне*—неделя, *уйах*—месяц и т. д.;

15) признаков и действий: *лайах*, *аван*—хороший, *начар*—плохой, *ыра*—добрый, *асла*—умный, *вата*—старый (по возрасту), *самрак*—молодой, *сёне*—новый, *кивё*—старый (поношенный), *усал*—злой, *си*—ешь, *ёсле*—работать, *ёс*—пить, *кай*—идти, *кил*—приходить, *шухашла*—думать, *ту*—делать, *вёрен*—учиться и т. д.

Перечисленные 15 групп слов частично отражают характер и состав основного словарного фонда современного чувашского языка. Сюда входят корневые слова древнего происхождения, производные и сложные слова более позднего происхождения, сюда входят как природные, так и заимствованные из чужих языков слова (о чем будет сказано ниже). Все они, обозначая известные достижения чувашского народа в области материальной и духовной культуры, приобрели жизненно необходимый характер и отличаются большой устойчивостью. Поскольку основной словарный фонд всякого языка, по учению И. В. Сталина, живет очень долго, в течение ряда веков, то и основной словарный фонд чувашского языка имеет весьма важное значение в решении вопросов о происхождении чувашского народа и его языка, а также о родственных связях чувашского народа с другими народами.

Что касается словарного состава, то он, по учению И. В. Сталина, находится в состоянии почти непрерывного изменения. Он непрерывно пополняется новыми словами, возникающими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки, техники и т. п. При этом, несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов¹.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24—25.

Если из словарного состава исключить слова основного словарного фонда, то в нем остаются следующие группы слов:

1. **Историзмы**—это отжившие свой век слова, обозначающие предметы и понятия, относящиеся к уже отошедшим в прошлое эпохам и употребляющиеся только в применении к этим историческим предметам, явлениям и понятиям. К историзмам можно отнести слова, отражавшие старый дореволюционный общественно-политический строй, связанный с представлением об угнетении, бесправии, и вообще слова, проникнутые старым идеологическим содержанием. Напр.: *хун*—хан, *пурмис*—бурмистр, *бурлак*, *городнич*—городничий, *кёпёрнатар*—губернатор, *исправник*, *становой*, *урядник*, *сотски*, *земски управа*, *кантур* или *прикас*—волостное правление, *кулани* или *хырас*—подушная земельная подать, *шалу*—жалованье, *тюре-шара*—судьи и чиновники, *кермен*—крепость, *хысна хресченёсем*—государственные крестьяне, *удельни хресченёсем*—удельные крестьяне и т. д. Историзмы встречаются в учебниках истории, в исторических повестях, песнях и преданиях. Напр., С. В. Эльгер в своей поэме „*Хён-хур айёне*“ использовал следующие историзмы: *пурмис*—бурмистр, *тиек*—дьяк, *бурлак*, *кулани*—подать, *макасей*—общественный магазин хлеба, *хысна*—казна и др.

Историзмами стали в настоящее время и те слова и термины, которые созданы были в первые годы после революции и имели весьма кратковременное существование—или вследствие того, что предметы и понятия, обозначаемые ими, отошли в историю (напр.: *сулам укси*—самообложение, *чухансен комитечё*—комитет бедноты, *нэпман* и др.) или потому, что они оказались непригодными. Напр., при переводах учебников буржуазными националистами пущены были в научный оборот наскоро оформленные неудачные термины, как *йўс-амаш*—кислород (букв. мать кислого, мать кислоты), *шывамаш*—водород (букв. мать воды), *ка́мрйака́маш*—углерод (букв. мать угля), *пайташ*—причастие, *ёсхёлтеш*—деепричастие, *мул-ху́си*—капиталист (букв. хозяин богатства), *кёнеке пуххи*—библиотека, *сапкя́*—молотилка и т. д. Непригодность, ненаучность, искусственность этих терминов на практике вскоре выявилась, и они заменены были соответствующими русскими терминами, наиболее простыми и понятными.

2. **Архаизмы** (от греч. *archaios*—древний, старинный, устаревший)—это слова, отражающие старый дореволюционный быт чуваш, теперь выходящие или давно вышедшие из употребления. От некоторых архаизмов веет глубокой стариной, их донесли до нас произведения устного народного творчества чуваш и мифология. Напр., слова *пике*—дочь князя, *барышня*, *хәрхам*—служанка, *рабыня*, *скутав*, *шкутав*—скиф (?), *услан кайя́к*—лев, *кепе*—божество, управляющее судьбами челове-

ческого рода, *пӹлӹхсӹ*—божество, раздающее людям по назначению *кепе* счастливые или несчастные жребии, *пихампар*—покровитель домашнего скота, *хӹртсурт*—домовой. *арсӹри*—леший, *эсрел*—дух смерти, *калӹмкун*—чувашская пасха, *сӹрен*—праздник изгнания нечистых духов (мертвецов), *кашарни*, *сурхури*—вечеринки девушек, связанные с святочными гаданиями, *чӹк*—жертвоприношение, *тухатмаш*—колдун и т. д.

К архаизмам относятся в чувашском языке также слова: *хайматлах* и *вартах*—названия родственных отношений, связанных с удочерением замужней женщины, *хӹрсари*—девичья пирушка, *хӹраки*—девичья пашня, *тахам*—племя, потомство, *турту*—родственная связь, *уха*—лук, *сӹмрен*—стрела, *кусиле*—косуля, вид сохи, отваливающей землю только на одну сторону, *суха*—соха, *акапус*—первобытный деревянный плуг (сабан), *чам* и *сурхат*—старинные сосуды для пива, *хушпу*—головной убор женщин в виде цилиндра, унизанного монетами и мелкими нухратками, *тухья*—головной убор девушек в виде конуса, унизанного монетами, мелкими бусами и нухратками, *тевет*—у женщин перевязь через плечо, *сурпан*—головная повязка женщин в виде узкого полотенца, *кӹнчӹк*—обшивка лентой в виде ромба на груди женской рубашки, *чалма*—косынка, *сулак*—платок, надеваемый женихом на спину во время свадьбы, *хыс*, *сапан*—женский суконный кафтанчик, *сан*—тело, *усламса*—барышник, *ушшӹй*—кономен, *хахать*—новости, *хӹйчикки*—свещец, подставка для лучины, освещающей жилье, *сӹлевӹс*—рысь, *кайкар*—сокол, *хурав*—ответ, *хура пӹрт*—изба по-черному, *сӹр пӹрт*—землянка, *пелче*—зыбка, *сарнай*—зурна, *шапар*—волынка и т. д.

3. Диалектизмы тоже занимают значительное место в словарном составе языка. Диалектизмы—это слова и обороты речи, употребительные только в отдельных говорах чувашского языка. Они используются иногда писателями в целях точной передачи особенностей речи своих героев. Сюда относятся слова: *аби*—мать, *маӹсак*—дедушка, *мамак*—бабушка, *тете*—брат, *касан*—спина, *штольни*—хороший сорт самотканного холста, *ёскей*—деверь, *явлӹк*—платок, *сункав*—стружка, щепка, *сӹленкке*—бутылка, *сапарни*—полынь, *партусси*—притыкальник, *супинкке* русск. собинка—деньги или скотина, привезенная снохой из отцовского дома и представляющая ее полную собственность, *эшкер*—толпа, ватага и т. д.

Писатели наши часто прибегают к диалектизмам. Напр.:

Инсе мар йӹрӹ катер туртатъ бӹржӹна,
Вӹл срокчен турбинсем сӹтерме талпӹнатъ.

Ялгир.

Ўс, маттурăм! Ывăратăн
Халлехе пĕр ним пĕлми,
Араскалла самананăн
Араскалла этемми!
Хузангай.

Салпăран тухать—
Сапалать, витет.
Хузангай.

4. Словарный состав языка богат также профессионализмами. Профессионализмы—это слова и термины, употребительные только в узком кругу специалистов определенной профессии. Напр.: *сыра*—плотничный инструмент, *ыра*—пазник, *пулле*—тесло, род топора, но с лезвием, поставленным перпендикулярно к топорищу, *уксу*—шерстобитный лук, *хирлу*—тетива у шерстобитного лука, *кавус*—в водяных мельницах сруб для наружного колеса, *хивсе*—пришва, *кĕрĕ*—нитчанки, *хĕç*—бердо, *чакар*—станок для кручения (витья) веревок, *йĕпсе*—спицы, *хутар йывăçси*—мотовило, *хултарчă*—скальница и т. д.

Профессионализмы в чувашском языке довольно многочисленны. Например, проф. Н. И. Ашмарин перечисляет до 500 названий разных принадлежности водяной и ветряной мельниц и крупорушки, 90% из которых совершенно неизвестны населению: *ултура*—шестерня, *урлусси*—рычаг, которым останавливают ход, *калтармач*—шкив на веретене, *ленкер*—огниво (насадка на надолбах), *кутлар*—ящик, на который положено сито крупорушки, *стаяк*—стояк (стоячий вал ветрянки) и т. д.¹

Кулеткацкое производство также богато своими терминами, которые, к сожалению, не собраны и не приведены в известность: *куши*, *стрепал*, *чапта йĕппи*, *йĕп ачи*, *вĕтĕрке*, *калитке*, *шалтарма*, *шакарчак* и т. д.

5. В словарном составе до некоторого времени остаются и неологизмы т. е. слова, называющие новые предметы и явления действительности, вошедшие в быт, но не успевшие окончательно упрочиться, окрепнуть в языке и перейти в основной словарный фонд. Например: *басня*, *столовай*—столовая, *спичка*, *справка*, *велосипед*, *пристань*, *ёскунĕ*—трудодень, *посылка*, *писатель*, *памятник* и т. д.

Сюда же относятся и вновь принятые термины, не получившие еще необходимой устойчивости. Напр.: *ёсхĕл*—глагол, *сапат*—лицо, *сапатланни*—спряжение, *килĕшу наклонениĕ*—уступительное наклонение, *ёмĕт наклонениĕ*—сослагательное наклонение, *вĕрленĕ*—склонение, *умсамах*—предисловие, *харах чĕрнеллисем*—непарнокопытные, *пайураллисем*—членистоногие и т. д.

¹ Н. И. Ашмарин, Словарь чувашского языка, вып. II, стр 6—66.

6. Не можем исключить из словарного состава и слова, представляющие топонимические названия, многие из коих носят печать глубокой древности и могут служить ценным источником при изучении истории чувашского народа, его языка, его исторических культурных или родственных связей с другими народами. Сюда относятся, например, общие у нас с восточно-финскими, по преимуществу с марийскими, слова на *-нар, -нер*: Бурнар, Куснар, Шанар, Шутнер, Пинер, Упнер, Идеснер и т. д.; на *-мас, -мес*: Асламас, Пърмас, Тёрлемес, Ителмес; на *-мар, -мер*: Върмар, Кушмара, Итмар, Кутемер, Тюме́р и т. д.

Аналогичные топонимические названия встречаются и в восточно-финских языках—в марийском: Водонер, Кугунер, Куженер, Кинер, Сабанер, Карамас, Атламаш, Памаш, Кокшамар, Пумар, Шешмар и т. д.; в мордовском: Ингенер, Широ́мас, Кочема́с, Кайма́р и др.

7. Не менее ценным сокровищем в словарном составе чувашского языка являются и древние языческие личные имена, собранные некогда В. К. Магницким в количестве 10.587, частично и проф. Н. И. Ашмариным и помещенные им в своем „Словаре чувашского языка“. Многие из этих имен совпадают с названиями селений. Повидимому, первоначально они были названиями племен и родов. Например: Арзамас, Сармас, Атмас, Иремес, Самар, Идимер, Кизимер, Ильметь, Кнеметь (ср. древнерусский кѣметь), Шеметь, Арзаман, Кузман, Ильмень (ср. в русском яз. оз. Ильмень), Эльмень и др. Ср. в мордовском: Ате́мас, Арзе́мас, Полдо́мас и др.

Часть этих имен бытовала среди языческих чуваш вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Некоторые из них в форме прозвищ и фамилий сохранились до нашего времени: Иварби (Иварбеев), Туймет (Туймедов), Толмас, Кашмак, Элмень, Сетнер, Имендай, Карандай, Саламби, Атнер, Нарспи, Силби, Илемби, Тудияр, Умер, Пёсмер, Яланпи и т. д.

Состав лексики современного чувашского языка

С точки зрения исторического происхождения лексический фонд чувашского языка состоит из слов природных и заимствованных из других языков. Природные слова составляют главное богатство чувашского словаря. Около 70% из них входит в основной словарный фонд языка. Заимствованные или иноязычные слова тоже занимают значительный удельный вес в лексическом составе чувашского языка. Сюда относятся слова, перешедшие из языков тюркских, по преимуществу из казанско-татарского языка, частично восточно-финских, арабского, персидского, монгольского и, в особенности, из русско-

го языка. Русские заимствования непрерывно обогащали словарный состав чувашского языка и после Великой Октябрьской социалистической революции в значительной степени способствовали формированию общенационального чувашского литературного языка.

Природные слова в современном чувашском языке

В природных словах чувашского языка выделяются два слоя: слова, общие с другими тюркскими языками, и слова, встречающиеся только в чувашском языке и обязанные своим происхождением, с одной стороны, дотюркскому субстрату чувашского языка, а с другой—творческой инициативе самих чуваш, пополнявших наличный словарный состав новыми словами в связи с непрерывным ростом сельского хозяйства, техники, торговли и пр. Выявить природные слова в словарном составе чувашского языка и распределить их по группам—дело довольно сложное и трудное. До сих пор этим вопросом никто не занимался. До нас только Н. И. Ашмарин в своих „Материалах“¹ в отделе „Фонетика“ некоторые чувашские слова сопоставляет с татарскими, а редактор его труда проф. И. Ф. Катанов приводит к этим же словам параллели и из других тюркских языков. Есть такие тюркские параллели и у Н. И. Золотницкого в его „Корневом чувашско-русском словаре“ (1875), но не всегда удачные. О других группах природных слов у них нет и намека. Наша работа является первой, слабой попыткой несколько разобраться в пестром словарном составе чувашского языка. Первый опыт, конечно, не обойдется без ошибок, исправить которые в дальнейшем будет гораздо легче, чем впервые наметить правильный путь.

Общетюркские элементы в чувашской лексике

Общетюркские слова занимают в чувашской лексике весьма видное место. Они охватывают решительно все стороны жизни чувашского народа, все отрасли его хозяйства, все области человеческой деятельности. В количественном отношении они составляют до 50% природного словарного запаса. К общетюркским элементам мы относим не только слова, свойственные всем тюркским языкам, но и слова, общие у чувашского языка с несколькими, хотя бы с двумя-тремя тюркскими языками—с северными, южными или восточными—безразлично. При этом некоторые из этих общих слов в чувашском

¹ Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. 1898.

языке сохранились в более древней форме, чем в остальных тюркских языках. Отсюда можно заключить, что многие природные слова общетюркского фонда составляют древнейшее сокровище чувашского языка, восходящее к начальным периодам развития тюркских языков. И в настоящее время в преобладающей своей массе они входят в основной словарный фонд чувашского языка. Вообще родственные языки, возникшие из одного языка-основы, имеют очень много общего в основном словарном фонде и грамматическом строе языка.

Чтобы дать хотя бы самое общее представление об общетюркском фонде чувашской лексики, распределим соответствующие слова по следующим группам: I. Человек и части его тела. II. Родство. III. Дом и вещи в доме. IV. Домашние животные и птицы и использование их в хозяйстве. V. Хлебные злаки и технические культуры. VI. Деревья и плоды их, травы, овощи и ягоды. VII. Животный мир. VIII. Пища и напитки. IX. Счет, число и меры. X. Минералы и металлы. XI. Одежда и обувь. XII. Оружие, орудия и инструменты. XIII. Ткацкое дело. XIV. Средства передвижения. XV. Светила небесные, атмосферные и др. явления природы. XVI. Признаки предметов. XVII. Действия и состояния предметов. XVIII. Местоимения.

Небольшие расхождения в фонетическом облике сравниваемых слов не должны смущать читателей: в течение почти двух тысячелетий звуковой состав слов в тюркских языках не мог оставаться совершенно неизменным. В зависимости от разных исторических условий они могли изменяться и изменялись в том или ином направлении. При сравнениях и сопоставлениях чувашских слов с соответствующими по значению словами других тюркских языков необходимо иметь в виду все указанные ниже (в отделе „Фонетика“) фонетические особенности чувашского языка сравнительно с другими тюркскими языками. Главным же образом заслуживает внимания: 1) появление в начале чувашских слов протетического звука в в тех случаях, когда в других тюркских языках слова начинаются лабиализованными гласными *у, о, ү, ö*, делабиализация и редукция последних в *ä, ê*: тюрк. *урман*, чув. *варман*—лес, тюрк. *отуз*, чув. *ватар*—тридцать, тюрк. *олур, ултер*, чув. *вёлер*—убить и др.; 2) соответствие между чувашскими *р, л* и тюркскими *з, ш*: чув. *хёр*, тюрк. *кыз*—девушка, чув. *хёл*, тюрк. *кыш*—зима; 3) соответствие между начальным чув. *с* (мягкое *с*) и тюркскими *ј, жь, дь, ч*: чув. *сук*, тат. *йук*, тур. *йок*, кирг. *жок*, ойр. *дьок*, шор. *чок*—нет и. т. д.

В иных случаях в общих словах и значение несколько видоизменилось, так что одно и то же слово в чувашском языке имеет одно значение, а в других тюркских языках—другое.

Например:

чув. ут	тело	тат. ит	тур. эт, к-калп. ет	мясо
„ аш, какой	мясо	„ аш, азык	кирг. аш	еда, пища
„ йётем	ток на гумне	„ идэн	к-калп. еден	пол
„ тырă	хлеба на корню и в зерне	башк. тары, кирг. таруу	узб. тарык тркм. дары	просо
„ ту	делать	тат. ту,	тур. дог,	родить,
диал. тăв			к.-калп. ту	родиться.
ыйт	спросить	кирг., ойр.	айт	сказать
џурат	родить	тат., тур.	ярат, кирг. жарат	создать и т. д.

Из перечисленных слов слово „ут“ получило значение *тело*, повидимому, только в позднейшее время. В древности оно и в чувашском языке обозначало мясо, о чем мы можем судить по случайно уцелевшим выражениям, как „эпир утё џиет-пёр“—мы едим скоромное т. е. мясо „уте кёнё“—розговенье (разрешение на мясо), „џт шурпи“—мясная похлебка (дер. Дворики Красноармейского района, д. Тимерчеево Комсомольского района).

Употребление слова *тырă* в значении хлебов на корню или в зерне объясняется отчасти тем, что оно в тюркских (уйгурском, алтайских) и монгольских языках происходит от глагола *тари*, *тары*—пахать, сеять (монг. *тариху*—сеять). Отсюда все посеянное и возделываемое в качестве продукта питания, естественно, называлось *тарыг*, *тары*, *таруу*... На ранних стадиях земледельческой культуры тюркские народы из хлебных злаков, по всей вероятности, возделывали преимущественно просо. Этим только и можно объяснить закрепление этого слова исключительно за просом. В некоторых древних тюркских языках слово *тарыг* обозначало также и хлеба в зерне (см. словарь Махм. Кашгарского).

Слово „ту“ в старое время и в чувашском языке обозначало родить, что ясно видно из сохранившихся пережиточно выражений: „унан араме ывал ача тунă“—его жена родила сына: „Вал манан таван“—он мой родной брат (сестра), родственник (ср. тюрк. туган).

1. Человек и части его тела

Преобладающее большинство названий частей человеческого тела является общим для чувашского и других тюркских языков.

Например:

чув.	тюрк.	русск.
этем ¹ (арабск.)	тур., кирг. адам	человек
этем ывәлө-хёрө	адам огланы	род челове- ческий
ар, арсын	тат. ир, тур. эр	муж, мужчина
әс, әс-хакәл	кирг. эс, акыл, к-калп. ес, акыл	ум
пуç	тат., тур., кирг. баш	голова, начало
пуç түпи	тат. баш түбәсе	верхушка го- ловы (темя)
куç	тат. күз, тур. гөз, кирг. көз	глаз
куç папакки	тур. гөзбебеги	зрачок
куçхарши	тур., кирг., тат. каш, күз кашы	бровь
çавар	тат. авыз, баш. ауыз, тур. агыз	рот
сөлеке	тат. селәкэй, кирг. жилекей	слюна
тута	тркм. тодак, тур. дудак	губа
шит	тат. бит, кирг., к.-калп. бет	лицо
суç	тат. чәч, кирг., ойр. чач	волос
сухал	тат. сакал	борода
май	ойр., к-калп. мойын, кирг. моюн, гагауз. бойну, уйгур. боюн	шея
әнсе	тур. энсе, тркм. енсе	затылок
хулпуçси, анпуçси	тат. кулбаш, инбаш	плечо
какар	тат. күкрәк, тур. гөгүс	грудь
ал, ала	др. тюрк. элиг, тур. эл, чагат, элик	рука
хул рука от локтя до плеча	кол, кул	рука
çан устар.	кирг., тур. тен (перс.)	тело, плоть
ываç	тур. авуч, др. тюрк. абуч, уйг. авуш, тат. уч, казах. увыс, кирг. ууч	горсть
пилөк	тат. бил, белиг ² , уйг. бәл, ойр. бел	поясница, талия
аяк	як, к-калп. жак, кирг. жан, жак	бок
ура	тат. аяк, др. тюрк. адак, шор. азак	нога

¹ Слово *этем* употребительно только в отвлеченном значении человека как обладателя моральных и интеллектуальных свойств. Слово это с числительными не употребляется. В конкретном значении человека употребляется слово *сын*, тюрк. кеше, киши.

² Золотоордынск. рукопись на бересте. Советское Востоковедение т. II, стр. 82—83: белиге кур куша.

пурне	тат., уйг. бармак, алт. пармак	палец
пуç пурне	тат. баш бармак	большой палец
вата пурне	орта бармак	средний палец
ятсар пурне	атсыз бармак	безымянный палец
чёрне	тур. тырмак, кирг. тырмак, тркм. дырмак	ноготь, коготь. копыто
чёр, чёркуçси	тат. тиз, казах., кирг. тизэ, тур. диз	колени
шамă	тркм. сынк, тат. сояк, кирг. соок	кость
шанăр	кирг. сингир, тат. сенер	сухожилие
пў, диал. пёв	бой, буй, пой	стан, рост
пыр	богаз, богуз, пуаз	горло
хырам	карын	живот
чёре	тур. йүрек, тат. йөрэк, ойр. дьүрек	сердце
упке	тат. упкă, ойр. өкпө, балк. опке,	легкое
пёвер	кирг. боор, тат. бавыр, уйг. бегир	печень
пуре	тур. бөбрөк, урянх. пүрек	почка
ват	кирг. от, тур. од, тат. ут	желчь
камăл сердечное расположение	күнел, гонул	сердце
юн	кан	кровь
миме	тат. ми, кирг. мээ	мозг
тир	тат. тире, тур. дери	кожа
тар	тат. тир, тур. тер	пот, испарение
мар	казах. без, тат. биз	железа
сасă	тркм., тур., азерб., казах. сес	голос, звук

Все эти слова, за исключением „çан“, находятся в основном словарном фонде современного чувашского языка.

II. Родство

Общeturкский элемент сильно преобладает в чувашском языке и в названиях родственных отношений. Например:

атте	ата	отец
анне	ана	мать
атте-анне	ана-ата, тур. ана-баба	родители
упашка—муж	кирг. абышка	муж, старец
ывăл диал. ул	тур. огул, тат. ул, кирг. уул	сын
хёр	тат., тур., кирг. кыз	дочь, девица
кёрү	к-калп. кӱеӱ, кирг. куйбӱ др. тюрк. кудăгӱ	зять (муж дочери)

кин	кирг. келин, тур. гелин	сноха (жена сына)
инке	тур. йенге, тат. жингә	невестка (жена старшего брата)
хунъям, хунё	кирг. кайыната, уйг. кадын ата	тесть
хуняма, хунеме	тур. кайнана, кирг. кайын эне	теща
хунякам, хунекем	тат. кайнигәч	свояченица (старшая сестра жены)
пултәр	тат. тур. балдыз	свояченица (младшая сестра жены)
пуҫана	тат., кирг., уйг. бажа, бажанак	свояк
тәван	тат. туган, кирг. тууган	родной брат, родственник
хәта	тат. кода, куда	сват
евчё	тат. яучы, кирг. жуучу	сваха
хурәнташ	тат. карындаш	единоутробный брат, сестра, родственник
карчәк	тат. карчык	старуха
хәна	тат. кунак, кирг. конок	гость
пелёш	тркм. билиш	знакомый
	казах., кирг. тукум,	племя, потомство
тәхәм	тат. токым	

К этой же группе с некоторой вероятностью можно отнести еще слова: *пичче*—старший брат, *шәлләм*, диалектически *шәнкәлләм*—младший брат. Слова *пичче* (пи, пү ср. др. тюрк., уйг. бег, тур. бей—князь), *шәлләм* можно сблизить с тюркскими *әчи* (Кюль-Тегин)—старший брат, дядя по отцу, сагайск. *пичә*) (см. словарь Радлова IV, 1350) и *әча* (М. Кашг. совр. уйг. яз.)—старшая сестра, тат. *сенәл*, к-калп *сингли*, кирг. *синди*—младшая сестра. Поскольку слова эти *пичче* и *пичә*, с одной стороны, *шәлләм* и *сенәл*, с другой—фонетически и лексически родственны, то можно допустить, что в древнейшие времена, когда в лексике еще не установилось строгой дифференциации слов по значению, слово *пичче* употреблялось одинаково и в значении старшей сестры и старшего брата, и слово *шәлләм* обозначало младшего брата и младшую сестру, как это наблюдается до настоящего времени в некоторых языках. Позднее же у одних тюркских народов *пичче* утвердилось в языке исключительно в значении старшего брата, а у других—в значении старшей сестры, а слово *шәлләм*—сенәл в

одном языке стало употребляться в значении младшего брата, а в другом—младшей сестры. Точно так же чувашское *акка*, *алпа*—старшая сестра и тюрк. *ага*—старший брат, дядя могли одинаково обозначать и старшего брата и старшую сестру. Например, в чувашском *хунягам*—свояченица (старшая сестра жены), а в других тюркских языках *каенага*(тат.)—старший брат жены. Несколько одиноко стоит в чувашском языке слово *качча*—жених, *качча кай* (тух)—выйти замуж, ср. тур. *коча*—муж, *кочая* вармак—выйти замуж.

Все перечисленные слова родства, кроме „тăхăм“, относятся к основному словарному фонду чувашского языка.

III. Дом и предметы домашнего обихода

Общетюркский элемент в чувашском языке содержится также и в названиях предметов домашней обстановки, имущества и проч. Например:

сұрт, кил-сұрт	М. Кашг. юрт, тат. йорт	дом (юрта), страна
кил	тур. и туркм. гиль	дом, семейный очаг
лаç(ă)	алт. аланчăк (шалаш)	летняя кухня
лĕçмех	тат. почмок, тур. буджак	угол
пура	тат., башк. бура	сруб
алак	тат. ишек, кирг. эшик, ойр. эжик	дверь
чÿрече (перс.)	кирг., тркм., к-калп. терезе	окно
тĕнĕ	тӱнлӧк, тӱннӧк	дымовое отвер- стие в избе
вут	тат. ут, к.-калп. от	огонь
вучах	к-калп. ошак, тат. учак, ойр. очок	очаг
кĕл	тур. кол, тат. кул	зола
тĕтĕм	тат. тӱтӱн, тӱтӱн	дым
хăрам	тат. корым, тур. курум	сажа
кăмрăк	тур. кӱмӱр, тат. кӱмер	уголь
мăръе	кирг. мор, башк. морйэ, тат. моржа	дымовая труба
вутă	одун, утын	дрова
кĕле	килэ, башк. келэ	задвижка, де- ревянный запор
шăпăр	кирг. шыпыргы, тат. себерке	метла, веник
вырăн	урын, орун	место, постель
тĕшек, тĕшек	тушек, тӱжăк	перина, постель
минтер	тат. мендэр	подушка
кĕскĕ, куçкĕски	кирг. кӱзгӱ, тат. кӱзге, турк. гӱзги	зеркало

савӑт пӑкӑ	саут, тат. савыт тат. боке, узб. покэк	сосуд, посуда втулка, пробка, затычка
чӱлмек, диал. чумлек	турк. чӱмлек, гагауз. чӱлмек	горшок, кор- чага
хуран	тур., тат. казан, гагауз. харан	котел
хапха	тат. капка, тур. капи	ворота
хӱме	тат., башк. койма	забор
ҫатан	уйг. читэн, тур. чит	плетень
мунча	тат. мунча, кирг. мончо	баня
чӑпта	уйг. чипта	рогожа
сенёк	тат. сәнёк	вилы
мул	мул	скот, имуще- ство
валак	тур. олул, тат. улак	жѣлоб
тупӑк	гагауз., тат. табут, кирг. табыт	гроб и т. д.

IV. Домашние животные и птицы, использование их в хозяйстве

Общетюркский элемент насквозь пронизывает чувашский язык также в области названий домашних животных и птиц. Слова эти относятся к древнейшим временам жизни чуваш. Некоторые из этих слов в настоящее время совсем вышли из употребления и сохраняются только в более устойчивых речениях. Например, слово *хам* (из хӑлам), кирг. *кулун*—жеребенок теперь совершенно неупотребительно, оно вытеснено словом *тиха* и бытует только в выражениях как *кӗсре хӑм паракна*—кобыла скинула жеребенка, *кӗсре хӑмлана*—кобыла ожеребилась и т. д.

ут, лаша кӗсре	тюрк. ат, алаша тув. кызырак, тур., казах. кысрак, гагауз. кысырак	конь, лошадь кобыла
ӑйӑр .	тур., кирг. айгыр, М. Кашг. адгыр	жеребец
урхамах ҫӑрха	аргамак тат. юрга, кирк. жорго, к-калп. жорга	аргамак иноходь
тиха	тай, ойр., казах. кулун	жеребенок
ӑмра, ӑмӑр	омрау, омуз	грудь лошади
тир	кирг. тери, тур. дери	шкура
ҫилхе	кирг., казах. жал, тур. еле	грива
хӱре	кирг., тур., ойр. куйрук	хвост
хелӗх	тат., тур. кыл	конский волос
тӑлӑ	тышау, кирг. тушоо	путы
тӑлла	кирг. тушоо сал, тат. тышаула	стреножить (лошадь)

ёне	уйг. инэк, абак. нек	корова
ва́ка̋р	тат. үгез, тур. öкүз	бык
па́ру	тат. бозау, тур. бузагы, ойр. бозу	теленек
тына	тат. тана, тур. гагауз. дана	телка, пороз
шилё	елин, челин, желин	вымя
су, сав	су, саг	доить
па́рула	бозаула, пузаула	телиться
хёсёр	кирг., тркм., тат. кысыр	яловая
сура́х	сарык	овца
путек, пы-	казах. бойдак	двухлетняя
тяк—ягненок		овца
така	тэкэ, уйг., шор. тэгэ	баран
качака	тат. кэжэ, тур. кечи	коза
савар, сура	явры, тур. явру	детеныш мле-
		копитающих
сам, сум	тат. йон, кирг. жүн, тур. йүн	шерсть
		(овечья)
юпах	тур. япагы, тат. ябах	шерсть лошади
		сбрасываемая
		во время
		линьки
йы́та̋	тат. эт, кирг. ит	собака
ама йы́та̋	ана эт, ит	сука
а́са̋ йы́та̋	ата эт	кобель
па́лан	ата болан	олень
тёве	тур. деве, к-калп. түйе	верблюд
ашак	тур. эшек, татар. ишэк	осел
ча́х	тат., тур. тавук, кирг. тоок	кураца
хур	тат., тур. каз	гусь
мама́к	кирг., башк. мамык	пух
тёк	түк, тур. түй	перо, пух
са́марта̋	тур. юмурта, кирг. жумуртка,	яйцо
	тат. йомырка	
пы́рша̋	тур. барсак	кишка и т. д.

V. Хлебные злаки и технические культуры

Названия многих хлебных злаков и некоторых технических культур также являются у чувашского языка общими с другими тюркскими языками. Отсюда ясно, что земледелие, как и скотоводство, усвоено было некоторыми тюркскими народами еще в глубокой древности. Например:

тыра́ хлеба в киргиз. таруу—просо, М. Кашгар.
зерне и на тарыг—хлеба в зерне, просо
корню

урпа	тур., кирг. арпа, тел. арба	ячмень
сѣлѣ	кирг. сулу, алт. сула, тат. солы	овес
пѣри	тат. борай, бурай	полба
пѣри—полба	тат. бодай, шор. бугдай, узб. богдай	пшеница
пѣрѣа	кирг. буурчак, башк. борсак, тат. борчак	горох
вѣрѣ, вѣрлѣх	кирг., кумак. урук, башк. орлок	семя, семена
пѣрѣс	к-калп. бурыш, кирг. мурч	перец
ѣнѣх	тат. он, кирг., тур. ун, йон, йун	мука
пучах	тур., гагауз., уйг. башак, кирг. машак	колос
кантѣр	тат. киндер, тур. кеневир, к-калп. кендир	конопля
йѣтѣн	тат. житен, кирг. етен, тур. кетен	лен
пуса	тат. баса, башк. баѣа	посконь
сус	тат. сус	кудель, пенька
пир	бѣз, уйг. бос	холст, бязь
хѣмла	тат. колмак, баш. комалак алт. кумдак	хмель ¹
хир, пусѣ	башк. тат. кыр, басу, тур. кыр	поле
йѣран	башк., тат. ызан	межа, отделяю- щая один загон от другого
хѣлте	тат., башк. кѣлтѣ, кѣлтѣ	сноп
кабан	кибен, кебен	стог, скирд
тѣпач	тат. тѣпѣч, чабагач, башк. сыбагас	цеп
арпа	тат. ѣрбѣ	мякина
хѣлчѣк	тат., кирг. кылчык, гылчыг	ость, острые усики в ко- лосьях ячменя и т. д.

Сюда же можно отнести слова из области земледелия: чув. сѣре, тур. сѣргѣ—борона, тат. сѣр, к-калп. сур, тур. сѣр, пахать и т. д.

Из хлебных злаков полба, смешиваемая некоторыми народами с пшеницей, повидимому, представляет древнейшую культуру. Она известна была и древним грекам, ср. *πυρός*—пшеница *ζεα*—полба, и литовцам, ср. пурай и русским, ср. пыро—пшеница, пирог, пырей.

¹ Происхождение этого слова неясно. Под аналогичными названиями хмель известен у весьма многих народов—у индоевропейских, угрофинских и др. Ср. лат. *citulus*, морд. *комла*, мар. *умыла*, венг. *komló*.

VI. Деревья и плоды их, травы, овощи, ягоды

Нынешние чувашские названия некоторых деревьев, плодов их, трав, овощей и ягод также имеют свои соответствия в отдельных тюркских языках. В общем данная категория слов в каждом из тюркских языков образовалась, повидимому, отдельно и независимо от других родственных языков. Совпадают они в двух и редко в трех-четырех тюркских языках. Например, названия дерева и плода смородины совпадают только в чувашском *хурлахан* и в тат. *карлыган*, а в башкир., киргизском мы находим уже *карагат*, а в тур.—*фрэнкузүмү* (т. е. франц. изюм) и т. д.

йывăç	тур. агач, кирг. жыгач	дерево
юман	тат. имән, кирг. эмен, тур. меше	дуб
çăка	жюке, башк., тат. юкэ, шор. чӧге	липа
хурăн	алт. кирг. кайынг, шор. казынг, кадын	береза
хурама	карама, тур. карагач, кирг. кара жыгач	вяз ¹
вӗрене	тат. орэнге, тур. акчаагач	клен
чӑрӑш	тат. чыршы, башк. шыршы	ель
тирек	кирг., тат. терек	тополь
уртӑш	тат. артыш, тур. ардыч	можжевельник
улмуçси	алмагач, кирг. алма жыгачы	яблоня
улма	алма	яблоко
çемӗрт	алт. йымырыт, юмурт, тат. шомырт	черемуха
йӗкел	тат. әкәл	жолудь
чие	тат. чия, кирг., казах. чие, башк. сейӓ	вишня
пилеш	милэш, ойр. беле	рябина
тымар (араб.)	кирг., баш., тат. тамыр, уйг. тамур, тркм. дамар	корень
кишӗр	к-калп. гешир, тур. кишир	морковь
çеçке	чәчәк	цветок
пӗтнӗк	башк. бӧтнӧк	мята
хӑмӑш	камыш	камыш
эрӗм, эрӗмути	кирг. эрмен ср. нем. <i>Wermuth</i>	полынь
хӑях	хыяк	осока
тикенек	кирг. тӧӧтикен	репей
пӗрлӗхен	тат. бӗрлегән, башк. борзогән	костяника
хуйӑр, хупӑ	гагауз. кап, тат. кайры, кабык, тур. кабук	кора, лубок
качка	кирг. кӱчӱк	почка
утӑ—сено	от	травы и т. д.

¹ Повидимому, хурама происходит от хура—черный и якут. *мас* дерево.

В чувашском языке *ута* в старое время тоже обозначало траву. Ср. выражения: *ыхрути* (дикий лук)—*ыхра* ути, букв. чесночная трава, *шурути*—пырей (буквально болотная трава), *кашка*р ути—щавель и др.

VII. Животный мир

Выше мы видели, что названия домашних животных и птиц в чувашском языке почти целиком носят общетюркский характер. Если мы теперь начнем рассматривать названия разных представителей животного царства вообще, то и здесь найдем очень много общих слов с тюркскими языками. Большое число соответствий имеется в названиях зверей, птиц, рыб, насекомых и др. Например:

услан кайăк (только в фольклоре)	тур. услан, тат. арыслан	лев
кашкăр	казах. каскыр, кирг. кар- шкыр	волк
сӹлӹвӹс устар.	кирг. сӹлӹӧсӹн, казах. силев- син, ойр. шулузин	рысь
упа	М. Кашг. апа, аба	отец, медведь ¹
пăши	тат. пыший	лось
пил истор.	кирг. пил, тур., гагауз. фил	слон
тилӹ	тат. тӧлке, ойр. тӱлку, тур. тилки	лисица
пураш юс	тур. порсук, тат. бурсук ас	барсук горностай, лас- ка
хăнтăр	тур. кундуз, казах. кундус	бобр, выдра
арлан	тат. эрлән	хомяк
сăсар	к.-калп. сусар, казах. сувсар	куница
сăвар	тат. суыр, казах. сувыр	сурок
тăрна	узб., тур. турна, тркм. дурна	журавль
ухӹ	кирг. уку	филин
тăри	казах. торгай, кирг. торгой	жаворонок
путене	уйг. бодинэ, тат. бӱдӱнӱ, ойр. бӱдӱне	перепелка
хӹрхи	к.-калп. кырги (ястреб)	кобчик
пăчăр	тат. божыр	рябчик
сӹрсӹ	тур., туркм. сӹрчӹ	воробей
хурчка	тат., кирг. карчыга,	ястреб
йăва	тур. йува, ойр., кирг. уя	гнездо

¹ У тюркских народов медведь считался родоначальником некоторых родов, поэтому он у них называется дедом, отцом; др. уйг. адыг—дед, медведь; як. аса—дед, медведь.

пулă	тур., кирг. балык, уйг. велик	рыба
çарттан	кирг., ойр. чортон, тат. чуртан	щука
çупах	алт. чабак, тур. чапак	лещ, чебак
çуйăн	тат. жэен, к-калп. жайын	сом
çёкё	тркм. чёке, тат., башк. чөгё	стерлядь
çёлен	тат. елан, тур. йилан, ойр. дьылан	змея
	шор. чылан	
калта	тат. кăлтă, кирг. кескелдерик	ящерица
хурт	тур. курт, тат. корт	червь
сёлёх	сулук, шулук, зулук	пиявка
шёвёрёлчен	тат. суалчан, тур. солучан	глист
шăна	тур. синек, чаг. сингек	муха
пыйтă	тур., к-калп. бит, тат. бет	вошь
шăрка	тур. сирке, тат. серкэ	гнида, уксус
кёве	тур. гүве, кирг. кубё, тркм. кўе	моль
пăрça	кирг. бурче, тат. борча	блоха
тёкёлтура	казах. тукти ара, тркм. кара ары	шмель
	(ара — пчела)	и т. д.

VIII. Пищевые продукты и напитки

Частичные соответствия между чувашским и некоторыми тюркскими языками встречаются и в названиях пищевых продуктов. Например:

çăкар — хлеб	казах., узб. жүгери, кирг. жүгүрү — кукуруза, тур. чёкери	просо
пăтă	кирг. ботко, тур. бутка, алт. потка	каша
аш — мясо	аш, аз, аслык	еда, пища
пулă	тур. балык	рыба
сёт	тур., кирг. сūt	молоко
çu	тур. яг, тркм. йааг	масло
уйран	уйг., кирг. айран	пахтанье
хайма	тат., тур. каймак	сливки
пыл	бал	мед
шыв	тат., тур. су, кирг. суу, к-калпак. сув	вода
сăра — пиво	сыра — пиво, тур. шыра	сусло
эрех	тат. аракы, к. калп. арак (араб.)	водка
тăвар	тат. тоз, тур. туз	соль
çăмарта	тат. йомырка, тур. юмурта	яйцо и т. д.

Источник заимствования слова сăра неясен. Соответствие ему мы находим в древнеиндийском языке *sura* и в иранских языках *hura* — опьяняющий напиток. Шрадер, находя это слово у вогулов, предполагает, что оно проникло к ним через скифов, которые будто бы в языковом отношении стояли близко к арийцам¹. Всего вероятнее, что вогулы (манси) и восточно-

¹ Шрадер. Индоевропейцы. СПб. 1913, стр. 23.

финские народы заимствовали это слово от чуваш, тем более в вогульском (мансийском) и остяцком (хантыйском) языках имеется ряд слов, заимствованных от чуваш и болгар¹.

IX. Счет, число, мера и времена года

Ни в какой другой области нет такого полного соответствия между чувашским и другими тюркскими языками, как в названиях чисел, начиная с единицы до тысячи. Например:

пёр, пёрре	тур. бир	один
ик, иккё	" ики, уйг. якки	два
виç, виççё	" үч, уйг. ус	три
таватă, таваттă	" дёрт	четыре
пилёк, пиллёк	" беш., казах. бес	пять
ултă, улттă	" алты	шесть
çичё, çиччё	" йеди, шор. чети	семь
сакăр, саккăр	" секиз	восемь
тахăр, таххăр	" докуз, ойр. тогус	девять
вунă, вуннă	" он	десять
вунпёр	" он бир	одиннадцать
вунтаххăр	" он докуз	девятнадцать
çирём	" йирми, уйг. йигирме	двадцать
çирём иккё	" йирми ики	двадцать два
ватăр	" отуз, уйг. оттуз	тридцать
хёрёх	" кырк	сорок
аллă	" элли	пятьдесят
утмăл	" алтмыш	шестьдесят
çитмёл	" йетмиш	семьдесят
сакăрвуннă	" сексен	восемьдесят
тахăрвуннă	" доксан	девяносто
çёр	" йүз, шор. чүс, ойр. дьус	сто
пин	" бин, гагауз. бин, уйг. мин	тысяча
çур	" яри, ярым	половина
чёрёк (перс.)	" чейрек	четверть
çehar yek		
хёл	" кыш, казах. кыс	зима
çу	" яз, яй, кирг. жай	лето
çур, çуркунне	" кирг. жаз	весна
кёр, кёркунне	" гуз, кирг., казах. күз	осень
уйăх	" ай	месяц
çул	" йыл, ойр. дьыл, тат. яш	год
каçал	тат. быел	нынешний год
талăк	" башк, таулек, тавлук	сутки
авăк	тур. аук	мгновенье
пелтёр	тат. былтыр, уйг. бултур	прошлый год

¹ B. Munkacsı. Az „ugor“ népvezet eredete. Ethnographia VI, 349—387.
A vogul nyelv idegen elemek. Nyelvtud. Közlem. XXVIII.

кăнтăр, кăн- тăрла	тур. гүндүз	полдень
кун	тур. күн, гүн	день
каç	башк. кис, тур. кече М. Кашг. кича	вечер, ночь
пёркунне, ыран мар тепёр кун- не	бүрсүгүнү, тркм. беригон, тур. йарын дегил өбүргүн	после завтра
ир	кирг. эртен, тат., башк. иртэ	утро, утром
хăлаç	уйг. кулач, абак. кулас	маховая сажень
çухрам (от çу- хăр—кричать)	тат. чакрым	верста
тараса	тур. терази, тркм. терези	весы
хур	кирг. кары, в уйг. юридич. документах X—XIII вв. кары, в узб. яз. XIV—XV вв. кары — локоть употреблялось как мера дли- ны, равная расстоянию от середины груди до конца пальцев вытянутой руки и т. д.	

Х. Металлы и минералы

В названиях металлов и минералов в чувашском языке общетюркский элемент занимает весьма незначительное место, он ограничивается только несколькими словами. Например:

тимёр	кирг., темир, тур. демир	железо
хурçă	куруч, курч	сталь
пăхăр	тур. бакыр, пагыр	медь
кёмёл	ойр. күмүш, тур. гүмүш	серебро
ылтăн	тат., тур. алтын	золото
күкёрт	перс. кукүрт	сера
пур	бор	мел
вут чулă	кирг. оттук таш	кремень
хайăр	казах. кайыр	песок и т. д.

ХІ. Одежда и обувь

Названия одежды и обуви также не представляют исключения из общетюркского фонда чувашской лексики. Тюркский элемент и здесь встречается в достаточном количестве. Например:

сăкман	сүкман, тат. чикмэн	кафтан
кёрёк	тур., М. Кашг. күрк, азерб. курк	шуба, мех
тум, тумтир	тун, тон	верхняя одеж- да, шуба
арăк	тат. итэк, ойр. эдек тур., кирг. этек	подол, пола одежды

санă	йăн, йен, женг	рукав
сұха	тур., тркм. яка, ойр. дьяка, к-калп. жага	воротник, ворот
сăпата	башк. сабата, тат. чабата, к-калп. шабата	лапотъ
атă	ăтик, одук, эдик	сапог
тăла	тур., тркм. долак, толаг	онучи, портянки
кёпе — рубашка	шор. кеп — одежда;	
сытма	тркм. аяк кабы (букв. одежда ноги) — обувь	
	сыкма	детские штанишки
кунча	тур., кирг., узб. конж, ойр. кондьу	голенище
түме	тур., тркм. дугме, узб. тугма	пуговица
сёрё	йузук	кольцо
тухъя	такиа, такъя (перс.)	девичья шапка
йём	уйг., М. Кашг. ўм, кирг. шым	штаны
сұлак, сұлаҳ уст.	кирг. жоолук, башк. тат. яулык	платок и т. д.

ХII. Оружие, орудие, инструменты

ухă — лук	ойр. ок, ук	лук, стрела, пуля
хёс	тат. кылыч	меч
санă	тат. сонго, тркм. сунги	копье
тупă	тур. топ	пушка
тар	тар, дары, тары	порох
пăчка	бычки, пычык, пычки	пила
сунтал	к.-калп. сандал (ар.-перс.)	наковальня
хайра	кайрак	точило, брусok
пёлев	тур. билегиташы, уйг. билэй, кирг. бўлбӯ, тат. белеу	оселок, брусok
хачă, хайчă	кирг. кайчы (перс.)	ножницы
чукмар	казах., к.-калп. шокмар	дубинка и т. д.

ХIII. Ткацкое дело

В чувашском языке в названиях некоторых моментов прядильно-ткацкого производства тоже имеются общетюркские элементы.

ураçă, ураçси	тур., гагауз. аргач, тркм. уток	
хёс	оргач, кирг. аркак, уйг. аркак	
	тат. кылыч	бердо

хултәрч	калдырча	скальница
әса, сәса	тат. суса, башк. оҫа	челнок
ҫерё	тат., башк. шүре	цевка
көрё	кирг. күзүк	нитченка
ҫип	кирг., к.-калп. жип, тур.,	нитка, пряжа
	тркм. йиплик, ойр. дьип	
йёке	тур. иг, тркм. ик, кирг. ийик	веретено
арла, авәрла	тркм. ор, тат. эрлә, тур. егир,	прясть
	кирг. ийрү	
пир төрт	к.-калп. току, башк. туку, ткать и т. д.	
	тур. доку	

XIII. Средства передвижения

урапа	тур., тат., кирг. араба	телега
үрече	башк., тат. үрәчә	грядки у телеги
суна	тат., кирг. чана, к.-калп. шана	сани
суна тупанё	башк. чана табаны, кирг. чана	полоз
	таманы	
турта	тат., башк. тәртә	оглобля,
	кирг. тарта—дышло	
йёнер	тур. эйэр, кирг. ээр, к.-калп. ер	седло
тёнёл	тур. дингил	ось
йёнерчёк	кирг. ээрчик, башк. ынгырсак	седелка
йёвен	узб. йүген, казах. жүгөн	узда
нахта	кирг. нокто, к.-калп. нокта	недоуздок
		оброть
тилкепе	тат., башк. дильбегә	вожжи
	к.-калп. делбе—повод у узды	
уйәл	к.-калп. айыл, узб. эйил	подпруга, под-
		брюшник
чёлпёр	ойр., кирг. чылбыр, казах.	повод у узды
	шылбыр	
кимё	кирг., к.-калп. кеме, тур., гими	корабль,
		лодка
ишкет	узб. эшкек, к.-калп. ескек,	весло
	башк. ишкәк	
турта паявё	тат. тәртә бавы	завертка
сул	тур. йол, кирг. жол	дорога и. т. д.

XV. Светила небесные, атмосферные и др. явления природы

хёвел (кун—	башк. кояш, тур. гүнеш,	солнце
день)	тркм. куяш, алт. кун	
уйәх	тат., башк., тур., кирг. ай	луна
ҫалтәр	тур. йылдыз, якут. сулус,	звезда
	кирг. жылдыз	
пёлёт	кирг., тур., уйг. булут	небо, облако
ҫёр	тат., тур. иер, ойр. дьер	земля

вут	тат. ут, кирг. от	огонь
сутă	тат., башк., тркм. к.-калп. якты	свет
шыв	к.-калп. сув, кирг. суу, тур. су	вода
юр	тркм. гар, тат., башк., тур. кар	снег
пăр	тур. буз, шор. мус, кирг., к.-калп. муз	лед
сиве	кирг. суук, тур. согук, к.-калп. суык	мороз, про- хладный
чил	тур. йел, шор. чел, кирг.-жел	ветер
кӱлӗ	ойр. кӱл, тур. гӱл, кирг. кӱл	озеро
сумăр	тур. йагмур, ойр. дьанмыр, кирг. жамгыр	дождь
пăс, пу (пăв)	гагауз. бу, тур. бугу, кирг. буу	пар, испарение
тумла	тур., гаг. дамла, кирг. тамчы	
пас	тат., башк. бэс	капля, капель
пылчăк	уйг. балчук	иней
тапра	тур. топрак, кирг. топурак, к.-калп. топырак	глина, грязь почва земля и т. д.

XVI. Признаки предметов

В чувашском языке сохранилось очень много прилагательных с общетюркской основой:

чӗрӗ	др. уйг., шор. тириг, кирг. тирӱ, тур. дирп	живой
сывă	тур., саг, кирг. соо	здоровый
йӱçӗ	тур. ачи, кирг. ачуу	горький,
тутлă	тур., к.-калп. татлы, кирг. таттуу	вкусный, слад- кий
сарă	тур. кирг. сары, тркм. саары	желтый
кавак	тур. гӱк, тркм. гӱӱк, кирг. кӱк	синий
хура	тур., кирг., тат. кара	черный, вороной
тура	тур. дору, кирг. тору, туркм. доор, уйг. торук	гнедой
чуптар	кирг. чабдар, тат. чаптар	игрений
хала	кирг. кула, тат. кола, тркм. кула	саврасый
пăвăр	тат. бурлы, кирг. буурул, тур. боз	чалый, серый
вăрăм	тур., кирг. узун, тат. озын, к.-калп. узын	длинный, дол- гий
кӗске	кирг. кыска, тур. киса, тркм. кыска	короткий

суккӑр чӑлах	кирг., ойр. сокур, туркм. сокыр уйг., тур., узб., казах. чолак, кирг. чолок	слепой однорукий, увечный
тул, тулли	тур. долу, кирг. толук, тркм. доолы, к-калп. толы	полный
тӑвӑр	кирг. тыгыз, тркм. дыкыз	тесный, плот- ный
хӗсӗр	кирг., гагауз., тур., тат. кы- сыр, к-калп. ксыр	яловый, без- плодный
чуман	тркм. чаман	ленивый, ло- шадь с плохим ходом
мӑка каҫхи	кирг. мокок тур. гечеки, кирг. кечки, к.-калп. кешки	тупой вечерний, ночной
кӗрхи хухӗм ҫухе сайра	кирг. кӱзгу, к.-калп. гузги кирг. кӱркӱм, к.-калп. кӱркӱм др. тюрк. йуйка, кирг. жука узб. сийрек, тат. сирӕк, кирг. сейрек	осенний красивый тонкий редкий
хытӑ ҫемҫе ҫенӗ	тур., тат. каты, кирг. катуу тур. йумушак, кирг. жумшак тур. йени, ойр. дьянъы, кирг. жаны	твердый мягкий новый
шухӑ чухӑн	узб. шох, кирг. шок, тат. шук др. тюрк. (Кюль-Тегин 10) чы- ган, узб. чыгай	шаловливый бедный, неиму- щий, бедняк
вакӑ	тат., башк. вак, тур. уфак, уйг. ушшак	мелкий
чӑн	уйг. чин, кирг. чын	действитель- ный, истинный, верный
пушӑ	уйг., кирг., тур. бош	пустой, свобод- ный
ирӗк, ирӗклӗ ҫухе тарӑн самӑр	кирг. эркин, тат. иркен кирг. жука, тат. юка ойр. тӑрӑн, тур. дерин тув. сӑмис, тат. симез, тур. семиз	свободный тонкий глубокий жирный, туч- ный
хӗрлӗ ансат	тур., тат., кирг. кызыл тркм. ансаат, тат. асат	красный легкий и т. д.

XVII. Действия и состояние предметов

Общетюркские элементы весьма многочисленны в чувашском языке и в словах, обозначающих действия и состояния предметов, то есть в глаголах:

џи	тур. џе, к-калп. жей, кирг. жээ	есть
џџ	тур., кирг. ич, казах. иш	пить
џџле	тур. ишле, узб. ишла, кирг. иштö	работать
ил	тур., тат., баш., кирг. ал	братъ
ыйт — спра- шивать	М. Кашг. и Куд. Бил. айыт— спрашивать, кирг. айт	говорить
пиџ	казах. пис, тур. пиш, кирг. быш	вариться, созреть
ак	тур. эк, кирг. сэс, тркм. сеп	сеять
выр	кирг., тркм., к-калп. ор, тат., башк. ур	жать
џат	тур. џут, кирг. жут, тат. џот	глотать
џу (џав)	кирг., к-калп. жу, тркм. џув, тат. ю	мыть
кур	др. тюрк., кирг. кöр, тур., тркм. гор, к-калп. кор	видеть
џуре	тур. џуру, кирг. жүр, тркм. џор, ойр. дьур, шор. чер	ходить
ху (хав) хавала	кирг. ку, кубало, тур., тркм. ков, ковала, шор. ког, тат. ку, куала—	гнать, преследовать
џакан устар.	др. тюрк. џукун, кирг. жүгун, башк. џогон,	приседать, пре- клонить колена
тавар	тат. туар, кирг. догор, башк. тугар	распрягать
шавар	кирг., тат. сугар, башк. һугар, тур. сула	поить, орошать
та̋р	тур., тркм. дур, кирг., к.-калп. тур., тат. тор,	стоять, остано- виться
ва̋тан	тур., гагауз, тркм. утаи	стесняться, стыдиться
су (сав)	тркм., тур., уйг. саг, тат. сав, к.-калп. сау	доить
кас	кирг., тур., к.-калп., узб. кес, тат., башк. кис	резать
юх	тат., тур., кирг. ак	течь
хата̋л	тат. котыл, тур. куртул, кирг. кутул	спастись
па̋с	тур., тркм., тат. боз, кирг., к.-калп., уйг. буз	портить
пӳсла	тур., тат., башла, кирг. башта, к.-калп. басла	начать
џсе̋р	тур. оксүр, гагауз. үсүр, тркм. оскир	кашлять
пут	др. уйг., тур, тркм, кирг. бат	тонуть

имле	к.-калп., тркм. емле	лечить домашними средствами
тарла	тат. тирлэ, тур., к.-калп. терле, тркм. дерле	потеть
сылаҕ	тркм., тур. япыш, кирг. жабыш	прилепиться, приставить
вил	тур. ногайск. кирг., тркм., ойрот. ол, тат. ул	умереть
таян	уйг., кирг., к.-калп. таян, тур. даян	опираться
кёсен	казах. кисине, к.-калп. ксине	ржать
хаҕ	казах.. тур. кус	рвать, плевать
кул	тур., гаг. гул	смеяться
таҕал	тур., гагауз. дурул, тркм. дурыл	отстояться, осаждаться
тыт	тур., гагауз. тут	держать
аҕ	кирг. суз, тат. соз, шорсус	черпать
чёл	щепать лучину, кроить ремни; н. уйг. тил	резать на куски
сах	тур. сок	кусать (о пчеле)
ус	ойр. ос, к.-калп. ос	расти
савар	ойр. собыр, кирг. сапыр, тур. савур	веять (зерно).
сун	тркм., тур. сон	гаснуть
пах	уйг., тур. бак	глядеть, смотреть
чуи	балк. чаб., тркм., к.-калп. шаб	бежать
сёр	к.-калп. суз, ойр. сыс	цедить
сис	тат. сиз, тур. сез	догадаться, догадываться и так далее.

XVIII. Местоимения

эле	тур. бен, тат. мин	я
есе	тур., к.-калп., кирг. сен, тат. син	ты
вал, диал. у, о	тур. о, тркм. о, ол, кирг. ал, башк., тат. ул	он
эпир (пир)	тур., тркм., кирг. биз, тат. без	мы
эсир (сир)	тур., кирг. сиз, тат. сез	вы
вёсем (вал-сам, усем)	тур. он-лар, кирг. а-лар, башк. у-лар	они
кам	тур., кирг., к.-калп. ким, тат., башк. кем	кто

мён	башк. ни, нәмә. тур. не	что
камән	тур. кимин, к.-калп. кимнинг, чей	
	кирг. кимдин	
хәшә	тур. кач, качынджи, кнрг., который	
	к.-калп. кайсы	
миҫе	тур., тркм. ниче, кирг. нече	сколько
харпәр, харкам	кирг. ар бир, к.-калп. харь каждый,	
	бир, харь ким, тркм. хер ким, всякий	
	хер бири	
пётём	тур., кирг. бүтүн, тркм. бү-	весь, целы
	тиин, к.-калп. путин	
ку	тур. бу, кирг. бу, бул	этот и т. д.

Мы рассмотрели восемнадцать различных по значению групп чувашских слов с тюркской основой. Число этих групп можно удвоить и утроить, можно например, присоединить сюда группы „занятие и ремесло“, „охота и рыбная ловля“, „земледелие“, „болезни“ и пр. пр.—и везде мы будем одинаково наблюдать в природных словах преобладание древнего тюркского элемента. При этом перечисленные слова с тюркской основой сохранились в основном словарном фонде чувашского языка. Из основного фонда за многие сотни лет успели выпасть только несколько слов: из группы I—*ҫан*, II—*тăхăм*, III—*пĕçмех*, IV—*урхамах*, VII—*услан кайăк*, *çулевĕç*, *пил*, XI—*çулак*, XII—*ухă*, *хĕç*, *сăвă*, XIV—*уйăл*, *ишкет* и XVII—*çăкан*.

Природные слова чувашского происхождения

Тюркский элемент в природных словах чувашского языка, как мы видели, составляет значительный удельный вес. Природные слова однако не ограничиваются одними словами с общетюркским элементом, здесь имеется и другой столь же мощный слой, как и тюркский, и также ниоткуда не заимствованный, но выработанный чувашским народом в его трудовой практике на протяжении тысячелетий. Сюда мы относим: а) все те слова, которых нет в тюркских языках, б) слова, источник заимствования которых не ясен и в настоящее время мы не в состоянии выяснить истинное происхождение их, и, наконец, в) слова, образованные из тюркских же основ, но по внутренним законам чувашского языка, несколько отличным от законов других тюркских языков. Например, выше в группе слов „Человек и части его тела“ у нас осталось нерассмотренным слово *сын* — человек. В тюркских языках нет вполне соответствующего ему по значению слова, там вместо него в старых и новых памятниках бытуют слова *кёше*, *кижи*, *киши* и *адам* (арабск.), в то же время слово *сын* не встречается и в соседних финских языках. Следовательно, слово это старинное, самобытное. Так как у нас нет убедительных данных к отнесению его к дотюркскому субстрату чувашского языка, то с

некоторой вероятностью можно предположить родство его с восточно-тюркскими словами — ойротским *дьон*, тел. *йон*, шор. и тув. *чон*, употребляющимися в значении „народ“, „люди“ (см. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, III, стр. 2017). Поскольку фонетика и семантика данного слова не противоречат нашему предположению, то оно вполне приемлемо. Природными словами из той же группы мы считаем также слова: *самса* — нос (ср. монг. *самс* — носовой хрящ, ноздря), *самка* — лоб, *кавана* — пупок, *чавса* — локоть, *сурам* — спина, *сивёт* — коса (девичья).

II. Из группы „родство“: *кукамай* — бабушка (мать матери) из *как* — корень, род, др. тюрк., тур., тркм. *кок* — корень, следовательно, *кукамай* — мать нашего рода, родоначальница; *кукаси* — дедушка (отец матери), *кукка* (*как* + *ага*¹) — дядя, брат матери, *асатте* (*асла атте*) — дедушка (отец отца); *асанне* (*асла анне*) — бабушка (мать отца). Слово *асла*, повидимому, заимствовано из арабского языка: *асыл* — корень, основа; *ёскей* — деверь, *тахлачә* — сватья (мать зятя), вероятно, из *тахам* — потомство, кирг. *тукум* — племя, потомство; *ача* — ребенок, дитя; *урса* — вдовец. С некоторой вероятностью этимологию этого слова можно установить следующим образом: мордовское *уре* — чужой, чув. *аса* — отец, следовательно, *урса* — чужой отец, то есть вотчим. Повидимому, первоначально *урса* имело значение вотчима. Допустимо в данном случае и влияние персидского языка: в языке авесты *аршан*, в осетинском языке *арша* — мужчина, самец². Что касается слова *арам*, то в старое время проф. Н. И. Ашмарин сближал его с арабским словом „гарем“, отсюда *арам*, по его мнению, гаремная женщина³. Мы склонны видеть здесь сложное слово: *ар* + *ами*, что буквально значит мать мужчины: у чуваш в молитвах своих после каждого божества упоминалось и мать его: *тура, тура амашё*, — бог, мать его, *кепе, кёпе амашё* — кёпе, мать кёпе и т. д. Возможно и то, что в период матриархата словом *ар* назывались женщины, аффикс принадлежности первого лица *-ам*, вероятно, стал прибавляться только в период патриархата. Следовательно, *арам* стал означать „моя женщина“.

По группе „Дом и вещи в доме“ к природным словам нетюркского происхождения принадлежат: *тёпел* — передний угол избы, *кётес* — угол, *урай* (*ура айё* — подножие) — пол, *вите* — конюшня, *карта* — изгородь, хлев, *килкарти*, *картиш* (*карта йшё*) — пространство внутри изгороди, двор, *кёвенте* (*кив* —

¹ В тюркских языках *ага* — старший брат, дядя, следов. *кукка* — родовой дядя. Здесь могло вмешаться и марийское слово *куго* — большой, великий, старший, тогда слово это придется отнести к дотюркскому субстрату языка или к ранним заимствованиям из марийского языка.

² В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. I. 1949, стр. 155.

³ Материалы для исследования чувашского языка, 1898, стр. 141.

толочь белье в ступе) — песты, которыми толкут в ступе белье; коромысло для носки воды, *хама* — доска, *юпа* — столб (ср. удм. юбо), *чикмек*, *пума* — лестница, *хайа* — лучина, *сурта* (алт. яр — светить) — свеча, *сатма* — сковорода, *курка* — ковш, *йётёр* — скалка, *япала* — вещь, предмет, *савал* — клин, *сава* — наструг, *сёсё* — нож, *сенёк* — вилы, *саран* — кожа, *шалча* — шест. По мнению Паасонена, слово *шалча* (сокр. шячя, шочя) по звуковому составу и значению сильно напоминает самоедское слово *салдзе*. Паасонен допускает возможность заимствования его чувашами из марийского языка, хотя оно здесь не сохранилось¹. Вероятнее всего, что слово это самседы (ненцы) получили от болгар или от чуваш в древнейшее время. Ср. Castren's Wörterverzeigniss aus dem samojedischen Sprachen. 1855, ss. 15, 53.

Из названий домашних и диких животных, птиц, рыб и других представителей животного царства природными словами являются: *сысна* — свинья, *автан* — петух (букв. поющий), *кавакал* — утка, *чакак* — сорока, *хура курак* — грач, *караш* — дергач, коростель, *каркка* — индюк, индюшка, *йёке-хуре* — крыса (букв. веретено-хвост), *пасара* — хорек, *шуркут* — стриж, береговая ласточка (букв. белозады, ср. русск. белогрудый стриж), *уйан* — снегирь, *шйшйк* — соловей (ср. мар. шүшпык, шышвык), *кася* — синица, *сахан* — ворон, *караш*, *карташ* — ерш, *уланка* — окунь, *ырашпётри* — пескарь (ср. тюрк. пүдүра), *шуси*, *шывси* — верхоплавка, уклея, *нара* — жук, *катка* — муравей, *йёнварри* — коромысло (букв. вор иголки), *мая* — яйцо-подкладыш. Происхождение последнего слова неясно. У Радлова в словаре (IV, 2011, 2014) в тюркских языках указывается слово *мая* как персидское заимствование в значении „дрожжи“, „закваска“, и слово *майдак* — яйцо (в яз. хива-ханка). По его предположению, последнее слово тоже персидского происхождения, где майя означает вещь, материя. Ср. также к.-калп. *майек* — яйцо.

Природные слова из нетюркского фонда можно видеть также в некоторых названиях хлебных злаков, деревьев, плодов, ягод и трав: *тула* — пшевица, *хуратул* — гречиха (букв. черная пшеница), *ойр* — просо (ср. ойр. уре — каша из толченной крупы и молока), *хамла сырли* — малина, *сёр сырли* — клубника, *калча* — всходы, озимь, *маян* — лебеда, *вёлтрэн* — крапива, *хупах* — лопух, *серси тырри* — костер безостый, *ут-малтурат* — василек (букв. шестьдесят ветвей), *сёспёл* — подснежник, *савалча* — лист, *курак* — трава (ср. тур. курук — зеленые, незрелые плоды), *хава* — ива, *сусе* — дерево из породы ив, *йамра* — ветла, *хыр* — сосна (ср. якут. харыя — ель), *пушат* — лыко, *майар* — орех. Последнее слово Рамстедт сбли-

¹ Keleti Szemle XVI, 20—21.

жает с монгольским *мойл* — черемуха¹ ср. башк. *муйыл* — черемуха, в венгерском языке из болгарского *modyorb* — орех.

Нетюркские природные слова имеются и в названиях одежды, кушаний и напитков: *писиххи* (пилёк *сыххи*) — пояс, *алса* — рукавицы, *алсиш* (алса *ашё*) — варежки, *чёрситти* (чёр + *си-витти*) — передник, фартук, *алшалли* (алә — рука, шәл — утираться) — полотенце, *тәла* — онучи (ср. хант. *туля*). *Пашалу* — лепешка, *кукаль* — пирог, *хуплу* — круглый или четырехугольный большой пирог, *тултармаш* — колбаса, *йава*, *йавача* — галушки, кушанье из пресного теста шарообразной формы в виде птичьего гнездышка с двумя ямочками посредине, *тинкеле* — толокно, *нимёр* — кисель, *сәмарта хапартни* — яичница, *яшка* — суп, похлебка, *шартан*, *шарттан* — рубец, начиненный мясом и зажаренный (ср. армянск. *чортон* — сушеная пахтыня (Давид Сасунский), *турах* — кислое молоко (ср. иранское *тури* — кислое молоко). В. И. Абаев упоминаемое Птолемеем название сарматского племени *торрехада*!) этимологизирует как *торек* — кислое молоко и *ад* — есть, т. е. ядущие кислое молоко².

Из других групп слов природными являются следующие слова:

IX. *Чике* — локоть, как древняя единица меры длины, равная расстоянию от локтя до конца среднего пальца, т. е. половине хура; *чике старик хур сухал* — сам старик с локоть, а борода его в два локтя (в сказке), ср. кирг. чыканак, к-калп. *шганак* — локоть, *шит* — пядь, старинная мера длины, равная расстоянию между концами вытянутых большого и указательного пальцев, т. е. четверти аршина.

XIII. *Пир выранё*, *пир станё* — ткацкий станок, *хутар йываҫси* — мотовило, *сүрекке*, *сүретке*, *сүре* — сновалки, *кашкар* — тюрик, вьюшка из лубка для навивки пряжи, *арам йываҫси*, *ярнуҫси* — воробы, снаряд для размотки пряжи, *хивсе* — пришива, *пир патакки*, *партуҫси* — притыкальник, *пир тёрт* — ткать, *кум* — сновать и т. д.

XIV. *Урапа пәти* — чека, *сүсмен* — хомут (ср. мар. *сүспан*), *чүлөк* — супонь, *пёкё* — дуга, *кутлах* — шлея, *кустаркач*, *кустәрма*, *кусатаран* — колесо, *урапа шалё* — спица у колеса, *суна шалё* — копыл, *йёлтёр* — лыжи, *сунашка* — салазки, *утмасул* — тропа и т. д.

XV. *Кёвенте сәлтәр* — созвездие Ориона, *Сич сәлтәр*, *Алтар сәлтәр* — созвездие Большой Медведицы, *Ала сәлтәр* — созвездие Плеяды, *Шурампуҫ Салтарё* — Венера, *Сурсёр сәлтәрё* — Северная полярная звезда, *сумар пёлөчө* — туча, *сывләм* — роса, *сывләш* — воздух (ср. тат. *сулыш*, *сулыш алу* —

¹ G. Ramstedt. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. JSFOu XXXVIII, 1922—1923.

² В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор 1, 1949, стр. 152.

дыхание), *аслати аватать*—гром гремит, *аса сапрё*—ударил гром, *саламат кёперри*, *асамаат кёперри*—радуга, *саврашил*—вихрь и т. д.

XVI. *Кивё*—старый, *пёчик*, *пёчиккё*—маленький, *вата*—старый, *самрак*—молодой, *вете*—мелкий, *инсе*—далекий, *варт-тайн*—тайный, *вёри*—горячий, *евёрлё*—похожий, *ёрчевлё*—плодовитый, *капаш*—рыхлый, *кара*—жёсткий, вспльчивый, *кукар*—кривой, *лапка*—тихий, *нумай*—многий, много, *харах*—одинокий, непарный, *муртак*—дряблый, хрупкий, ломкий, *салхулла*—грустный, скучный, *симёс*—зелёный, *сипле*—целебный, *саврака*—круглый, *сара*—голый, *самламас*—лохматый, косматый, *силёллё*—гневный, сердитый, *сёлё*—высокий, *сывах*—близкий, *тискер*—дикий, *тулек*—тихий, спокойный, *те-лейлё*—счастливый, *типё*—сухой, *хавас*—рад, *шеве*—жидкий, *типшём*—сухой, худощавый, *лапсёркка*—лохматыи, неуклюжий, *лапчашка*—плоский, приземистый, *ленчёркке*, *ленчешке*—слабый, вялый, лядащий, *лутака*—низенький, пузатый, *мёшёлти*—мешкотный и т. д.

XVII. *Барала*—пачкать, *пух*, *пустар*—собирать, *пуран*—жить, *кай*—уходить (ср. мар. каяш), *сых*—вязать, *йёр*, *макар*—плакать, *кашкар*—кричать, *сывла*—дышать, *уха пер*, *паша-пер*—стрелять из лука, из ружья, *тёлён*—удивляться, *тирке*—брезговать, привередничать, быть разборчивым в ч.-н., *силен*—сердиться, гневаться, *сывар*—приближаться, *сывар*—спать, *у́к*—упасть, *у́ркен*—лениться, *хапар*, *улах*—подниматься, *хаваслан*—радоваться, *хёрхен*—жалеть, *хисте*—понуждать, *хумхат*—волновать (воду), *сёле*—шить, *хыв*—снять (одежду), *хыван*—раздеться, *чаран*—перестать, *чамла*—жевать, *чён*—звать, пригласить, *чер*—рвать, *чупту*—целовать, *чухе*—полоскать, *чыш*—ударить кулаком, *шавла*—шуметь, *шакка*—стучать, *шāl*—стереть, мести, *шанаç*—уместиться, *шарат*—плавить, топить (масло), *шан*—мерзнуть, *шаршла*—нюхать, *шит-ле*—мерить пядью, *шу (шав)*—скользить, *шу (шёв)*—мокнуть, *ылхан*—проклинать, *ырат*—болеть и т. д.

XVIII. *Хам*—я сам, *ху*—ты сам, *хай*—он сам, *сака*—этот, *лешё*, *савā*—тот, *хайхи*—тот самый, упомянутый, *епле*, *мёнле*—какой, *тепле*—неизвестно какой, *тепри*—другой и т. д.

К чисто природным словам относятся в чувашском языке также старинные земледельческие названия месяцев: *ака уйахё* (букв. месяц пашни, сева) конец апреля и начало мая, *су уйахё* (букв. летний месяц) май, *сёртме уйахё* (букв. месяц пара)—июнь, *ута уйахё* (букв. месяц сенокоса)—июль, *сурли уйахё* (месяц серпа)—август, *аван уйахё* (месяц обмолота хлебов)—сентябрь, *юна уйахё* (месяц столба, т. е. поминовения усопших)—октябрь, *чук уйахё* (месяц жертвоприношений)—ноябрь и т. д.

Значительное число природных слов пережиточно сохранилось в чувашском языке от доисторических времен, пред-

шествовавших тюркизации предков чуваш. Слова эти в виде предметных слов, названий населенных пунктов и разных урочищ и личных имен перечислены выше.

Вообще природные слова позднейшего, нетюркского происхождения столь же многочисленны в чувашском языке, как и рассмотренные слова с тюркской основой. Какие природные слова последней категории относятся к дотюркскому субстрату чувашского языка и какие составляют позднейший фонд его, выработавшийся вне тюркского влияния, но на тюркской основе—трудно решить. Вопросы эти в чувашском языке никем не затрагивались и ждут своего исследователя.

Заемствованные слова в чувашской лексике

Словарный состав современного чувашского литературного языка не ограничивается одними природными словами, сюда в большом количестве входят иноязычные слова, заимствованные из других языков. В разное время своего исторического существования чувашский народ соприкасался с разными народами и обогащал свою лексику за счет словарного запаса их. Обычно заимствовались культурные слова, обозначающие известные достижения, изобретения или усовершенствования в области общественно-хозяйственной жизни, в области техники и науки. Вообще заимствованные слова являются отражением тех или иных экономических и культурных взаимоотношений с соседними народностями в разные исторические эпохи. Взаимное культурно-экономическое общение разных народов имеет большое значение для языка, оно является одним из важнейших факторов его развития. Иноязычные заимствования нельзя понимать чисто механически, как рабское заимствование слабого у сильного, а нужно понимать как естественное, закономерное развитие языка, поднимающегося на новую высшую ступень на своей собственной основе. И. В. Сталин определенно говорит, что словарный состав русского языка в ходе своего исторического развития пополнялся за счет словарного состава других языков, но это не только не ослабило, а, наоборот, обогатило и усилило русский язык¹. Точно так же и чувашский язык исторически воспринял много чужезычных слов. Благодаря же многовековому влиянию русской культуры и русского языка, влиянию, особенно усилившемуся в послереволюционное время, он сильно обогатился лексически и, творчески осваивая русские слова и научно-технические термины, постепенно поднялся на степень общенационального литературного языка. Что касается национальной самобытности чувашского литературного языка, то она не испытала ущерба, ибо, сохра-

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. 1950, стр. 30.

нив свой грамматический строй, сохранив и обогатив свой словарный фонд, продолжал продвигаться вперед и совершенствоваться по внутренним законам своего развития.

В чувашском языке в небольшом числе имеются слова татарские (кыпчакские), арабские, персидские, монгольские, восточно-финские и в большом числе русские слова и термины.

Татарские заимствования в чувашском языке

Значительная часть заимствованных слов в чувашском языке падает на казанско-татарский язык, что объясняется смежным географическим сожительством чуваш и татар в течение многих столетий, главным же образом административно-политическим господством татар над чувашами в период существования Казанского ханства. Последняя категория слов характеризуется некоторыми фонетическими особенностями. Слова эти выделяются прежде всего наличием в начале слов звука *и*, вместо которого в более древних чувашских словах тюркского происхождения обычно выступает мягкое *с* (орфографически *ç*): тат. *йил*, кирг. *жил*, чув. *сил*—ветер, тат. *йакты*, чув. *çута*—светлый, тат. *йоз*, чув. *сер*—сто и т. д. При этом непосредственно следующий за *и* звук *а* свидетельствует о сравнительно недавнем заимствовании этого слова, например:

чув.	татарск.	
ялан	ялан	всегда, постоянно
ялав	ялав	флаг, знамя
янах—висок	янак	щека, косяк у двери
япăх	ябык	тощий, истощенный
ясмак	ясмык	чечевица
яхăн	якын	близко, около
яш	яш	юноша, парень и др.

Если же за начальным *й* непосредственно следует не *а*, а звук *у*, то это уже говорит о том, что данное слово проникло в чувашский язык в более раннюю эпоху, но все же после завершения процесса образования звука *ç* из аффрикаты *джь*, *дзь*. К этому моменту звук *с* окончательно утвердился в определенной группе природных слов. Отсюда вполне понятно, что татарско-кыпчакское *и* в начале слова, хотя он исторически развился из той же аффрикаты и соответствовало чувашскому *ç*, но тем не менее языковым сознанием чуваш воспринималось как отдельная от *ç* фонема, как *й* же. Например:

чув.	татарск.	
юлташ (йулташ)	юлдаш	товарищ
юлхав	ялкау	ленивый, лентяй
юна	яны	грозить, угрожать

юра	яра	быть пригодным, нравиться
юрат	ярат	любить
юса—чинить	яса	делать, создавать
ют	ят	чужой и др.

Третью группу татарских заимствований составляют слова с начальным *й*, где за ним следует не *а* и не *у*, но редуцированные гласные *а*, *ё* или узкие гласные *ы*, *е*, *и*. Слова этой категории проникали в чувашский язык, повидимому, в древние эпохи, но по завершении процесса оформления в чувашском языке звука *ç*, соответствующего тюркским *й* (*j*) и аффрикатам *джь*, *дзь*, *ж*, *ч* и др.

йаваш	яуаш	смирный
йамшак	йомшак	мягкий ¹
йанаш	янгыш	ошибка
йалан	ялын	упрашивать
ейу	жэелу	разлив
йёс	йиз	белая жёсть
йамран	йымран	суслик и др.

Отличительной чертой другой, довольно большой группы заимствованных слов является тоже наличие звука *а* в первом слоге, но уже в словах, начинающихся не с *й*, а с любого звука. Звук *а* указывает на то, что слова эти переходили в чувашский язык много позднее, а именно по завершении здесь фонетического процесса перехода *а* первого слога в *у* (в низовом) и *о* (верховом).

алка	тюрк. алка	серьга
акаш, аккаш	„ аккош (ак белый, лебедь кош-птица)	
аташ	„ адаш	тезка
капторма	„ каптырма	крючок
кантак, карантак—	„ карындык	окно, перепонка
капкан, капкан	„ капкан	западня, ловушка
карчак	„ карчык	старуха
мамак	„ мамык	пух, вата
саря	„ сары	желтый
талак	„ талак	селезенка
шатра	„ шатра	рябой
хапха	„ капка	ворота и т. д.

¹ Закономерной чувашской формой тюркск. *йомшак* является *семсе*.

Необходимо однако оговориться, что не всякое чувашское слово с звуком *а* в первом слоге является заимствованным. Звук *а* мог развиваться здесь и закономерным образом из древних *ä, e, и* путем передвижения переднеязычной артикуляции назад. И таких природных слов в чувашском языке довольно много. Например:

арçын, ар	ир, эр	муж, мужчина
ак	ик, эк	сеять
ан	эн	спуститься
ансăр	инсез	узкий
арлан	эрлэн	хомяк
алак	тат. ишек	дверь
тарçă	тэрчи	наемный рабочий
каçар	кичер. тркм. гечир	простить
канаш	кинеш	совет
пар	тат. бир, тур. вер	дать
самăр	тур. семиз, тат. симез	жирный, тучный
сак	секи	нары
сар	тур. сер	стлать, растянуть
çар	чăриг	войско
тапран	тибрăн, тибрен	сдвинуться с места
тар	тэр	пот
тарăн	тирэн	глубокий
чарак	терэк	подпорка и т. д.

К этой же группе нужно отнести слова, произносившиеся весьма выразительно, с большой экспрессией, с повышенной эмоциональностью: *атте*—отец, *анне*—мать, *аппа* (акка)—старшая сестра, *кашкар*—волк, *ай*—низ, *аван*—хороший, *та-са*—чистый, *асла* (араб.)—старший, *такар*—гладкий, (тап-такăр), *шап-шар*—белый-пребелый и др.

Пятую группу заимствованных татарских слов составляют слова со звуком *с*, и где это *с* является заместителем родного, исконно чувашского звука *р*. Например: *тăкăс*, вместо закономерной и параллельно существующей формы *тăвар*—тесный; *тинĕс*, вместо древней формы *тенгер*, в последней форме слово это еще в болгарскую эпоху чувашского языка перешло в мадьярский язык *tenger*, *Хусан* вместо *Хуран*—г. Казань; *тикĕс*—гладкий; *йĕс*—белая жесь и др. Сюда же можно отнести чувашские слова, общие с татарскими: *сукта*—колбаса из крови, *сукмак*—тропинка, *чечек*—(ср. чув. çeçke),—цветок, *кисеп*—пест (татар. килсап—килĕ сабы): киле—ступа, сап—рукоятка (черен) и т. д.

Кроме того, несколько татарских слов, составляющих позднейшее заимствование, имеется в низовом наречии чувашского языка, в районах непосредственного соприкосновения чуваш

с татарами. Напр.: *куймак* (тат. коймак)—у верховых *пёлле* и *икерч*—блины (оладьи), *яш*, *йёкёт*, у верховых *качча*—парень, жених, *явлак*, у верховых *тутар* и *тоттар*—платок, *араскал* (араб.), у верховых *телей*—счастье; *маттур*, у верховых *хухём*—красивый и т. д.

Татарские слова в чувашском языке уже давно приобрели право гражданства. Они ничем не выделяются из запаса природных слов и нисколько не чувствуются чужими словами, проникшими сюда путем заимствования. При употреблении этих слов чувашаи вполне уверены, что они имеют дело с природными, исконно-чувашскими словами.

Арабские и персидские заимствования в чувашском языке

Кроме татарских слов, в словарном составе чувашского языка имеется значительное число слов, заимствованных из арабского и персидского языков. Преобладающее большинство этих слов, повидимому, проникло сюда еще в древнейшее время—в болгарскую эпоху, когда многие арабские и персидские купцы, вследствие оживленных торговых сношений, постоянно жили в г. Булгарах. Арабская культура высоко ценилась в болгарском царстве. Критерием древности этих заимствований отчасти является наличие в первом слоге слова звуков *ы* и *у*, вместо арабско-персидского *а*. Безусловно древними заимствованиями нужно считать, например, арабские слова: *мыскара*, *хысна*, *хыраç*, *хыпар*, *мул*, *мухмар*, *ухмах* и др.; персидские: *пурсын*, *пус*, *сурпан*, *тус*, *чурече*, *чун*, *хуça* и др. Иные ученые в качестве такого критерия указывают еще на сохранение в чувашских заимствованиях из арабского языка звука *х* и отсутствие его в соответствующих татарских заимствованиях, но критерий этот является не совсем устойчивым и надежным. Как в чувашском языке, так и в тюркских арабские слова в одних случаях удерживают этот звук, в других—нет. Ср., напр., чувашское *хара*м и татарское *ара*м, диалектически *хара*м же, чув. *айван* и тат. *хайван* и т. д.

Начиная с XIV—XV веков, со времени основания Казанского ханства, арабские и персидские слова могли проникать в чувашский язык также и через татарский язык. До этого времени татары сами заимствовали арабские и персидские слова от болгар. Теперь у них зародилась и развилась своя письменность под сильным влиянием Золотой Орды и арабской, и персидской литературы. Некоторые обиходные арабские и персидские слова переходили теперь к чувашам и через татарский язык. Слова последней категории характеризуются в чувашском языке главным образом наличием звука *а* в начальном слоге. К позднейшим заимствованиям относятся, вероятно, слова араб.: *анип*, *асап*, *самана*, *пайта*, *намас*, *ахах* и др.; персид.:

ампар, пахча, пасар, патша, тараса, тастар, чатар, ансар, начар, таса и др. Вообще, точная хронологизация арабско-персидских заимствований в чувашском языке представляется делом нелегким, она может быть исполнена в специальной работе, а потому мы здесь ограничимся только перечислением в алфавитном порядке некоторых более употребительных в чувашском языке арабских и персидских слов.

Арабские слова в чувашском языке

- Авал—некогда, встарину, от авваль—первый, начало.
Айван—наивный, глупый, от хайван—животное.
Айӑп—вина, поступок.
Асап—мучение, бедствие.
Асамӑ—колдун, от арабского азам—заклинатель.
Аслӑ—старший, от асыл—корень, основа.
Элек—клевета, ябеда.
Эсрел—божество смерти; эрех—водка.
Ёмёр—век, жизнь; этем—человек.
Вӑхӑт—время.
Кавӑс—теплое помещение для водяного колеса, от кавуз—бассейн, водоем.
Калӑп—форма, колодка.
Лаӑӑх—хороший от лаӑх—приличный.
Мухмӑр—похмелье.
Масар—кладбище, в араб. место посещения.
Мул—скот, собственность, имущество.
Мыскал—золотник, гиря в 1,5 драхмы.
Мыскара—насмешка, забава, шутка.
Мёскён—жалкий, бедный.
Несёл—потомство.
Пайта—польза, прибыль. Перекет—изобилие, благополучие, благословение, успех.
Салам—привет, приветствие. Самана—время, эпоха.
Савап—милость, спасение, награда за доброе дело.
Сӑн-сӑпат—наружность, физиономия, от сифат—качество.
Сехет—час, часы. Сунтал (ар.-перс.)—наковальня.
Терт—страдание, мучение, несчастье, беда.
Тён—вера, религия. Тёнче—мир, вселенная.
Тивлет—благодарить, милость, счастье, удача, успех, от араб. девлет—поворот счастья, блаженство будущей жизни, государство.
Тупӑк, тупӑт—гроб. Тымар от тамар—корень.
Хавас—рад, охотный, от хавас—желание.
Хал—состояние, здоровье, сила. Халё—теперь, сейчас.
Халӑх—народ. Хӑват—сила, могущество.
Хут (хута вёрен)—грамота, от арабск. кат—линия, письменность.
Хула—город, крепость.

Харам—бесполезный, от харам—запрещенное шариатом, грех.
 Харсар—смелый, озорной, от хар—стыд.
 Хатёр—готовый. Хак—цена.
 Ас-хакъл—ум, разум, мудрость.
 Хысна—казна, от казина—казна, сокровище.
 Хырса—подать, от ар. хараджь—поземельный налог.
 Хыпар—весть, известие. Хисеп—счет, почет.
 Шик—сомнение. Шантал—подсвечник, от шам—свеча и т. д.

Персидские слова в чувашском языке

Аста—мастер, специалист.
 Амбар—амбар, склад; арбуз—арбуз (могли перейти через русский яз.).
 Ансат—легкий, нетрудный, от азад—свободный, отпущенный на волю.
 Эрне—неделя, эрнекун—пятница, от адина—пятница.
 Эреш—от арайш—украшение, красивый вид.
 Ёмёт—надежда. Ёнёр—ремесло, профессия.
 Янавар—бессловесный, животное, букв. имеющий душу, животное.
 Кёсье, кёссе—карман, от кесе—карман, кошелек, мешочек.
 Кукёрт—сера. Маса (тути-маси сук), от маза—вкус.
 Намас—стыд, от намус—закон, обычай, честь, ср. греч. νόμος.
 Нурас уйăхё—март, от новруз—день весеннего равноденствия. первый день нового года у персов.
 Палас—половик, ковер, дорожка.
 Патша—царь, от падишах; пад—трон, шах—шах.
 Паха—ценный, от баха—цена, стоимость.
 Пахча—сад, огород, уменьш. форма от пах—сад (ср. пах улми—яблоко, дер. Ново-Байбатырево, Яльчикского р. и дер. Асла Палатимёш Янтиковского р.)
 Пурçан—шелк, от баришем, ср. парча.
 Пус—копейка, от пуст—шкура, кожа, ср. греч. βύρρα —шкура, сыромятная кожа.
 Сърнай—от зур—пир, най—флейта, музыкальный инструмент.
 Сърчър—цепь. Сърпата—лапти, от чападан—большие боты.
 Сиен от зиян—вред, изъян, ущерб, порча.
 Сурбан—головная повязка замужних в виде узкого полотенца, от сар—голова, банд—повязка.
 Ташман от душман—враг, злодей.
 Тёрёс, от дорост—верный, правильный.
 Типтер—порядок, от дефтер—регистр, каталог, книга по сбору податей, заимствовано с греч. διτθέρα выделанная шкура, род пергамента, на котором писали.
 Тус от дуст—друг, приятель.
 Утă, тинёс утти от адак—остров.
 Чурече—окно от дариче—маленькая дверь.

Чѣрек—четверть, от чѣхар йек—одна четверть.

Хѣяр—огурец, от хияр—огурец, всякий круглый плод.

Хур—поругание, обида. Ср. „Хѣн-хур айѣнче“.

Хуѣа—хозяин, купец, от ходжа. Ни—отрицательная частица: никам.

Число арабских и персидских слов не очень велико в чувашском языке: арабских—около ста, а персидских—около семидесяти. Если же принять во внимание и производные от них слова (арабские асап, асаплă, асапсăр, асаплан, асаплантар; персидские: ёмёт, ёмётлĕ, ёмётсĕр, ёмётсĕрлĕх, ёмётлен, ёмётлентер, ёмётсĕрлен и т. д.), то число их увеличится до пятисот слов. Арабские, персидские слова, как и татарские, в чувашском языке, нисколько не чувствуются чужими словами, так как давно стали полным достоянием чувашского языка наравне с природными словами. Их иноязычное происхождение можно обнаружить только путем тщательных и кропотливых лингвистических разысканий.

Перечисленные арабские и персидские слова до сего времени значатся в основном словарном фонде чувашского языка, за исключением слов арабских: *эсрел, кавас, мыскал, несĕл, лайта, шантал* и персидских: *нурас унахĕ* и *сăрнай*, которые в настоящее время перешли в пассивный запас слов.

Монгольские слова в чувашском языке

В чувашском языке наряду с тюркскими и арабско-персидскими заимствованиями имеются также в незначительном числе монгольские слова. Наличие монгольских слов здесь представляет явление трудно объяснимое. Нельзя уверенно сказать, заимствованы ли они непосредственно из монгольского языка или представляют собою общие слова в монгольском, чувашском и тюркских языках, появившиеся в них, быть может, в древнейшее время—в период первоначального формирования монгольского, чувашского и тюркских языков. Не исключена, конечно, возможность появления их в более поздние исторические времена—в период завоевательной экспансии монголов при Чингис-хане и его преемниках, когда они покорили себе почти все тюркские народы и сами в большей своей массе отуречились. Возможно, что в силу общественно-политических, культурно-исторических и экономических связей между тюркоязычными и монголоязычными народами одни из этих слов проникали в тюркские языки из монгольского, а другие, наоборот, из тюркских языков в монгольские. Дать строго определенный ответ на данный вопрос, сказать о каждом отдельном слове, монгольского или тюркского оно происхождения, представляется весьма затруднительным, тем более что нет новейшей специальной монографии по вопросу о взаимоотношениях между монгольскими и тюркскими языками. В старое время проф.

Н. Ф. Катанов несколько преувеличивал значение монгольского элемента в тюркских языках. Например, многим тюркским словам, как *окча*—лук (со стрелами), *албак*—обилие, обильный, *улаг*—подвода, *сылдак*—отговорка, *күрен*—гнедой, *чайбар*—аккуратный, опрятный, *туза*, *туша*—спутывать, надевать путы и др. приписывал монгольское происхождение¹. Проф. же П. М. Мелиоранский, наоборот, несколько умалял влияние монгольского языка и монгольской культуры на тюрков и тюркские языки и многие монгольские слова склонен был считать тюркскими. По его мнению, морфологическое строение и семасиологический анализ общих в этих языках слов подтверждает, что „языковой мир тюрков влиял на языковой мир монголов“, что „в тюркских языках заимствования из монгольского менее значительны и спорадичны“².

Вследствие неразработанности вопроса о монгольских заимствованиях в чувашском языке мы вынуждены изложить его несколько упрощенно. Слова, общие у чувашского языка с монгольскими, мы делим на две группы. В одну группу относим слова, наличествующие и в монгольском, и в чувашском, и в тюркских языках, и относительно которых нельзя уверенно сказать, являются ли они словами исконно монгольскими или исконно тюркскими. В другую группу относим слова, которые более близки по фонетическому облику и значению к чувашским, чем тюркским, где они или совсем отсутствуют или выступают в иной фонетической разновидности и в ином значении.

К первой группе монгольских слов в чувашском языке можно отнести слова:

чув.	монг.	турец.	рус.
урпа	арбай	арпа	ячмень
ләрçа	бурцаг	борчак	горох
лăтă	будаа	бутка	каша, крупа
вăрă	уре	урук, орлык	семя, зерно
пыл	бал	бал	мед
мул	мал	мал	скот, имущество
ар	эре	эр, ир	муж
латтăр	багатур, баатар	алт. паатыр, кирг. паатыр и тур. багадыр	богатырь
хун	хан	хан	хан
хурал	хурал	тркм. каравыл, баш. карауыл	стража
анçăк-щенок	ан(г)	ан(г)	зверь

¹ Опыт исследования урянхайского языка. 1903 г.

² Турецкие элементы в монгольском языке. Зап. Восточного отд. русского Археол. общ., т. XX, вв. II—III, стр. 153—184.

пуян нахта чѣлпѣр	баян ногт, нохта долбогур (Подгорб.)	бай нокта, нокто кирг. чылбыр	богатый недоуздок повод у узды
ѣне путене чаха	уне бутнэ тахиа манчж. чоко	инек, нек ойр. бодуне таук	корова перепелка курица
тимѣр тусан йѣке џак	тѣмр, темѣр тогосун, тозун, ийг чѣк	темир тос, тозан иг юк	железо пыль веретено вьюк, груз ¹

Таких общих слов в этих языках можно насчитать сотни, и все они, повидимому, древнего происхождения.

Другую группу монгольских слов в чувашском языке составляют слова, которые или совсем отсутствуют в тюркских языках, или они здесь имеют иную фонетическую окраску и иную семантику, чем в чувашском и монгольском языках. Слова эти ясно свидетельствуют о какой-то древней культурной связи чуваш с монголами не только в период монгольского владычества, но и задолго до него. Сюда относятся:

чувашск.	монгольские	тюркские
тырă	тариа(н) хлеба в зерне и на корню	тары— просо
тулă—пшеница икерчѣ турăх	талх—печеный хлеб, мука акарча—лепешка, оладья тараг, тарак—кислое молоко, протокваша	
нар (нар пек хитре хѣрѣ- сем акăшсем пек утаççѣ. К. Иванов)	нар, наран—солнце	
кѣрнекер (кѣрѣ нѣккѣрѣ) ача—ребенок пилѣк йѣкѣр	нѣкѣр, нѣхѣр—друг, товарищ ач—внук, племянник бэлхѣг—поясница, талия, тат. бил ихир—парный, близнецы, тат. игез. туркм. экиз	
самса—нос ăмра, амăр тиха—жеребенок	самс—носовой хрящ, ноздря омру—грудь лошади бур. даган, даха—двухлетн. бенок	жере- тай
пăру нюха	бирагу, буру—теленка нохой, нокай—собака	бузагу

¹Слово это встречается и в индоевропейских языках, ср. санскр. yugam, др. греч. ζυγόν, латинск. iugum, литовск. iungas, готск. juk, нем. joch, англ. yoke, ст. слав. иго, русск. вьюк.

хўтё
тутар

тўле вутти¹—швырковые
чул
тăхлан
хура тăхлан

хайяр
пёчэк, пёчэккё
хавшак

пётё

çыр—писать
кала
сăлтав

какай—мясо
хурав—
юмçă

бур. гхүдер—тень
бур. татурган—головн. убор жен-
щин из кораллов (Подгорбун.)
дрова тўле, туле—дрова
чулу, чолу—камень таш
толха, тууглаг—олово, тур. калай
хара толга, хар тууглаг—свинец,
тур. куршун
хайр—мель, хаир шулун—песчаник
бичихан—маленький
хавшгай—проворный, быстрый,
расторопный
бот—жеребая, стельная, кирг. бооз,
тат. бауз.
зиру—рисовать, тат. яз—писать
келе—говорить
сылтаг—предлог, повод, др. уйг.
тылтак.
гагай—свинья
кару, хариу, манч. каригу—ответ
кам—жрец, кудесник и т. д.

В чувашско-монгольских параллелях несколько загадочным является прежде всего явление ротацизма, а именно то, что в чувашских и монгольских словах выступает звук *p* там, где в других тюркских языках мы имеем звук *з*:

пăру	бирагу	бузагу	телка
вăкар	ўкер, ўкер	ўгез	бык
çыр	зиру	яз	чертить, писать
чул	чулуу	таш	камень и т. д.

Странное впечатление производит также совпадение в чувашском и монгольском языках многих слов и в звуковом составе и в значении. Трудно допустить, чтобы общеупотребительные слова *самса*, *хурал*, *пётё*, *кала* и др. чуваша впервые восприняли от монголов в период монгольского владычества. В данном случае мы должны допустить или какие-то неизвестные нам доисторические встречи чуваш с монголами или видеть в указанных словах древнейшее гунно-булгарское наследство. Вообще вопрос нуждается в дальнейшем, более углубленном исследовании.

Восточно-финские заимствования в чувашском языке

Чуваши с давних пор жили в ближайшем соседстве с восточно-финскими народностями. Повидимому, большее культурное влияние на соседей оказывали чуваша, а потому в финских языках наблюдается много чувашских заимствований, некоторые из них восходят к булгарской эпохе. В мари́йском языке,

например, насчитывается более 500—600 чувашских слов, в пермских языках, т. е. в удмуртском и в языке коми — свыше 170 слов¹, а в мордовском не более двух-трех десятков. Марийцы и удмурты в древнее время, по всей вероятности, входили в состав болгарского государства и позднее жили в соседстве с чувашами, а мордва только частично подпадала под власть болгар, жила независимой политической жизнью. Чувашский язык, в течение многих веков являвшийся источником словарного обогащения восточно-финских языков, и сам не остался вне влияния последних. Влияние соседних финских языков, хотя и незначительное, сказалось отчасти и на чувашском языке. В результате многовековой совместной исторической жизни из разных финских языков проникло сюда несколько десятков слов. Критерием финского происхождения данного чувашского слова является отсутствие его в других тюркских языках и наличие в финских, а иногда и в угорских языках — в мансийском (вогульском), хантыйском (остяцком) и мадьярском (венгерском). В числе восточнофинских заимствований в чувашском языке имеются преимущественно слова марийские и удмуртские и только частично мордовские.

Марийские слова в чувашском языке

Исследованием чувашских заимствований из марийского языка и марийских из чувашского занимался финский ученый Рясанен (Räsänen). Он во время двухлетнего пребывания в Казанском университете (1915—1917 гг.) собрал среди чуваш и марийцев обширный языковой материал, обработал его и в 1920 году опубликовал в Хельсинки в виде большой монографии „Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissichen. XVI + 276². Он отмечает в чувашском языке свыше 50 слов, бесспорно, по его мнению, заимствованных из марийского языка, и свыше 50 общих в этих языках слов. Из указанных Рясаненом марийских слов в чувашском языке с некоторой вероятностью можно принять следующие:

Ан (камака ани — чело печи, какшам ани — отверстие кувшина), мар. ан — отверстие (ср. якут. аан — дверь).

Ерещ, мар. ярасш — иметь досуг, быть свободным от занятий, от мар. яра — свободный, незанятый, пустой.

Кай, мар. каяш — уходить, уехать.

Капәр, капәркка — щеголеватый, щеголь, мар. ковыра — щеголь, гордый, высокомерный.

Кара, кәрачә — жесткая неплодородная почва, мар. карач — хребет горы.

Кашал, мар. кышыл — обруч.

Катка, мар. кутко, удм. кут — муравей.

¹ См. Введение в изучение чувашского языка, стр. 80—89.

² Mémoires de la Société Finno-Ougrienne XLVIII.

Ләка, мар. лыгаш — трясти.

Лёкё, мар. лыгы — перхоть.

Лёпке, мар. ләп, ләпкә — лоб, темя.

Лутра, лутрашка, мар. ладра — низенький.

Мёлкё, мар. умулька, умыл — тень.

Нүр, нүрлен, мар. нөрө, нөреш — сырость, сыреть.

Пакар, пакарта, мар. пагар — зоб, желудок.

Пүрт, мар. порт — изба, фин. pirtti — курная изба, баня. В финские языки это слово проникло из литовского языка, где pirtis — баня, perti — мыть кого-нибудь, хлестать веником, от корня, означающего пар. (Ср. Веске. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. Казань. 1890, стр. 215—216).

Сахал, мар. шагал — мало.

Сүсмен — хомут, мар. сүспан — деревянные части хомута.

Шанкә: вут-шанкә, тип-шанкә — дрова в собирательном смысле, сухой хворост, сушняк, лутошник, мар. пушенге, фин. sänki.

Турпас — щепка, мар. тарваш — щепка, щепать.

Кутам, кутан — головль, мар. кодама — голец, пескарь¹.

Вача — рыболовная снасть, сплетенная из лучин, мар. вая, мадьяр. veisze.

Йёлтёр — лыжи, мар. йал — нога, тэр — сани, следовательно, йёлтёр — ножные сани (этимология этого слова вскрыта Б. А. Серебренниковым) и др.

Удмуртские слова в чувашском языке

Финский ученый Вихман (Wichmann) в своем исследовании Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen² указывает следующие удмуртские заимствования в чувашском языке:

Пёрне — кузов, удм. бырньё — мельничный ковш, в яз. коми бурня — большой круглый сосуд для зерна, фин. ригпи.

Кётмел — клюква, брусника, удм. кудмульы — черника (куд — болото, мульы — ягода), букв. болотная ягода.

Лап вырән — низменное место, лаптак — плоский, лапчәк — приплюснутый, лапчән — присесть на корточки, удмурт. лап иньты, лабзыны, коми лыапкыд, мар. лап, лапка, хант. лапсах, морд. лапш и т. д.

Пукан — стул, удм. пукон, от пук — сидеть, коми — пукан, мар. пукен — стул, мадьяр. feküppi — лежать, спать.

Чёкеç — ласточка, удм. чегек — трясогузка, коми — чикись и чикышь, мар. цегәк и чогаç.

Препозитивная отрицательная частица ан при глаголах пове-

¹ M. Rasanen. Neue Tscheremissische Wörterbücher. FUF XXIV, 52—53.

² MSFOu. XXI, 1903.

лительной формы: чув. ан кала, удмурт. эн вера — не говори, чув. ан суре, коми эн мун — не ходи, чув. ан сыр, коми эн гиже — не пиши и т. д.

Аффикс соединительного деепричастия -са, -се: каласа пар—расскажи, илсе кил—принеси; в других тюркских языках в данном случае мы имеем аффиксы -ып, -ип, -уп, -үп: язып, горүп.

Такое незначительное число финских заимствований в чувашском языке объясняется тем, что чувашаи в культурном отношении всегда стояли несколько выше восточно-финских народностей, что признается и самими финскими учеными (ср. Wichmann op. cit. p. 147).

Многие общие в чувашском и восточнофинских языках слова, по нашему мнению, относятся к глубокой старине, они восходят к далеким доисторическим временам. На основании языковых и этнографических данных можно заключить, что доисторические первобытные племена, предшествовавшие эпохе формирования современных народов Поволжья, в одной своей части вошли в этнический состав чувашского народа, а в другой — в этнический состав восточнофинских и угорских народов — мордвы, мари, удмуртов, манси, хантов и мадьяр. Отсюда несколько неудивительно, что в этих языках сохранилось несколько общих слов от доисторических эпох. Часть этих слов указана выше.

Кроме того, отдельные случаи скрещения чуваш с марицами, имевшие место в более поздние времена, также немало способствовали распространению финских слов в чувашской среде.

Русские заимствования в чувашском языке

Сильным обогащением своего словарного запаса чувашский язык обязан главным образом великому русскому языку. Русские, первоначально восточнославянские слова sporadически начинают проникать сюда очень рано — с VIII—X веков; ср. *камна* < губа, *кёнчеле* < кудель: вместо у до X в. здесь стоял юс большой = он. Прогрессивное влияние передовой русской культуры на чуваш начинается главным образом с XVI века, со времени присоединения Казанского края к Русскому государству. Указанное событие сопровождалось усилением русского элемента в крае и приобщением народностей Поволжья к русской государственности и русской культуре. Вследствие этого чувашам приходилось вступать в непосредственное сношение с русскими, результатом чего явился неизбежный наплыв русских слов в чувашскую речь. В первое время заимствования ограничивались больше словами из круга административного управления и хозяйственно-экономических отношений, а затем, по обращении чуваш в христианство, стали проникать к ним и слова

для обозначения новых понятий, связанных с христианской религией и богослужением. Чем дальше, тем сильнее сказывалось влияние русской культуры и русского языка на развитие материальной и духовной культуры чуваш.

В чувашских заимствованиях из русского языка можно различать несколько слоев. Более древний слой — это слова, проникшие сюда с древнейших времен до эпохи реформ — до 60—70-х годов XIX столетия, т. е. до открытия земских школ и появления у чуваш своей письменности; второй слой — это слова, переходившие в чувашский язык в период времени от 70-х годов до Великой Октябрьской социалистической революции, и последний слой — это слова, которыми обогатилась и обогащается чувашская речь со времени Великой Октябрьской социалистической революции.

В первом периоде перенято и усвоено было чувашами сравнительно небольшое количество русских слов. При этом последние подвергались значительным фонетическим изменениям, приспосабливаясь к артикуляционным особенностям чувашского языка, напр.: счетчик, сборщик — шушчак, церковь — чирку и чирек, стекло, скляница — келенче, гостинец — кучченеç, дробь — йётре (ср. ядро), пицаль — пашал, фонарь — хунар, грабли — керепле, Федор — Хёветёр, Степанида — Сапани, Сапалюк, Çапук, крупа — кёрпе, тесто — чуста, улица — уличе, униче, околица — укальча, гривенка — керепенкё (фунт), улей — вёлле и т. д.

До революции чувашами освоено приблизительно до 400—500 русских слов. Слова эти можно распределить по следующим рубрикам:

I. Административное управление и суд. II. Военное дело.

III. Церковь и все связанное с исповеданием христианской религии

По этим трем разделам до революции в чувашский язык проникло около ста слов, но поскольку теперь все они вышли из употребления, то нет необходимости перечислять их. Интересующихся отсылаем к нашей работе „Введение в изучение чувашского языка“. 1930, стр. 74—79. Из третьего раздела в настоящее время продолжают частично бытовать только старые имена: Марье — Мария, Тарье, Тарук — Дария, Ванюк — Ваня, Ваçук — Вася, Микула — Николай, Михаля — Михаил, Кёркури — Григорий, Епхин — Ефим, Кёçтенкки, Кёçтук — Константин, Пухвир — Порфирий, Укахье — Агафья, хёрес — крест (вм. древнего хуç, хоç из перс.) и т. д.

IV. Дом, надворные постройки, домашняя утварь, посуда и пр.

Амбар, келет — клеть, çенех — сени, крыльца — крыльцо, чалан — чулан, сарай — сарай, лупас — часть двора, находящаяся под навесом, ср. лабаз, карнис — карниз, мачча — псто-

лок, ср. матица, пёрене — бревно, тёренче — драница, чус — тес, кирпич — кирпич, ма́к — мох, петле — петля, кёленче — скляница, стекло, рама — рама, путмар — нары, ср. поднарье, скамье — скамья, шкаф — шкаф, шкаф, сётел — стол, та́рупа, та́рпа — труба, лушке — вьюшка, ка́вас чёресси — квашня, ухват — ухват, витре — ведро, чугу́н — чугу́н, ка́кшам — кувшин, чаша́к, чашка́ — чашка, стакан, са́мавар — самовар, лампа, кра́ссын — керосин, тепке — тяпка, мих — мешок, ср. мех, пичке — бочка, катка — кадка, шан — чан, плашка — плошка, лаххан — лохань, лара — ларь, ещёк — ящик, саступ — заступ, лум — лом, кёрепле — грабли, хунар — фонарь, та́рантас — тарантас, шин — шина, сертешке — сердечник, тикёт — деготь, мунчала и т. д.

V. Одежда и обувь и головные уборы.

Пальто — пальто, шаравар, шалавар — шаровары, крутка — куртка, та́лап — тулуп, пиншак — пиджак, брюки — брюки, шапка — шапка, картуз — картуз, шёлепке — шляпа, шаль ту́три — шаль, пушмак — башмак, калуш — калоши, ша́рах — шарф, сараппан — сарафан, саппун — запон, фартук, ча́лха — чулок и др.

VI. Животный мир.

Кушак — кошка, вакша, пакша — векша, белка, шапа — лягушка, ср. жаба, кролик.

VII. Сельское хозяйство.

Ёскёрт — скирда, сурат — зарод, суха — соха, плуг, кусиле — косуля, курпушка — горбуша, небольшая коса с искривленным лезвием, кёрепле — грабли, на́силкке — носилки, саступ — заступ, аван — овин, ыраш — рожь, у́сам — озимь, слива — слива и др.

VIII. Пища и напитки.

Апат — обед, шаркку — жаркое, кёрепе — крупа, кёсел — кисель, пермен — пельмени (из угрофинских языков), кулач — калач, кёлентёр — крендель, сушка́ — сушки, пёремёк — пряник, ка́мпа — гриб, ср. гонба, лит. kumbas, пёлем — блин, чуста — тесто, купа́ста — капуста, кучан — кочерыжка, ср. кочан, салат — солод, а́сла — сусло, кулавка — опара для пива, ср. кулага, ка́вас — квас, саха́р — сахар, чей — чай, спирт — спирт, лимун — лимон, ка́нахвет — конфета и др.

IX. Лечебное дело.

Пульница — больница, тухта́р — доктор, хверша́л — фельдшер, лекёр — лекарь, акушерка — акушерка, трахома — тра-

хома, халер — холера, мур — мор, эпидеми — эпидемия, лекарство — лекарство, хиня — хинин, йод — йод, кнахвара — камфора, рецепт — рецепт, порошок — порошок и др.

Х. Торговля, товары, деньги.

Пасар — базар, ярмәркка — ярмарка, магазин — магазин, лавкка — лавка, тавар — товар, кире — весы, кире пуканё — гирия, пәт — пуд, пәтавкка — пудовка, кёрепенкё — фунт, ср. гривенка, пухут — поход (небольшой излишек в весе), аршан — аршин (перс.), клеме — клеймо, пустав — сукно, ср. старинное постав, җитсә — ситец, сатин — сатин, прикащак — приказчик, калашник — калачник, чулавальник — целовальник, тенкё — серебряная монета, ср. деньги, париш — барыш, расхут — расход, прочән — процент и др.

ХІ. Школа.

Шкул — школа, класс — класс, парта — парта, кёнеке — книга, тетрадь, линейка, доска, тряпка, карта, шут — счеты, ручка, перо, карандаш, грифель, чернила, сумка, картина, картинка, задача, чыхвәр — цифра, резинка, учитлө — учитель, учительница, инспектор, экзамен, свидетельство, басня, стихотворени, урок.

ХІІ. Средства передвижения.

Карап — корабль, пәрахут — пароход, парәш — баржа, пурум — паром, лутка — лодка, парәс — парус, капитан, матрус — матрос, якәр — якорь, пристань, пойәс — поезд, вакун — вагон, паровоз, ваксал — вокзал, станци — станция, чугун җул — железная дорога, ср. старин. чугунка, кондуктор, трамвай и др.

ХІІІ. Народности, города и селения.

Вырәс — русский, нимёҗ — немец, хрантсус — француз, акәлчан — англичанин, пуляк — поляк, туркә — турок, чыкан — цыган, майра — русская женщина, ср. Мария, Мускав — Москва, Питёр — Петербург, ср. Питер, Чистай — Чистополь, Чөмпёр — Симбирск, Ёпху — Уфа, Йётёрне — Ядрин и др.

ХІV. Семья и родство.

Җемье — семья, әстарик — старик, муж, матка — жена, ратне — родня, кум, кума и др.

ХV. Часто употребительные слова, не вошедшие в другие разделы.

Платник — плотник, столяр — столяр, маҗтәр — мастер, эрет — ряд, черет — очередь, пушар — пожар, насус — насос, чис — честь, числа — чествуй, шел — жаль, шелле — жалей, тулак —

толк, пушшă, пушшех—пуще, вуҫех—вовсе, хитре—красивый, ср. хитрый, шухăль—щеголь, кашни—каждый, кăтра—кудрявый, самай—самый, путлĕ—путный, путевый, тулăклă—толковый, путишле—потешный, пархатарлă—благодарный и т. д.

Проникновению русских слов в чувашский язык в дореволюционное время способствовали, главным образом, следующие обстоятельства. Первоначально русские слова в значительном количестве проникали сюда через административный аппарат, через суд, церковь, а также в результате участия большого числа чуваш в русских войсках, например, в отрядах Минина и Пожарского в период борьбы против польских интервентов в начале XVII в., в Отечественной войне 1812 года, в Крымской кампании 1854—55 гг., в турецкой войне 1877—79 гг., в японской войне 1904 г. и др.

Не могли не отразиться на чувашском языке также массовое участие чуваш в революционных движениях русского крестьянства под предводительством Болотникова и Булавина, Степана Разина и Емельяна Пугачева. Широкое привлечение чувашского населения к разного рода работам общественного и государственного характера, как к рубке и вывозке корабельного леса для строительства русского флота (так называемая „лашманная работа“, „лашманная повинность“ при Петре I), посылка чуваш на уральские горные заводы Строгановых, на солевые заводы, на строительство Астрахани и Петергофа—все это не могло не способствовать проникновению русских слов в чувашский язык. Сюда нужно прибавить также рекрутские наборы и военную службу, продолжавшуюся до эпохи реформ 60-х гг. XIX в. 25—30 лет, а позднее 5—6 годов.

В XVII, XVIII и 1-й половине XIX в. ежегодно тысячи бурлаков из чуваш бок о бок с русскими тянули баржи по Волге и Суре.

В зависимости от тяжелого экономического положения в дореволюционное время тысячи бедных чуваш уходили на сезонные работы в города—Казань, Нижний Новгород, Самару, Астрахань или на Волгу—на пароходы и баржи.

Среди чуваш также в значительном количестве работали русские отходники, как, например, набойщики, портные, кузнецы и др. Начиная с Петра I, который запретил мелким народностям заниматься кузнечным ремеслом, вплоть до конца XIX в. кузнецами среди чуваш работали исключительно русские. Говоря о значении отхожничества, В. И. Ленин отмечал, что крестьяне, жившие отхожими промыслами, были пионерами всевозможных промыслов, несли свои технические познания в родную деревню¹.

Со времени буржуазных реформ, с организацией сети зем-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 295.

ских школ русская культура усиленно распространялась среди чуваш через эти школы. Последние пробуждали в учащих интерес к русскому языку и русской культуре. Поэтому с этого времени чуваш сравнительно легче стали преодолевать артикуляционные трудности русского произношения, и заимствованные слова подвергались незначительным изменениям и нередко даже усваивались в звуковом составе оригинала, почти без всяких изменений. Например: пӑрахут—пароход, паршӑ—баржа, машинӑ—машина, матрус—матрос, тухтӑр—доктор, пульницӑ—больница, шкул—школа, партӑ—парта, чернил—чернила, лампӑ—лампа, краҫҫын—керосин и т. д.

Великая Октябрьская социалистическая революция вывела чуваш на путь свободного творческого самоопределения и открыла им широкие перспективы. Благодаря неуклонному проведению Коммунистической партией ленинско-сталинской национальной политики, в Чувашии зародилась и развивалась новая культура, национальная по форме, социалистическая по содержанию. В годы советской власти русские слова и термины (а через русский язык и интернациональные слова) бурным потоком вливаются в чувашский язык и сильно обогащают его словарный состав. Бурный рост социалистической промышленности и сельского хозяйства, развитие культуры, науки и техники вызывают непрерывное восприятие новых слов из великого русского языка для обозначения новых понятий социалистического общества. Если раньше русские заимствования исчислялись сотнями слов, то теперь они исчисляются тысячами. Благодаря мощному влиянию великого, могучего русского языка, чувашская лексика настолько обогатилась, что свободно выходит теперь из затруднений в переводах даже труднейшей общественно-политической и научно-технической литературы.

В настоящее время русские и интернациональные слова фигурируют в чувашском языке решительно во всех областях науки и жизни. Их можно распределить приблизительно по следующим разделам: I. общественно-политическая жизнь; II. военное дело; III. административное управление; IV. сельское хозяйство; V. транспорт: а) автотранспорт, б) речной и морской, в) железнодорожный, г) воздушный; VI. медицина; VII. наука и техника; VIII. учебные заведения и учебное дело; IX. музыка и др. виды искусства; X. художественная литература; XI. торговля, финансы, бухгалтерия; XII. почта, телеграф, телефон и радио; XIII. промышленность; XIV. спорт; XV. календарь; названия месяцев и т. д.

I. Общественно-политическая терминология. Русские и интернациональные слова, представляющие собою общественно-политическую терминологию, весьма многочисленны в чувашском языке. Сюда относятся: революции, республика, диктатура, пролетариат, государство, автономии, больше-

визм, большевик, парти, агитаци, агитатор, пропаганда, амнисти, актив, активист, активистка, депутат,-ка, делегат,-ка, гражданин,-ка, рабочи класс, интеллигенци, конституци, марксизм, коммунист, социализм, коммунизм, информаци, доклад, анкета, герб и т. д.

II. Военное дело: штаб, главнокомандующи, арми, фронт, артиллери, атака, батальон, батарея, блокада, боец, воин, бомба, бригада, броневик, бронепоезд, дивизи, полк, наступлени, штурм, винтовка, пулемет, танк, граната, трофей, приказ, сержант, лейтенант, капитан, майор, полковник, генерал, адмирал, маршал, герой, госпиталь, салтак, офицер, старшина, разведчик, партизан, снаряд, оборона, окоп и т. д.

III. Административное управление и суд: совет, министр, министерство, исполком, председатель, секретарь, милици, милиционер, суд, судья, прокурор, адвокат, защитник, повестка, решени, машинистка, нотариус, заседатель и т. д.

IV. Сельское хозяйство: колхоз, колхозник, колхозница, совхоз, агроном, агротехника, плуг, сеялка, жнейка, веялка, трактор, тракторист, комбайн, комбайнер, бригада, бригадир, гектар, ферма, силос, азот, аммиак, люцерна, тимOFFеевка и т. д.

V. Транспорт: автомобиль, грузовик, машина, автобус, шофер, станци, гараж; пароход, баржа, буксир, лодка, руль, паром, пристань, гавань, порт, люк, каюта, буфет, вахта, матрос, капитан, лоцман; механик, диспетчер, станци, поезд, паровоз, вагон, рельс, депо, вокзал, пассажир, билет, плацкарта, багаж, тариф, график, проводник, контролер; авиаци, самолет, дирижабль, бомбардировщик, аэродром, посадка, бензин, летчик, парашют и т. д.

VI. Медицина: врач, фельдшер, сестра, акушерка, рецепт, лекарство, бинт, марля, витамин, вазелин, глицерин, палата, протез, массаж, поликлиника, санатори, курорт и др.

VII. Наука и техника: географи—география, геометри, истори, ботаника, зоологи, физика, хими, педагогика, грамматика, местоимени, падеж, глагол, причасти, деепричасти, междомети, определени, дополнени, обстоятельство, предложени, сказуемай, техника, авиаци, самолет, конструктор, радио, электричество, телеграф, телефон, магнит, микроскоп, двигатель, трактор, термометр, изобретени, инженер и т. д.

VIII. Учебные заведения и учебное дело: университет, институт, техникум, инструктор, инспектор, кабинет, лаборатори, факультет, кафедра, профессор, доцент, ассистент, студент, курсант, программа, лекци, историк, математик, географ, кружок, практика, методист, конспект, комсомолец, пионер, звено, канцеляри, заявлени, общежити, библиотека, библиотечарь, каталог, экскурси, каникул и т. д.

IX. Музыка, театр, кино: рояль, пианино, гитара, патефон, нота, гамма, камертон, бас, тенор, альт, оркестр, кон-

нерт, консерватори, гармонизаци, гармонизациле — гармонизировать, композитор, опера, дирижер, режиссер, суфлер, драма, трагеди, комеди, спектакль, сцена, партер, декораци, репертуар, репетици, диалог, труппа, роль, грим, кинокартина, кино-механик, передача, фильм и т. д.

X. Художественная литература: писатель, поэт, поэзи, поэма, эпос, повесть, роман, баллада, басня, лирика, лирикӓллӓ произведени, пьеса, драма, критика, критикӓллӓ статья — критическая статья, критикле — критиковать, тема, статья, классик, талант, творчество, журнал, альманах, хрестомати, эпитет, метафора.

XI. Торговое дело, бухгалтерия: магазин, сельмаг, сельпо, кооператив, киоск, план, смета, грамм, килограмм, центнер, тонна, метр, сантиметр, километр, кубометр, литр, ордер, бостон, трико, бархат, коверкот, какао, рис, маргарин, бухгалтер, счетовод, кассир, счет, итог, отчет, процент, квитанци, ревизи, ревизор, профсоюз.

XII. Почта, телеграф, телефон и радио: перевод, посылка, марка, заказа сыру — заказное письмо, авиапочта, почтальон, почтовый поезд (пароход), телеграф, телеграмма, телефон, телефонограмма, радио, радиоприемник, радиogramма.

XIII. Промышленность: металлурги промышленнось — металлургическая промышленность, домна, прокат, цех, автозавод, автомобиль, автобус, грузовик, конвейер, оборудовани, предприятия, производство, инженер, рабочи, стахановец, стахановка, премии, график, диаграмма, квартал, командировка, страховка.

XIV. Спорт: футбол, волейбол, вратарь, стадион, физкультура, старт, финиш, спортсмен, чемпион, шахмат.

XV. Календарь: январь, февраль, март, апрель, май, июнь и т. д.

В послереволюционное время из русского языка в чувашский язык перешли и другие разряды слов. Напр., название пищевых продуктов: колбаса, котлета, макароны, вермишель, маргарин, кофе, помидор и др.; название одежды: костюм, кепка, кашне, галстук, сандали, фуфайка.

Кроме того, в советское время весьма много слов и выражений вошло в чувашский язык посредством калькирования русских слов, т. е. в виде простого смыслового перевода русских слов, и в виде фразеологических оборотов: Например: пуплев пайё — часть речи, умсамах — предисловие, хыссамах — послелог, ял Совечё — сельсовет, хёрлё кётес — красный уголок, ёскунё — трудовой, сырутрав — полуостров, тавракүрам — кругозор, виşkётеслэх — треугольник, шутлӓ кунсем юлчёс — остались считанные дни, пёр үстөрмесёрех калама пулать — без преувеличения можно сказать, тӓшмансем пирён çине шӓл хайраççё — враги зубы точат на нас, хӓрушлӓх умёнче тӓрать — стоит перед опасностью и т. д.

Все заимствованные слова и кальки подчиняются внутренним законам развития чувашского языка. Они входят в общую систему языка, подчиняются существующей в языке системе словообразования и словоизменения.

Кроме того, число русских слов сильно колеблется по наречиям и говорам чувашского языка: в одном говоре их больше, а в другом меньше. Нередко одни и те же предметы или понятия в одном говоре выражаются природными чувашскими словами, а в другом говоре — русскими.

Влияние русского языка на чувашский язык протекает настолько интенсивно, что весьма часто русские слова по отдельным говорам вытесняют старинные чувашские слова. Напр.:

	вместо старинного	
спичка	"	шăрпăк,
куршак, кӱршек	"	чӱлмек,
мунчала	"	курăс
навус	"	тирĕс, тислĕк
шелле	"	хĕрхен,
сапур	"	хӱме,
писме	"	сыру,
матка	"	арăм,
ратне	"	тăван, хурăнташ,
мастăр	"	ăста,
муркух	"	кишĕр,
кушелкке	"	енчĕк,
пăрахут	"	вутлă-ким,
скамье	"	тенкĕл, тенкел
семье	"	килийш,
укушка	"	кантăк,
саппун	"	чĕрçитти,
уçăм	"	ыраш калчи,
ответ, ответле	"	хурав, хуравла
пирвайхи	"	малтанхи,
клуххуй	"	хăлхасăр,
немуй	"	чĕлхесĕр,
тупраллă (ср. добро)	"	муллă,
трук	"	сасартăк,
сăпаçипе	"	тавта-пуç,
расорит ту	"	тĕп ту, сăтăр ту
		и т. д.

Как ни велик общий удельный вес русских заимствований в чувашском языке, но все же в связной речи он мало замечен. Русские (а равно интернациональные) слова употребляются в чувашском языке главным образом в общественно-политической и научно-технической литературе, в учебниках по физике, химии, математике, естествознанию и др. Но и здесь

процент русских слов не превышает 10—12%. Только в газетных статьях и в сообщениях процент этот иногда доходит до 15 и даже выше. В разговорном языке и в художественной литературе процент русских слов пока колеблется в пределах 8—10%. Все они освоены по правилам и нормам чувашского языка и помогают последнему сделаться более гибким и выразительным.

Исторические изменения в лексике чувашского языка

Лексика каждого языка исторически изменяется. Изменения эти зависят от условий политической, общественно-хозяйственной жизни народа.

Характеризуя исторические изменения словарного состава языка, И. В. Сталин писал: „Непрерывный рост промышленности и сельского хозяйства, торговли и транспорта, техники и науки требует от языка пополнения его словаря новыми словами и выражениями, необходимыми для их работы. И язык, непосредственно отражая эти нужды, пополняет свой словарь новыми словами, совершенствует свой грамматический строй“¹.

Или еще: „Со времени смерти Пушкина прошло свыше ста лет. За это время были ликвидированы в России феодальный строй, капиталистический строй и возник третий, социалистический строй... Что изменилось за это время в русском языке? Серьезно пополнился за это время словарный состав русского языка; выпало из словарного состава большое количество устаревших слов; изменилось смысловое значение значительного количества слов; улучшился грамматический строй языка“².

То же самое, но в меньших масштабах наблюдалось и в чувашском языке. Хотя мы не имеем древних памятников чувашского языка, за исключением неудачных, невразумительных переводов с русского церковно-богослужебных книг от второй половины XVIII и первой половины XIX в., все же на основании некоторых данных в лексике чувашского языка можно отметить ряд исторических изменений.

Более крупными общественно-политическими событиями в истории чуваш были: а) завоевание Булгарского царства монголо-татарами и подневольная жизнь чуваш под властью татарских ханов; б) вступление чуваш в состав Русского государства и меры приобщения их к русской государственности, а также насаждение среди них христианства; в) Великая Октябрьская социалистическая революция и расцвет чувашской культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. Все эти события не могли не отразиться в той или иной степени в словарном составе чувашского языка.

Полуторасталетнее существование чуваш под управлением

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 11.

² Там же, стр. 9—10.

татарской администрации сильно сказалось на лексике чувашского языка. Например, многие населенные пункты Чувашии в период Казанского ханства получили новые, татарские названия, хотя параллельно с ними сохранялись и старые чувашские названия. Позднее же, когда чуваша вошли в состав Русского государства, многие из этих селений получили русские названия. Напр.: Янцыбулово—Ватакас—село Вознесенское, Куснар—Байгулово—Богоявленское, Шёнерпуç—Бичурино—село Воскресенское, Айдарово—Ахчура, Карачура, Хучахмат, Паймурзино, Аккозино, Шихабылово, Шималахово, Янситово, Бигильдино, Тюмбек и т. д.

Влияние татарского общественно-административного строя настолько было сильно, что оно даже сказалось на религиозном мировоззрении чуваш. Старые, отчасти и новые языческие божества их получили названия, вполне соответствующие бюрократической иерархии светской власти. Например, в языческих молениях чуваш мы находим следующие названия богов: тавам ыра—добрый дух, заседающий в диване, т. е. в судебном трибунале, государственном учреждении (ср. в ярлыках золотоордынских ханов диван битикчилари—писцы дивана—государственного учреждения, тавам суретекен—дух, ведущий дела дивана, ман турра алак усакан—отворяющий двери жилища божия, пүлехсе алак усакан—отворяющий двери богу пүлехсе, чөлпёр тытан ыра—дух, держащий повод, дух, ведущий за повод (лошадь того или иного бога). Последние названия явно заимствованы из торжественно обставленных выездов хана. Или еще хум кёрекёсе—кравчий хана и т. д. Вообще чуваша представляли свои божества в виде важного хана и чиновников, окружающих его, сопровождающих и прислуживающих ему.¹

По принятии же христианства слова, связанные со старой языческой религией, отмирают и взамен их появляются новые слова, отражающие христианское (православное) исповедывание веры. Названия старых языческих божеств и разных церемоний, связанных с ними, постепенно исчезают. Взамен старых, выходящих из употребления слов: кепе, пүлехсе, пихампар, пирёшти, ийе, йёрёх, хёртсурт, киремет и др. появляются теперь новые слова, отражающие новое, христианское мировоззрение: христианин, евангели, ангел, апостол, чирку—церковь, пуп, пачашка—поп, батюшка, тиякан—диякон, тиечук—дьячок (псаломщик), ёлхери—архиерей, прасник—праздник, раштав—рождество, пукрав—покров, микула—николин день, вырсарникун—воскресенье (букв. русский недельный, т. е. праздничный день), говеть ту—говеть, типё—пост и т. д.

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась

¹ Н. И. Ашмарин. Отголоски Золотоордынской старины в народных верованиях чуваш. Изв. Сев.-вост. археол. и этногр. инст. т. II. Казань.

крупным переломным моментом, вызвавшим большие изменения в словарном составе чувашского языка. С этого момента мы наблюдаем в чувашском языке бурное словотворчество, новые формы словесных образований, сдвиги значений слов, усиленное воздействие языка, науки и техники на общелитературную речь и отмирание старых слов. Все слова, связанные со старым государственным строем и насыщенные старым идеологическим содержанием, отходят теперь в область прошлого. Сюда относятся слова: кёпёрне—губерния, уяс—уезд, вулас—волость, кёпёрнатёр—губернатор, исправник, сनावай—становой пристав, тиек—волостной писарь, старшина—старшина, куланай—подать и др. Вместо них появляются новые слова, отражающие новый строй жизни, новый быт и насыщенные новым идеологическим содержанием: революции, республика, автономии, Министрсен Совечё, Верховный Совет, Обком, ял Совечё, колхоз, колхозник, сельпо, радио, вулав сурчё—изба-читальня и т. д.

В историческом ходе развития чувашского языка можно проследить не только обогащение лексики новыми словами, не только отмирание устаревших слов, но также и случаи смыслового изменения некоторых слов. Напр., слово *ял*—деревня, соответствующее кирг. *эл*—народ, др. тюрк. *аль*, *иль*—народ, государство, племенной союз, первоначально также имело значение народа, каковое значение сохранилось в выражениях: „*ял кулать*“—народ осуждает за какой-нибудь непозволительный поступок, букв. смеется, осмеивает, *ял кулли пулас марччё*—не стать бы посмешищем народа.

Слово *ут*—тело, соответствующее др. уйгур. *ат*, кирг. и тур. *эт*—мясо, в древности также употреблялось в значении мяса. Напр.: *уте кёнё*—букв. вошли в мясо, т. е. пост кончился, теперь разрешается есть мясо, *вёсем ут(ё) сиессё*—они едят скоромное, т. е. мясо, *ут шурпи*—мясной суп (дер. Дворики Красноармейского района, дер. Тимерчеево Комсомольского района). Также слово *ута*—сено, представляющее собою закономерную форму др. тюрк., тур. *от*—трава, в древности и в чув. яз. обозначало траву. Это значение сохранилось до настоящего времени в сложных словах, где вторым компонентом выступает слово *ута*: *шурути*—пырей (букв. болотная или белая трава, ср. башк. *актамыр*, каз.-тат. *сарут*), *ыхрути*—дикий лук (букв. чеснок-трава), *армути*, эрём—полынь, ср. кирг. эрмен, каз.-тат., башк. эрем (у Аксакова *урема*—кустарник), *хёрлэ ути*—красильное растение, подмаренник, *улах*—луг из уталах—место, поросшее травой и т. д.

Семантические изменения слов мы наблюдаем и в советское время. Например, слова *сулпус*, *тарсă*, *пике*, *имсам*, связанные со старой общественностью, подверглись переосмыслению и свое древнее основное значение частично утратили и приобрели новое значение. До революции слово *сулпус* значило

путеводитель, проводник, а в наше время—вождь. Тарсă, обозначавшее слугу, теперь употребляется главным образом в выражении „депутат—халăх тарси“—депутат—слуга народа. Древнейшее значение слова пике встречается только в сказке—дочь князя, дочь сановного лица, в настоящее время его начали употреблять в значении „красавица“. Имсам в старое время значило „домашнее лечебное средство, всякие снадобья“, а теперь за этим словом закрепилось новое значение „минеральное удобрение“ и т. д.

Исторические изменения лексики чувашского языка происходили также и от изменения географических и природных условий обитаемой местности. В старое время, когда Чувашия почти сплошь была покрыта лесами, здесь водились и рыси и назывались они сӹлевӹс,—так, по крайней мере, они передаются в чувашских рукописных словарях XVIII в. и в печатном словаре Вишневого 1836 г. Позднее, с поредением лесов, рыси и соколы исчезли, и чувашаи забыли о них. В последнее время в учебных книгах вместо природных слов сӹлевӹс, кайкар или лачам кайакӹ стали употреблять уже русские слова рысь, сокол.

Вообще каждое слово в языке имеет свою историю. Жизнь одних слов довольно продолжительна, а жизнь других весьма кратковременна. Многие чувашские слова в период татарского ханства вытеснены были татарскими словами, а после вступления в состав Русского государства некоторые слова заменены были русскими словами, как наиболее точно выражающими нужные предметы и явления. Например, взамен древних природных слов *тенгер*—море (мадьяры заимствовали это слово от болгар или чуваш приблизительно полторы тысячи лет тому назад в форме *tenger*), *хоран*, *хорен*—заяц (в этой форме оно перешло в марийский язык: фин. му—земля + чув. (х)орен—заяц—*морэн*—земляной заяц, но слово это у марийцев употребляется в значении зайца)¹, мы теперь имеем татарские *тинӹс*, *куян* и удмуртское *мулкач*. Точно так же древние чувашские слова, сохранившиеся еще в чувашских словарях XVIII века², как *кӹнделен*, *тыӹӹ* (ср. др. узб. танук)—свидетель, *хома*—бобр, *хус*, *хос*, (тюрк. кач < перс. хач)—крест, *туп*, *топ*—шар, мяч, *хурав*—ответ, *осрав*—роща, *шырт*—шерть, присяга, клятва, *муни*—начальник, *палчав*—срок (последнее слово диалектически сохранилось в более узком значении—в значении установления дня свадьбы) и др. в наше время никому из чуваш неизвестны, все они вытеснены другими словами, по преимуществу русскими.

¹ MSFOu LXVII, 360—364.

² Чувашские словари XVIII в. Записки Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. II, стр. 111—142

С лексикой тесно связана фразеология. Фразеологией называется совокупность устойчивых оборотов речи и выражений, свойственных данному языку и учение об этих устойчивых сочетаниях слов, обозначающих нечто единое по смыслу, напоминающее отдельное слово. Слова в предложении объединяются обычно в словосочетания. Сочетания слов могут быть разных типов. Они могут быть свободными. Напр., в предложении „Колхозниксем ула́хра ута́ ҫулаҫҫе“ имеется три свободных сочетания: 1) колхозниксем ҫулаҫҫе, 2) ута́ ҫулаҫҫе и 3) ула́хра ҫулаҫҫе. В этих сочетаниях каждое слово понятно само по себе; оно свободно сочетается и с другими словами, а не только с тем словом, которое связано с ним в данном предложении. В языке встречаются также словосочетания несвободные, устойчивые, а иногда и совсем неразложимые, представляющие собою семантическую единицу, т. е. выражающие понятия, близкие к значению одного слова. В предложении они составляют один член предложения. Некоторые из них совершенно неделимы, значение их не зависит от их лексического состава, от значения их частей. Они не переводимы дословно на другой язык. Фразеологические сочетания этого рода можно называть идиомами или идиоматическими выражениями. Академик В. В. Виноградов называет их фразеологическими сращениями. Неразложимые словосочетания во многих случаях сохраняют особенности грамматического строя и словарного состава предшествующих, весьма отдаленных периодов развития языка. О них академик В. В. Виноградов удачно замечает: „В неразложимых словосочетаниях,— пишет он,— связь компонентов может быть объяснена с исторической точки зрения, но она непонятна, не мотивирована с точки зрения живой системы современных языковых отношений“¹.

Мы не будем здесь заниматься делением фразеологических сочетаний на отдельные типы по степени сращения их компонентов, а все их будем рассматривать как устойчивые словосочетания, как застывшие фразеологические обороты, обособившиеся от свободных словосочетаний и являющиеся эквивалентами отдельных слов. Сюда можно отнести следующие сочетания: *сехре* (сехёр) *хӑп* — сильно испугаться. Здесь значение всего сочетания несколько не связано с значением составляющих его отдельных слов. Значение *сехре* в наше время совершенно непонятно, *хӑп* — отделяться, отдираться. Словосочетание это теперь для нас является просто составным словом.

Темён те пёр — всякая всячина: *темён* — неизвестно что, *те* — усилительная частица, *пёр* — один.

¹ В. В. Виноградов. Русский язык, 1947, стр. 21.

Аста килчѣ унта — как попало, где придется, всюду:
а́ста — где, куда; *килчѣ* — он пришел; *унта* — там.

Мѣншѣн тесен — потому что (союз).

Пуҫхѣрлѣ — вверх тормашками, вниз головой, кувырком, через голову; *пуҫ* — голова, *хѣрлѣ* — значение неизвестно, в сочетании с другими словами не встречается. Первоначально, вероятно, оно звучало как *хир* — гнуть, разгибать, вертеть, а позднее, быть может, в форме *хирле* или *хѣрле* употреблялось в значении послелого через.

Мѣн тесси пур вара — чего и говорить-то.

Ан кая хур — и не смей пойти, не вздумай пойти.

Асат хуҫ — сделаться горбатым: *асат* — непонятное слово, встречается только в данном сочетании; *хуҫ* — ломать.

Епле те пулин (пулсан) — как-нибудь: *епле* — как, *те* — усилительная частица, *пулин* — пусть будет, *пулсан* — если будет, когда будет.

Шалчи тулчѣ — наконец попался он (после ряда преступлений): *шалчи* — его тычина, его шест, *тулчѣ* — наполнился.

Кура таркач — воочию, на глазах.

Гіэле таркач — заведомо, зная.

Камала кай — нравиться: *ка́мал* — сердечное расположение, *кай* — уходить.

Тап тар кантарла — середь бела дня.

Куҫайѣн пах — смотреть исподлобья.

Ыт ахальтен — от нечего делать.

Шартах сикрѣ — внезапно испугался, страх прошел по всему телу, душа в пятки ушла.

Чам шыва ук — облиться потом.

Хатарса та́к — забранить, выругать.

Чѣлхуне чарна́ пул — уйми свой язык, впредь не смей давать ему воли.

Ёҫлетсѣн ёҫле — работать, так работай.

Кѣтмен сѣртен — неожиданно, врасплох.

Чире хыв, чире пер — притвориться больным.

Касна-лартна́ — то́чь-в-то́чь (букв. резано-посажено).

Ханк та тумасть — и в ус не дует.

ҫукка юл — обеднеть (*юл* — остаться, *ҫукка* — дат. падеж от слова *ҫук* — нет, не существующий).

Там ил — отморозить (букв. мороз взять).

Эпѣ аста́васса — на моей памяти.

Унччен те пулмарѣ — вдруг.

В чувашском языке большую группу устойчивых сочетаний составляют сложные глаголы, состоящие из имени и глагола, соответствующие во многих случаях одному глаголу в русском языке. Например: *вут хур* — развести костер: *вут* — огонь, *дро́ва*, *хур* — положить, *вут те́рт* — поджечь: *вут* — огонь, *те́рт* — толкать, *астумана хыв* — притвориться непомнящим: *астуман* — не помнивший, *хыв* — класть; снимать, *а́шша пиҫ* —

покрыться потом (испаринной) от жары: *аша* — тепло, *пиш* — вариться, печься, *аш хып* — почувствовать жажду: *аш* — внутренность, *хып* — схватывать, загораться, *качак турт* — манить рукой: *качак* — значение неизвестно, по предположению Н. И. Ашмарина, мадьярское слово *kacsó* — рука (уменьш.-ласкательное), *турт* — тянуть.

ка́таш пул — вздремнуть.

кун кур — жить в довольстве, благоденствовать: *кун* — день, в древности — солнце, *кур* — видеть,

куш хыв — высмотреть, обратить внимание, бросить взгляд: *куш* — глаз, *хыв* — класть, положить,

пуш сап — поклониться до земли: *пуш* — голова, *сап* — бить; ср. русское бить челом,

пуш яр — сводить с ума, губить: *пуш* — голова, *яр* — пус- тить, послать,

сивё тыт — лихорадить: *сивё* — холод, *тыт* — держать,

сине тар — проявить настойчивость: *сине* — наверх, на поверхность, *тар* — стать, стоять,

сума су — уважать, почитать: *сум* в прошлом веке обозначало 100 копеек ассигнацией (28¹/₂ коп.), позднее рубль; в древности, вероятно, оно употреблялось в значении „число, большое число“, ср. тюрк. *сан* (Словарь Радлова IV, 296), *су* — считать,

тёп пул — разориться: *тёп* — дно, *пул* — быть,

тёп ту — разорить: *тёп* — дно, *ту* — делать,

ухмаха ер — сойти с ума: *ухмах* — глупый, дурак, *ер* — пристать; *тётём сүннё кил* — выморочный дом.

хирёс пул — встретиться: *хирёс* — против, *пул* — быть,

хута кёр — заступиться, *хут* — слой, этаж, раз, *кёр* — войти; возможно, что в старое время слово *хут* употреблялось в значении „род“, „племя“, „среда“. Последнее значение сохранилось в диалектной форме *хутлах* — среда, ср. уйгурск. *kot*—*Gattung*, *Geschlecht*¹ 1870); ср. *сёрулми сакар хутне кёрет* — картофель заменяет хлеб,

шухаша кай — погрузиться в размышления: *шухаш* — дума, мысль, *кай* — уйти, пойти и т. д.

В чувашском языке к более или менее устойчивым фразеологическим сочетаниям отчасти можно отнести некоторые сложные глаголы, состоящие из основного глагола в деепричастной форме и вспомогательного глагола в спрягаемой форме, где трудно вывести значение целого из его составных частей. Например: *илсе кай* — унести: *илсе* — взявши, *кай* — уйти, *персе сит* — быстро явиться куда-нибудь, прибежать, нагрянуть: *персе* — бросив, кинув, *сит* — дойти: *самах тёртсе хур* — замолвить слово, вставить слово: *самах* — слово, *тёртсе* — толкнув, *хур* — класть, *тытса ил* — отнять: *тытса* — держав, *ил* —

¹ Н. Vambery. Uigurische Sprachmonumente. 1870, S. ...

взять, *яrsa ил* — схватить: *яrsa* — пустив, *послав, ил* — взять, *касса тух* — вырубить, вырезать: *касса* — резав, *тух* — выйти, *сутсе яв* — обсудить: *сът* — развить (веревку), *яв* — вить и т. д.

Сочетание деепричастия на -а, -е с спрягаемой формой вспомогательного глагола также образует типичное для чувашского языка устойчивое сочетание, обозначающее быстроту, мгновенность, внезапность, неожиданность действия. Например:

йыта шывра хай мелкине курах кайре — собака вдруг заметила в воде свое отражение: *кура* — видя, *ах* — усилительная частица, *кайре* — ушел, пошел;

варанах кай — вдруг проснуться,

яра пар — обозначает быстрое действие, в иных случаях соответствует русскому *валяй!* *яр* — пустить, послать, *пар* — дать; *сумар яра паче* — вдруг (неожиданно) пошел дождь, как польет дождь; *ташиа яра паче* — как запляшет, и давай плясать,

курана юл — промелькнуть.

Вёссе каян акашсен
Ури курана юлайре.
Атте пурче суле пурт,
Тарри курана юлайре.

Улетели гуси-лебеди,
Лишь лапки промелькнули.
Скрылся дом отцовский,
Лишь крыша промелькнула.
(Из плача невесты).

Карма урла кагна чух шыва кая патам — когда переходил ручей по кладкам, вдруг я и упал в воду. *Сурсер телне ситсессен тупак хуппи уйлах кайре* — в полночь как приподнимется крыша гроба и т. д.

Особую группу устойчивых речений составляют в чувашском языке сочетания утвердительной формы прошедшего причастия с его отрицательной формой. В этом случае сочетания эти имеют значение временного деепричастия и указывают на быстрое следование одного действия за другим. Напр.:

ситне-ситмен — не успел (и) дойти, доехать, как..., едва успел(и) доехать, дойти, как..., букв. дошедший - недошедший, доехавший - не доехавший,

таваранна-таваранман — не успел вернуться, как..., едва успел вернуться, как...,

веренне-веренменех — не успел выучиться, как...,

кене-кemenех — не успел войти, как..., едва успел войти, как...,

вилне-вилмен — едва успел умереть, как..., не успел умереть, как уже...

Сулла колхозниксем хевел тухна-тухманах есе тыта-нассе — в летнее время, не успеет взойти солнце, как колхозники принимаются за работу. *Ханасем ченне-ченменех персе ситре* — едва успели пригласить, как гости нагрянули. *Пуханса итне-ситменех* пусларе с тавлашмашкан, силлен, усаллан,

хаяррән шавламашкән (Хумма җеменё) — не успели собраться, как начали шуметь, спорить — гневно, злобно, яростно спорить.

Парные причастия возможности положительной и отрицательной формы, употребляемые иногда и в значении деепричастия, также стоят близко к рассмотренной группе устойчивых фразеологических сочетаний. Причастия эти обозначают качество, не достигшее своей полноты, своей нормы. Напр.:

пиҗи-пиҗми сырла — не вполне спелые ягоды, ягоды, не достигшие полной спелости, букв. могущий созреть (спеть) — не могущий созреть (спеть);

йўси-йўсми чуста — недоокисшее тесто;

кури-курми куҗ — плохо видящие глаза, букв. могущие видеть, — могущие не видеть глаза;

пули-пулми тавар — товар сомнительного качества;

турти-туртми пичеври лаша — плохо везущая (телегу), пристяжная лошадь (идет лениво, почти не везет).

Шурә наступлени вәхәтәнче *курани-курәнми* тёлсене пётерме аҗаччә (Агаков) — Шура умела замечательно искусно уничтожать едва заметные огневые точки врага.

Җумәр ни җави, ни җуми йәсланса тәрәт (Чалдун) — дождь идет и не идет, только моросит.

Кайри сын пире җити-җитми пычә — задний пешеход шел за нами, почти настигая нас.

Асла җул хёрринче ләс хуран,

Җёре *тивви-тивми* ларәт-җке (фольклор) —

На краю большой дороги, своими ветвями чуть не касаясь (почти касаясь) земли, стоит развесистая береза и т. д.

Довольно характерное для чувашского языка явление, весьма близкое по форме и значению к устойчивым речениям представляет собою тесное сочетание двух глаголов в одной и той же форме, выражающее внезапность, неожиданность, мгновенность действия. Один из глаголов является обычно вспомогательным. Напр.: *сикет-тухат* — как выскочит, йёчә-ячә — вдруг заплакал.

Аса ил-ха, пёр җулне
Шанкәртаттарса
килчә-кёчә сан килне
Кантур йәтәнса.

Эльгер.

Җавра җил пек җаврәнса,
Сикрә-тухрә җырмаран,
Пёкке хуҗрә җырмаран.

М. Федоров.

Хёвне җакәр чикрә те,
Тухрә-кайрә вәрмана
Хәрәк турат пуҗтарма.

М. Федоров.

Вспомни-ка, как однажды
Нагрязнули к тебе в дом
с колокольчиками
Конторские (приказные за
податью).

Вдруг с быстротой вихря
Выбежал из оврага (леший)
И сломал дугу пополам.

Сунул в пазуху краюху,
Поспешил в лес
Посбирать сухого хворосту.

Чупрам тухрам урама
Калас сәмахәм пулнәран,
Калас сәмахәма калаймарәм
Җамрәк кәмәләм тулнәран.
Устн. нар. творч.

Быстро выбежал я на улицу,
Имея нечто сказать;
Сказать я не смог
От избытка чувств.

К устойчивым фразеологическим сочетаниям следует отнести также некоторые изафетные сочетания слов, у которых вторые существительные принимают аффикс принадлежности 3-го лица. Нередко в этих случаях аффикс принадлежности 3-го лица обозначает не принадлежность, а тесную органическую связь между предметами. Например: *Шупашкар хули* — город Чебоксары, букв. Чебоксары + город его (их). *Атал шывё* — река Волга, букв. Волга + вода (река) ее. *Эль кулли* — озеро Эль, букв. Эль + озеро его. *Кёнер варри* (Кёнер + устье его) — дер. Кёнер (Криуши), *Шутнер пуё* — дер. Шутнербось, *Атайкасси* (Атай околоток его) — Атаево, *хамла сырли* (хмель + ягода его) — малина, *нимёс парси* (немец + горох его) — бобы, *сил арманё* (ветер + мельница его) — ветряная мельница, *җёр кәмракё* (земля + уголь ее) — каменный уголь, *җёр мулкачё* (земля + заяц ее) — тушканчик, *җёр чёкерё* (земля + ласточка ее) — береговая (земляная) ласточка, стриж, *тараса пуканё* — (весы + стул его (их)) — гирия и т. д.

К фразеологическим оборотам близко стоят также пословицы, поговорки и меткие изречения. Представляя собой образные, законченные и ритмичные по форме изречения, они как нельзя лучше характеризуют синтаксический строй языка и его типичные особенности. Сюда относятся: *Айван сынан турти кёске* — у глупого человека (у глупца) оглобли коротки (т. е. его легко рассердить). *Ёсрен ан хара, вал хай санран хара тар* — не бойся работы, пусть она тебя боится. *Вутан алли варам* — у огня руки долги. *Курман-илтмен пёр самах, курна-илтнё* — *җёр самах* — не видел, не слышал — одно слово, видел, слышал — сто слов. *Җилён җуначё җук, шыван турачё җук, ул-путсен чёри җук* — у ветра нет крыльев, у воды сучьев, а у помещиков сердца нет. *Турё калакан таванне юраман* — говоривший правду не угодил родному брату. *Хур шамми тытан хур пулман* — державший в руках гусиное перо поруган не бывал. *Хёл хырамё пысак* — у зимы живот большой, т. е. нужно заготавливать много. *Хир куёла, варман халхалла* — поле с глазами, лес с ушами. *Пурте хатёр: җуни Хусанта, сүсменё пасарта* — все готово: сани в Казани, хомут на базаре. *Туман тиха пилёкне ан хуё* — не ломай поясницы жеребенка, который не родился. *Тиркекене тирёк тён* — разборчивому (капризному) подонки. *Пуян сынан куё выё* — у богатого глаза завистливы. *Ййваш йытә варттан сыртать* — смирная собака исподтишка кусает. *Җитнё кантуртан тиек, килнё*

тиесе ял тулли инкек — приехал из волости писарь, привез много (целый воз) бед.

Пословицы и поговорки продолжают создаваться и в наше время. Например: *Колхоз пурлахё — халах ырлахё, ана хаклас пулать; тайшмантан сыхлас пулать* — колхозное добро — народное (общественное) добро, его нужно ценить и оберегать от врагов. *Англипе Америка пёр урапа синче* — Англия и Америка на одной колеснице.

Мы рассмотрели словарный состав и фразеологию чувашского языка в свете учения И. В. Сталина по вопросам языкознания. Словарный состав этот выработался в течение целого ряда веков и, естественно, в нем в той или иной форме наслоились, отложились особенности разных эпох развития чувашского языка — от племенного языка до языка нации включительно. А потому он имеет важное значение во многих отношениях — и в решении вопроса этногенеза чуваш, и в изучении доисторических и исторических культурных связей чуваш с разными соседними племенами и народами в разные эпохи их жизни, в частности, с арабами, персами, кипчаками, слившимися с казанскими татарами, монголами, с восточными финнами — марийцами, удмуртами, коми и мордвой, с восточными славянами, позднее русскими и т. д. Все эти вопросы давно ждут своих исследователей.

Словарный состав чувашского языка, поскольку здесь представлены не только корневые, но и производные и сложные слова, частично выявляет нам и внутренние законы чувашского языка, несколько отличные от внутренних законов других тюркских языков. В нем ярко выступают специфические особенности словообразования и словосложения. Например, во многих тюркских языках первоначально появился глагол хромать: тур., тркм., к.-калп., тат. *акса*, кирг. *аксо*, а потом на базе глагола — прилагательное хромой: тур., тркм., к.-калп., кирг. тат. и др. *аксак*; а в чувашском языке прилагательное *уксах* предшествовало глаголу и на базе прилагательного образовался глагол *уксахла* — хромать. Далее чувашаи для образования слова „пастух“ использовали слово „стадо“ (*кётү + çе*), а киргизы — слово „скот“ (*мал + чы*), в чувашском языке слово кремень (*вут чулё*) образовано из слов огонь + камень, а в татарском — из слов огниво + камень (*чакма ташы*) и т. д.

То же самое нужно сказать и о чувашской фразеологии. Она во многих случаях не совпадает с фразеологией других тюркских языков, имеет свои оригинальные, специфические черты, изучение которых составляет очередную задачу чувашского языкознания.

Н. А. АНДРЕЕВ

ЯДРО ОСНОВНОГО СЛОВАРНОГО ФОНДА ЧУВАШСКОГО
ЯЗЫКА

Корневое ядро и его состав

В работе „Марксизм и вопросы языкознания“ И. В. Сталин указывает, что все слова, имеющиеся в языке, составляют вместе так называемый словарный состав языка. Главное в словарном составе языка — основной словарный фонд, куда входят и все корневые слова, как его ядро.

Таким образом, ядро основного словарного фонда составляют корневые слова. Общий состав основного словарного фонда гораздо шире ядра: в него помимо корневых слов входит много производных слов, — таких, которые были образованы от корневых слов. Для того, чтобы определить состав корневого ядра чувашского языка, весьма важным является, прежде всего, определение понятия „корневые слова“. Корневыми, прежде всего, называют первичные, непроеизводные слова, неразложимые на значимые части. Далее к корневым относят такие производные слова, которые осознаются неразложимыми на современной стадии языка. Такими же корневыми считают иногда заимствованные слова, которые воспринимаются как неразложимые слова. При определении состава корневого ядра, по-нашему, необходимо придерживаться того мнения, какое высказывает проф. П. Я. Черных, а именно: корневое ядро составляют корневые слова, главным образом „исконно“ корневые, с исконно неразложимой основой¹.

Первичные слова-корни являются наиболее древнейшим слоем в основном словарном фонде языка. Это доказывается многими фактами. Они представляют собою простейший и вместе с тем наиболее архаичный тип: они односложны, при том неосложнены никаким словообразовательным элементом или ничем грамматически не оформлены для выражения ими тех или иных категорий.

Корневые слова многозначны. За время своего долгого существования они расширяли свое значение, так как старые

¹ Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина, 1952, стр. 133.

слова часто применялись для выражения новых понятий, возникавших в истории развития культуры общества. Слова-корни в большинстве своем являются общими не только для диалектов чувашского языка. Они являются общими и для тюркских языков.

На древность слов-корней указывает также недифференцированность их в отношении грамматических категорий. Одни и те же слова часто обозначают предмет и действие, или предмет и качество, действие и качество и т. д.

Структура корней

Структура корневых слов чувашского языка, как и других тюркских языков, весьма проста. Обыкновенно корневое слово состоит из трех звуков: согласного, гласного и согласного (СГС)¹. Имеются также корневые слова, состоящие из двух звуков: согласного и гласного (СГ) или гласного и согласного (ГС). Единичные корневые слова состоят из одного гласного, напр. у (ава) трут.

Примеры:

1. су масло, татар. май;
ту гора, татар. тау;
те говорить, ойрот. ногайск. де, тув. ти; татар. ди;
ту делать;
2. ту толочь, татар. то;
ан ширина, татар. ин;
ас ум, разум, рассудок;
ан ум, память, татар. ан рассудок;
ёс дело, работа, татар. эш;
ут шагать, татар. атла;
ут тело, тат. ит мясо;
ил брать, татар. ал.
3. Пуç голова, татар. баш;
куç глаз, татар. күз;
тыт держать, татар. тот;
çук нет, татар. юк;
пур есть, имеется, татар. бар.

Имеются корневые слова более сложной формы, которые, повидимому, следует считать результатом древнейшего словообразования.

Производные и усложненные корни

Производные слова-корни (корни-основы) это такие, которые состоят или из простейшего корня и словообразовательного элемента—аффикса, ныне застывшего и неотделимого от кор-

¹ Существует мнение среди учёных о том, что корень формы СГС является самой древней и первичной (Н. А. Баскаков и др.).

ня, или из простейших корней, неразлагаемых на составные части. Они имеют различную структуру по составу гласных и согласных.

Форму простого корневого слова имеют, например, слова мал перед, шал нутро, внутренность, ним ничто, тем неизвестно что, получившиеся в результате сокращения своих корней: мал от **а́м**//ум (перед)+аффикс ал; шал от **а́ш** (нутро, внутренность)+ал; ним от **ме́н** (что)+префикс ни; тем от того же **ме́н**+префикс те. Эти слова и некоторые другие, им подобные, пока разлагаются на составные части.

Среди производных корней особое место занимают усложненные корни. Некоторые слова-корни, имеющие в конце согласный звук, ввиду языковых особенностей принимают в конце слова звуки а или ё, например: **пит**—**питё** очень, татар. **башкир. бик**; **виç**—**виçё** три, татар. ойрот. **у́ч**, башкир. **о́с**; **çук**—**çукка** нет, татар. башкир. **юк**, ногайск **йок**; **вак**—**вакă** мелкий, мелочь, башкир. **вак**; **пур**—**пура** мел, ногайск. узбек. **бор**, татар. **бур**; **сых**—**сыхă** бережный, татар. **сак**, башкир. **һак**; **тип**—**типё** сухой, ср. монг. **тиб суша**, материк; **чик**—**чикё** граница, уйгур. **сэк**, киргиз. **чек**, татар. **чик**; **сар**—**сара** краска, тувин. ойрот. **сыр**.

Такие усложненные корни отличаются от слов, образованных с помощью словообразовательных элементов, как, например, **çута** свет от **çут** засветить, **каça** переправа от **каç** переходить: **пиçё** гибкий от **пиç** калиться (на солнце в жару).

В первом случае присоединение звука **а** или **ё** не вносит изменения в значение слов, во втором случае вносится изменение: слова из одной категории переходят в другую.

Другая группа корневых слов, имеющих гласную **у** или **у́**, часто эти гласные замещает сочетаниями соответственно **а́в**, **а́вă** или **ё́в**, **ё́вё**, например: **шуç**—**шăвăç** жечь, **çур**—**çавăр** детеныш, **сур**—**савар** вейать (о хлебе), **шўр**—**шёвёр** острый, **пўр**—**пёвёр** гной и др. Такие „усложненные“ слова также являются простыми словами-корнями.

Типы производных корней:

СГСГ: **çуре** ходить (ср. шорск. **чёр** ходить); **хура** черный; **шура** белый; **тута** губа;

ГСГ: **аça** самец; **ама** самка; **ула** пегий, пестрый; **ала** решето, сито;

ГСГС: **илем** красота; **ыран** завтра;

ГСС: **ирт** проходить, обгонять, превосходить; **илт** слушать;

СГСС: **турт** тянуть, тащить; **хурт** червь; **çурт** дом, строение.

Понятие „корневое слово“ в чувашском языке, а также в других тюркских языках, имеет совсем другое содержание, чем в индоевропейских языках. Поэтому состав корневого ядра основного словарного фонда чувашского языка приходится изучать несколькими иными способами, чем в русском и в других славянских языках.

Корень в чувашском языке в истинном своем значении всегда отличен от корневого слова. Истинные корни или корни в собственном смысле существуют только в словах и, будучи извлечены, не имеют самостоятельного существования и значения в языке, но в других родственных языках некоторые из них существуют как корневые слова. Так, например, слова **сун** (гореть) и **сут** (засветить) имеют общий корень **су-**, слова **вак** (мелкий), **ван** (биться, разбиться) и **ват** (бить, разбить) имеют корень **ва**. В этих словах аффикс **н** выявляется как аффикс возвратного глагола, а аффикс **т** является показателем переходности действия на другой предмет, аффиксом понудительным. Корни **су-** и **ва-** не существуют как слова.

Точно также в словах **чотла**, **чутла** (тесать) и **уна** (валять тесто) **чот** и **ун** являются корнями. Они не существуют как корневые слова в чувашском языке, но существуют в некоторых тюркских языках как корневые слова: **чот** в уйгурском языке значит топор, насаженный поперек топорница, а **ун** в татарском и др. означает мука¹, откуда **уна**—валять в муке, посыпать мукою; ср. также **ёнер** настроить (о музыкальном инструменте) и **ун** звук, голос².

В чувашском языке многие корневые слова в то же время являются и корнями для других слов. Поэтому здесь совершенно неприемлемо утверждение, существовавшее среди прежних лингвистов: „ни один корень не может быть словом и ни одно слово не может быть корнем“³.

Неправильно также мнение о том, что ни междометия, ни подражания естественным звукам не могут быть корнями⁴. В чувашском языке те и другие могут быть корнями, потому что от них производятся слова, например: **у-ла** выть, **а-хар** крупно смеяться, **и-хёр** мелко смеяться, **хар-лат** ворчать (о собаке), **кёр-ле** греметь и т. д. и т. п.

Как ни трудна передача естественных звуков, как вой ветра, падение различных предметов, пение птиц и т. д., членораздельными подражаниями, чувашский язык в этом отношении достиг большого искусства. Эти разнообразные звуки выражаются различными звукосочетаниями, состоящими или из корней или из слов, образованных от этих корней с помощью различных словообразовательных средств языка. Этих слов в языке большое количество. Несмотря на это и разнообразие их, эти слова с присущими ими значениями, прекрасно сохраняются в памяти носителей этого языка, употребляются в нужных случаях и понятны им. Одних рассмотренных проф. Н. И. Ашмаринным типовых групп подражательных слов составляет 115, из которых меньшинство является корневыми, а большинство—

¹ В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, I, стр. 1639, 1646.

² Там же, стр. 1818.

³ М. Мюллер, Наука о мысли, 1892, стр. 11.

⁴ Там же, стр. 139.

производными от этих корневых. Структура подражательных слов-корней в основном сходна с структурой корневых слов, типы которой приведены выше, например: тут, подр. заводскому гудку; хам, подр. лаю собаки; шак, подр. стуку; шал, подр. проливному дождю, подр. шуму воды; ши, подр. свисту (о протяжном свисте); чу, подр. быстрому росту, подр. быстрому подъему ввысь; у (протяжное), подр. вытью.

Корневые слова имеют следующие свойства:

1. Корневое слово имеет полновесную семантику или полное материальное содержание. Так, например, слова пус (голова), ут (конь) обозначают конкретные предметы, слова яш молодой, сыв здоровый указывают конкретные признаки предметов, слово ил бери, кил иди выражают конкретные действия предметов.

2. Корневое слово может употребляться вне контекста в своем основном значении и в контексте в различных значениях.

3. Имеет постоянный звуковой состав, т. е. звуковой состав корня, как правило, не изменяется при словоизменении и словообразовании. Изменения корня в чувашском языке ограничиваются: 1) утратой конечного согласного в некоторых глаголах, напр.: пар дать, кёр входить, хур класть—в прошедшем очевидном времени: патам дал, кётём вошел, хутам положил (выпадение *p* перед *t*); кил итти—кисе пришел (диалектально); 2) разложением гласной: су мыть, саван мыться; шу вода—шавар поить, поливать; 3) удвоением согласной: сын человек—сынни его человек, тот человек; чан истина—чанни то, что истинно; 4) переходом одних звуков в другие в некоторых словах, напр.: пиç варится—пёсер варить, вил умереть—вёлер убить.

4. Корневое слово может образовать новые слова при посредстве словообразовательных аффиксов и синтаксическим путем: словосочетанием и словосложением, часто без изменения состава корневого слова.

5. Корневое слово может выступать в качестве служебного слова, не изменяясь в своем звуковом облике, например: пар дай—каласа пар расскажи; кил приходи—илсе кил принеси.

Возможность самостоятельного существования корневого слова, его реальность, определяет дальнейшую судьбу корневого слова: оно, как правило, не сливается при словообразованиях и словоизменениях с аффиксами, оно резко разграничено от них, при словообразовании занимает, как правило, главное место в слове, т. е. находится в начале сложного слова, и гласные звуки корня влияют на гласные звуки аффиксов. Например: *сан-тар-тар-ай-мас-тап* не могу дать (разрешить) бить (его, себя); *ёс-ле-ттер-ей-мес-т-ён* не могу заставить работать.

Корневое ядро чувашского языка в своей древнейшей части состоит главным образом из общетюркских слов, затем слов,

общих чувашского языка с марийским и некоторыми другими языками. Это такие слова, которые связаны с элементарным миропониманием человека и обозначают жизненно-важные понятия, например:

1. Названия предметов и явлений внешнего мира: **ѝр** земля, **шыв**, **шу** вода, **ту** гора, **юр** снег, **пар** лед, **пас** пар, **пас** иней, **тан** мороз, **утренник**, **шан** мороз, **мерзнуть**, **кун** день, **каѝ** вечер, **ѝр** ночь, **хёл** зима, **ѝур** весна, **ѝу** лето, **кёр** осень, **лам** влага, **нёр** влага, **влажность**, **шур** болото, **кул(ё)** озеро, **тан** вода (выступающая зимою из-под льда), **ѝил** ветер, **ѝул** год, **ѝул** дорога и др.

2. Человек, термины родства и социальных отношений: **ѝын** человек, **ар** мужчина, **хёр** дочь, **кин** сноха, **ул** (ывал) сын, **аѝа** самец, **мужчина**, **ама** самка, **мать**, **ача** ребенок, **ял** деревня, **йах** племя, **ййш** семья и др.

3. Названия частей тела: **ал(а)** рука, **пуѝ** голова, **куѝ** глаз, **ѝуѝ** волос, **май** шея, **ѝан** тело, **туловище**, **ут** тело, **тир** кожа, **ѝам** шерсть, **тёк** перо, **мелкий** волос, **аш** внутренность, **нутро**, **пыр** горло, **шал** зуб, **юн** кровь, **пёр** гной и др.

4. Термины материальной культуры: а) одежда: **тир** кожа, **тум** одежда, **йём** штаны, **хыс** назв. одежды, **кёпе** рубашка, **хас** назв. какой-то верхней одежды;

б) орудия труда и оружие защиты: **ух(а)** лук, **хёѝ** сабля, **бердо**, **кар(а)** большое полукруглое долото, **сан(а)** копье, **йёп** иголка и др.;

в) пища и посуда: **аш** мясо, **сёт** молоко, **ѝу** масло, **хас** колбаса, **юр-вар** кушанье (мясо и молочные продукты); **чам** кувшин, **веѝ** большая деревянная чашка для мяса;

г) жилище и огонь: **хуш(ё)** строение, **шалаш**, **хут(ё)** защита, открытие; **йён(ё)** берлога, **кил** дом, **ѝи** верх, **крыша**, **тён** отверстие для выхода дыма, **вут** (вот) огонь, **дрова**, **у** (ава) трут, **хём** искра, **пламя**, **вут-хём** огонек;

д) ткацкое дело: **ѝан**, **ѝам** шерсть, **сёс** волокно, **кудель**, **вар** лучшая часть волокна, **ѝип** нитка, **пир** холст, **хёѝ** бердо, **кёр(ё)** ниченки, **кум** сновать, **шёр**, **ѝёр(ё)** цевка и др.;

е) металлы и минералы: **йёс** латунь, **желтая** медь, **тай**, **туй**, **той** медь, **там** (тан) глина, **чул** камень, **пур(а)** мел, **лёк** тина, **сор**.

5. Названия отвлеченных понятий: **чан** истина, **чап** слава, **чыс** честь, **тан** слава, **тар** плата за труд (а также пот), **тав** спор, **тяжба**, **тав** благодарность, **шак** намек, **шар** беда, **шик** сомнение, **страх**, **хал** мощь, **сила**, **хат** красота, **пригожество**, **сип** польза, **сал** способ и мн. др.

6. Названия основных действий и состояний: **ту** делать, **ѝи** есть, **ѝат** голотать, **кас** резать, **кат** колоть, **каѝ** переходить, **кан** отдыхать, **ут** ходить, **лар** сидеть, **тар** стоять, **чуп** бежать, **кус** катиться, **ѝит** достигать, **чар** остановить, **кай** итти (туда), **кил** итти (сюда), **пыр** прийти, **хуѝ** ломать, **хур**

класть, хут топить, тух выходить, хыр скоблить, хыс чесать, хас блевать, хёс сжимать, ват бить, вёт опаливать, веҫ летать, ҫёт пропадать, ук падать, кур видеть, кур принести, дай, пар дать, пер кидать, пар вертеть, пёр сжимать, сур боронить, ыр жать, вёр дуть, вар бросать и мн. другие.

7. Числительные: пёр один, ик(ё) два, виҫ(ё) три, ҫич(ё) семь, вун(а) десять, ҫёр сто, пин тысяча.

Корневому же ядру относятся местоимения, являющиеся по происхождению первичными: вёл он, ку этот, кам кто, мён что.

Сюда же включаются, как можно полагать, и частицы, союзы, послелогии и общенародные словообразовательные средства языка, состоящие по структуре из первичных единичных элементов. Академик В. В. Виноградов относит их к основному словарному фонду, не указывая при этом на корневое ядро. Хотя словообразовательные средства главным образом обслуживают основной словарный фонд, но по происхождению первичные, не составные, относятся к корневому ядру.

Корневое ядро чувашского языка в основном состоит из обещетюркских слов. Часть из них является наследием тюркского языка-основы, а часть заимствована из некоторых тюркских языков в более позднее время в результате культурных, экономических и других общений с ними. Некоторое количество слов-корней является наследием языков угро-финской семьи; эти слова проникли или через носителей языков этой семьи, слившихся с носителями древнего чувашского языка, часть заимствована в несколько позднее время. Таким образом, ядро основного словарного фонда чувашского языка обогащалось также заимствованием слов-корней из языков тюркской семьи и языков других семей, как-то: древнерусского, арабского, персидского и других языков. Заимствованные слова вливались в различные периоды развития чувашского языка—во время складывания ядра и после. История языка показывает, что часть заимствованных слов-корней прочно влилась в лексический фонд и принимала в дальнейшем деятельное участие в словообразовании, а некоторые оставались в неразвитом состоянии.

Развитие ядра основного словарного фонда происходило по внутренним законам языкового развития. Оно происходило прежде всего путем разветвления и совершенствования этого ядра. Слова, заимствованные в прежнее время и устным путем, подверглись разным фонетическим изменениям на основе внутренних законов языка и прочно ассимилировались языком. Такое развитие обеспечило языку устойчивость и национальную самобытность. Заимствованные слова в позднейшее время и книжным путем менее подверглись этим изменениям. Они яснее обнаруживают признаки заимствования.

Примеры заимствования в древнее время: а) арабские: **шик** сомнение, боязнь, страх, **шик** сомнение; **шар** беда, несчастье, **шар(р)** зло; **мул** имущество, богатство, **мал** скот, собственность; **тён** вера, религия, **дин** то же¹ и др.: персидские: **тав** спор, тяжба, да'ва тяжба, **хут** бумага, грамота, документ, **кат** грамота, письмо; **чун** душа, жизнь, живое существо; **джан** душа, жизнь; **пус** копейка от пуст кожа; ср. гр. **Вурзз** шкура, сыромятная кожа;² **тар** пот от **тår** влажный, сырой, **тåри** влага; **тар** порох от **барут** порох; **тус** друг, приятель, **дуст** то же³ и др.

Общие с марийскими:

йах род, племя, г.-мар. **йых** род, сословие;
ум перед, г.-мар. **он** грудь, как часть туловища;
ур ров, насыпь, г.-мар. **ор** насыпь, земляная крепость;
сыр берег, г.-мар. **сир** берег;
сан внешний вид, облик, лицо, наружность, г.-мар. **сын** вид, образ;
сём сознание, г.-мар. **шам** сознание, чувство, владение собой;
шап тихо, г.-мар. **шыв** тихо, смирно;
йўн толк. г.-мар. **йон** смысл, толк и др. слова корни³.

Развитие и обогащение корневого ядра.

Корневые слова основного словарного фонда возникли в древнейшее время одновременно с языком, как его строительный материал. Они составляли, вероятно, первичный словарь, скорее приближающийся к тому скудному словарному фонду с примитивным грамматическим строем, о котором говорит И. В. Сталин, называя его элементом современного языка. По мере развития языка и обогащения словаря новыми словами, по мере формирования словарного состава языка, первоначальный „словарный фонд“ превращается „в основной словарный фонд“, а корневые слова его — в корневое ядро.

Во всяком случае „исконно“ корневые слова в основном созданы в тот период, когда язык находился в аморфном состоянии, когда не было словообразовательных элементов, и слова создавались без них.

Корневое ядро, как и язык, — продукт всего хода истории общества, продукт целого ряда эпох, на протяжении которых оно развивалось, обогащалось и сложилось. Как говорит И. В. Сталин, что „элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства. Это был язык не сложный с очень скудным словарным фондом“ и с

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, 1951, Словарь. (ввиду отсутствия некоторых типографских знаков слова переданы русской транскрипцией).

² Б. В. Миллер. Персидско-русский словарь, 1953.

³ Все слова из горно-марийско-русского словаря С. Г. Эпина, Козмодемьянск, 1935 г.

примитивным грамматическим строем. Ядро основного словарного фонда, который живет в продолжение веков и является самой устойчивой частью словарного состава, по сравнению с этим фондом, надо полагать, еще более устойчивым и долговечным, наименее подверженным изменениям. Корневое ядро в некотором отношении устойчивее грамматического строя языка. Корневые слова, возникшие в языке еще в доморфологический период языка, сохранились при переходе его на морфологический строй, как корневое ядро в языке и как база образования производных от него слов. Грамматический строй—аморфный—претерпел коренные изменения, сменился морфологическим строем, но корневые слова в основном сохранились преимущественно с основными их значениями. Несмотря на всякие перевероты и изменения в жизни общества, ядро „сохраняется во всем основном“. Этим оно вместе с грамматическим строем обуславливает общность как национального языка, так и языковой семьи. Но ядро основного словарного фонда не остается неизменным. Оно изменяется, так как обогащается с течением времени, хотя этот процесс обогащения (накопления корневых слов) протекает очень медленно.

Наряду с накоплением слов корневого ядра, элементов нового качества, некоторые слова-корни в течение длительного времени своего существования медленно, но все же отмирают. Главным образом отмирают те слова-корни, которые выражают отжившие понятия и не связаны словообразовательной цепью с живыми словами. Часто слова-корни, теряя самостоятельное значение, становятся просто корнями слов.

Таким образом, корневое ядро основного словарного фонда сложилось из отстоявшихся с течением времени корневых слов, обозначающих жизненно-важные понятия, слов, главным образом общетюркских, чувашско-марийских, отчасти чувашских, к которым прибавились впоследствии еще слова, заимствованные в несколько ранние и более поздние времена.

Ход развития ядра основного словарного фонда, несомненно, был сложным. Истинный ход этого развития установить весьма трудно. Так как язык неразрывно связан с историей общества, то развитие ядра основного словарного фонда „можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка“ (И. В. Сталин). Далее, как говорит акад. В. В. Виноградов, „определение и изучение древнейшего ядра основного словарного фонда того или иного языка возможно лишь на основе сравнительно-исторического исследования лексики родственных языков“¹.

¹ Акад. В. В. Виноградов. Труд И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ и развитие советской науки о языке, 1951, стр. 19.

Не вдаваясь в исследование лексики родственных языков, здесь мы пытались вскрыть некоторые способы развития корневого ядра чувашского языка.

„Корневое ядро“¹, как и вообще основной словарный фонд языка, развивалось по внутренним законам языкового развития путем создания новых слов, путем разворачивания основных элементов существующего языка и путем заимствования. Способы древнейшего словотворчества корневых слов нам неизвестны, поэтому этот вопрос здесь не затрагивается.

Первичные корневые слова были источником образования новых слов как корневых, так и производных.

Способы образования слов. Развитие и обогащение первичного „словарного фонда“ при аморфном словообразовании происходило различными способами. Наиболее распространенными были способы семантические, состоящие в переосмыслении прежних слов, формировании омонимов путем распада на два или несколько.

1. Первичные корневые слова в зависимости от потребностей общества и в соответствии с внутренними законами исторического развития языка по разному используются как в образовании слов, так и в составе предложения в речи. Так, в языке имеющиеся слова часто использовывались для обозначения новых предметов, новых понятий, связанных каким-либо образом со старыми, знакомыми предметами, старыми, прежними понятиями. Так у слов развились значения, и они стали многозначными (полисемантизм слов).

Большинство корневых слов имеет не менее двух-трех значений, а в отдельных случаях количество значений доходит до десятка и более, а корневое слово ту имеет более сорока значений. Для иллюстрации достаточно привести несколько примеров.

Слово ту имеет, например, следующие основные значения: делать, работать, производить, строить, творить, создавать, выделять, обрабатывать, устраивать, совершать, составлять, варить (пиво и пр.), родить (башк. тыу, тат. туу родиться), отелиться, ожеребиться и пр., плодоносить, справлять, праздновать, приносить жертву, наладить, предназначать и др. Оно же является вспомогательным словом для образования сложных (составных) глаголов.

Ќёр (ойрот. дьер, тат. жир) имеет значения: 1) земля как суша; 2) земля как действительность; 3) местность; 4) участок земли; 5) место; 6) земля как низ; 7) земля как почва; 8) земля как вещество; 9) земля как планета; 10) земля как владение; 11) земля как страна; 12) послелог, имеющий значения русских предлогов к, в (во), на.

¹ Здесь корневое ядро берется в кавычки, потому что оно в древнейшее время без основного словарного фонда не могло быть ядром.

Слово **хур** означает часть руки (локоть), откуда омонимы: **хур** 1) обида, поношение, позор, унижение; 2) **хур** — класть, ставить, положить, приложить, ударить, повернуть (оглобли), пришить, ставить (самовар), закладывать, творить (тесто), приказать, велеть, почитать, зачесть, оценивать, потратить, развести (огонь), пожертвовать и др.; 3) **хур** мера длины—локоть.

Таких примеров можно подобрать множество без особых затруднений.

Эти значения закреплены за словами всей трудовой и общественной практикой народа-носителя языка. Использование слов во многих значениях при бедности первичного словарного фонда было большим достижением в развитии языка. Язык сравнительно малым количеством слов проявлял большую способность выполнять свою роль орудия общения.

Образование многозначности слов, само по себе не есть образование новых слов, но в результате этого часто образуются омонимы. Многозначность слова не следует смешивать с омонимией. Омонимы—такие слова, которые одинаковы по своему звучанию, но различны по своему значению. Омонимы в древнейшую эпоху возникли путем расхождения значений слов-корней, путем распада слова на значения. Слова-корни, первоначально бывшие многозначными, впоследствии разошлись своими значениями. В понятиях позднейших поколений функциональная связь между некоторыми значениями многозначного слова стала не чувствоваться, и слова стали по значениям самостоятельными. Таковы, например, омонимы:

I. **Хур, хор** рука (часть ее); II. **хур, хор** класть, положить, заложить, начислять, приложить и др.; III. **хур, хор** обида, несчастье (первоначально от действия рукою оскорбляющим образом); IV. **хур, хор** локоть (мера длины);

I. **суре** борона; II. **суре** боронить;

I. **йах** род, племя; II. **йах** оплодотворять (т. е. дать племя).

Такие слова-корни дали в чувашском языке большое количество омонимов. Омонимы возникли также в результате звукового совпадения. Таковы, например, омонимы: **тән** глина (ср. **тәм**), **тән** ум, память (ср. **ән**), **тән** заморозок, мороз (ср. ойрот. тон мерзлота, замерзший), **тан** успокаиваться; **сёр** (башк. ер, тат. жир) земля, **сёр** (башк. тән, тат. тён) ночь, **сёр** (башк. йёз, тат. йёз) сто.

Другая особенность корневых слов та, что они не дифференцированы. Они часто выражают и название предмета, и название действия или название предмета и название качества. Понятия, предметность и действие морфологически не разграничены и не оформлены. Имя в начальной форме и глагол в форме повелительного наклонения 2-го лица единственного числа часто совпадают. Это отражает древнее состояние языка, когда имена и глаголы еще не были разграничены, не существовало определенных формальных отличий имени от

глагола. Это состояние совпадает с тем временем, когда одно слово-корень представляло собою целое предложение и части речи представляли нечто однородное. Так, например: *карт* зарубка, метка и сделать зарубку; *хур* рука (часть от пальцев до локтя), обида, класть; *кай* зад и уходить; *шан* мороз и мерзнуть; ср. др.-тюрк. (Памятник Тоньюкука) *уч* крыло, В. Томсен, „Подарок истин“ *уч* летать¹; чув. *вѣс* летать.

В рассматриваемую эпоху „один и тот же звуковой комплекс мог склоняться или к имени или же к глаголу в зависимости от того, приходился ли центр внимания на предмете или же его действии, хотя возможно, что некоторые слова-корни уже по самому значению склонялись более в ту или другую сторону“². Эта связь имени и глагола сохранилась впоследствии также в том, что некоторые аффиксы стали образовывать и имена и глаголы.

Например:

	имена:		глаголы:	
-аҫ	тухаҫ	результат	яваҫ	связаться;
	канаҫ	покой	ҫапаҫ	биться;
-ёҫ	ўкёнеҫ	раскаяние	кёрёҫ	наниматься;
-аш	тупаш	находка, добыча	пулаш	помогать;
	саваш	любовный	саваш	радоваться, на- ходитьсь в любов- ной связи;
-ёш	ирёш	отруби	ҫёрёш	гнить;
	пёлёш	знакомый	пёлёш	знакомиться.

2. Близок к нему способ переноса значения. Этот способ выражения производных понятий состоит в том, что название исходного понятия переносится на производное без всяких изменений. Отношение между исходным понятием и производным может быть разнообразным; наиболее обычным отношением является сходство.

Благодаря тому, что сознание улавливало сходство формы между зубом, называемым по-чуваши *шāl*, и некоторыми предметами, последние получили название *шāl*, например, зубья (пилы, бороны, гребня, чесалки), спицы (телеги), копылы (у саней), зубцы (чеснока) и др. В технике и в других областях названия многих предметов своим происхождением связаны с названиями частей тела. Так, например, от слова *куҫ* глаз получили свое название ячей сети, ячейка сота, водяная жила, глазок (картофеля), стежок (при вышивании), петля

¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, 1951, стр. 237.

² В. А. Богородицкий. Краткий очерк сравнительной грамматики арно-европейских языков, 1917, стр. 57.

«при вязании), узел (основы), звено (в раме), ушко (иголки), сглаз и др. К слову *пуç* голова восходят понятия голова (о скотине), глава, начало, вершина, верховье, колос, головка (сапога), конец, семья пчел. Точно также и названия других частей тела послужили основой для многих слов.

В этом процессе переноса значений очеловечиваются не только предметы. На свойства, качества, состояния и процессы предметов неодушевленного мира также переносятся названия человеческих свойств, состояний и действий: ветер так же дует (вѐрет), как и человек; солнце также восходит (тухать), глядит (пăхать), заходит (анать), как и человек. Столб, стол стоят так же, как и человек (по-чувашки ларать, т. е. сидит). Названия, обозначающие физические явления, в свою очередь, могут быть перенесены на явления психического порядка: *аша* камал ласковый, приветливый характер (*аша* теплый); *сивѐ* камал суровый, неприветливый характер (*сивѐ* холодный); *чул чѐре* каменное сердце (жестокосердый); *тул* испытывать горечь, обиду: *ашчик* тул накипеть в душе.

Для перенесения значения иногда достаточно того, чтобы между двумя понятиями установилась какая-нибудь связь, безразлично, какая именно. Так, некоторые растения и животные в чувашском языке получили свое название от названий животных, диких и прирученных. Например: *йат пырши* полевой выюнок (букв. собачья кишка), тат. эт эчегәсе, башк. эт эсәге; *йат пулли* головастик (букв. собачья рыба), тат. бака баласы; *йыт сѐмѐрчѐ* крушина, тат. эт шоморты; *хур вăрри*, *хур курак* назв. растений от *хур* гусь; *хур кѐпши* дикарка; *хур хух* (*хур хуххи*) осот; *тăрна парши* (букв. журавлиный горох) мышиный горох; *кушак-пуç* клевер, кашка (букв. кошачья голова); *кушак хури* тимopheевка и т. д. Здесь для примера приведены некоторые слова позднейшего происхождения. Но принцип составления таких слов является древнейшим, существовавшим со времени аморфного строя.

3. Исторические процессы обогащения ядра основного словарного фонда посредством изменения значений слов сопровождаются часто изменениями фонетического состава слов, нередко до неузнаваемости.

Изменение звуков слов-корней (гласного, а также согласных) на ранних стадиях развития языка было весьма распространенным способом словотворчества. До сих пор еще существуют языки, в которых этот способ дифференциации слов с дифференциацией значений можно наблюдать во всей примитивности. Широчайшее использование смены гласных основы для словообразовательных целей производится в семитических языках. В индоевропейских языках смена гласных основы распространена была значительно меньше, чем в семитических языках. Таково, например, в немецком языке образование слов: *sing* петь и *song* песня. Несомненно, что этот способ размножения

(производства) слов имело место и в тюркских языках, в том числе и в чувашском языке. Изменением звуков отмечалось изменение и развитие значений слова, этим же способом выражалось разграничение слова-корня на слова-имена и на слова-глаголы. Следы такого развития слов-корней в чувашском языке можно найти во множестве примеров. Таковы, например:

- а) шу (шыв) вода—шў набухать, намокнуть (от воды);
ал рука—ил взять; ойр. тат. ал—взять;
вут огонь—вёт опаливать, взгреть;
шур, шор вода—сур плевать;
- б) аш ходить, погружаясь в воду, грязь, песок и т. д.—иш плавать;
ат ходить (погружаясь в воду, грязь, песок)—ут ходить;
шăт прорваться, продырявиться—çёт, çăт рвать, изнашивать;
сыр обувать, облепить—сир снимать, устранить;
сăр покрывать—сёр мазать;
çул косить (траву)—çăл дергать, теребить;
- в) ăн удаваться, хорошо уродиться—ён те же значения;
йуп, йуп хорошее отношение к кому-либо.

Такие изменения звуков особенно заметны в разных языках одной и той же языковой группы, например: вăр бросать, ударить, общетюрк. ур—бить; юр (йур) снег, общетюрк. кар; сен предлагать, общетюрк. сун протягивать; ан-ён удаваться, хорошо уродиться, общетюрк. он расти, дорасти; кан отдыхать, общетюрк. кон ночевать, жить, обитать и др.

4. Важное место занимали синтаксические способы образования слов, как повторение корня и корнесложение (словосложение). Образование слов повторением корня состоит в том, что корень или часть его повторяются. Такое образование слов развито в чувашском языке, как и в других тюркских языках. При этом корень повторяется или без изменения звуков или с изменением некоторых звуков. Способ этот весьма прост по технике образования и принципу.

Примеры:

- а) час (татар. тиз) скоро, часто—час-час часто, чаще;
чăн истина, правда—чăн-чăн истинно, правда;
ял деревня—ял-ял (другие) деревни;
хăш который—хăш-хăш некоторый, иной;
пёр один—пёр-пёр какой-нибудь;
- б) чир болезнь—чир-чёр всякая болезнь (в собир. значении);
чăл чуть—чăл-чăл чуть-чуть, редко;
тăп подр. тихому стоянию, тихо, смиренно—тап-тăп нежно, осторожно, бережно.

Образование слов от корней повторением некоторой части его встречается в образовании прилагательных, например: шап-

шур совершенно белый; **шѐп-шӯр** очень, весьма острый; **тѐп-тур** совершенно прямой.

Изменение звуков в корнях усовершенствовалось и развило образование слов способом редубликации, и с его помощью образовано значительное число слов от корневых слов.

5. Сложение разных корней играло большую роль в безаффиксном словообразовании в чувашском языке. При этом слова-корни с одинаковыми значениями или с разными значениями соединялись для получения слов с теми же значениями или с новыми значениями. Так, например: **куҫ** глаз, **пуҫ** голова—**куҫ-пуҫ** глаза; **ҫи** верх, **пуҫ** голова—**ҫи-пуҫ** внешний облик, одежда; **шыв** вода, **шур** болото—**шыв-шур** общее назв. воды, естественный водоем, распутица, половодье (ср. рус. зажоры); **ҫёр** земля, **шыв** вода—**ҫёр-шыв** страна, местность; им лекарство, **ҫам** лекарство—**им-ҫам** лекарство, лечебное средство.

В словах, образованных таким образом, составляющие их компоненты часто сохраняют свою самостоятельность, но во многих случаях их значения самостоятельность не сохранили, они составили нераздельное понятие, поэтому такие слова слились вместе. Например: **тумтир** одежда от **тум** одежда и **тир** шкура; **шамшак** туловище, скелет от **шам(а)** кость и **шак** палочка. Таковы также **йёлтёр** лыжи, **арҫын** мужчина, **ашчик** нутро, внутренность.

Соединение двух слов-корней, противоположных по значению. Например: **ай** низ, **ҫи** верх—**ай-ҫи** низ и верх; **пар** давать, **ил** брать—**пар-ил** давать и брать, ссужать; **ир** утро, **каҫ** вечер—**ир-каҫ** утро и вечер; **пур** есть, **сук** нет—**пур-сук** все, что имеется, скудость, скудный, малость, минимальное количество.

В строгой взаимосвязи с корневым состоянием лексики выработался грамматический строй языка в древнейшую эпоху. Этот строй, несомненно, находился долгое время в аморфном состоянии¹. При нем связи слов в предложении выражались не морфологическими средствами—не аффиксами, а расположением слов в предложении. В зависимости от положения слова

¹ Аморфный (греч.)—бесформенный; в языкознании этот термин применяется к словам и состоянию языка со значением не имеющий форм, т. е. аффиксов (формантов), корневой. Применяя этот термин, мы вовсе не связываем его со взглядами Н. Я. Марра об аморфных языках, противоречащими положениям учения И. В. Сталина о языке. Положение об отсутствии аффиксов при корневом состоянии подтверждается высказываниями современных советских лингвистов. Так, например, проф. А. С. Чикобава пишет: „Изменчивость морфологического типа вытекает из общего положения, что язык—историческая категория, что все звенья языковой системы изменяются, изменяется в частности и грамматический строй, изменяется очень медленно, но все-таки изменяется. Изменчивость морфологического типа вытекает с неизбежностью из положения, что аффиксов (формантов) вначале не было, они возникли из вспомогательных слов, из самостоятельных слов“.(Проф. А. С. Чикобава, Введение в языкознание, ч. 1. 1952. стр. 190—191).

в предложении определялось его значение. Остаток такого формального порядка слов в предложении существует и в современном чувашском языке: от места, занимаемого словом в предложении, часто зависит здесь его значение или как подлежащего, или как дополнения, или как определения, или как сказуемого и т. д. Например: *пир кёне* холщевая рубашка; *ку кёне пир* это рубашка холщевая; *анне пир тёртет* мать ткёт холст; *пир шура пулчё* холст получился чистый; *сук сын* бедный человек; *сын сук* нет человека (людей); *пура сук* тавай-мён то, что есть, нельзя отрицать; *вал килес сук* он не придет.

Далее такие факты:

а) Ал пар дать руку; *пуç сап* кланяться, бить челом; *сас пар* дать голос, отозваться; *шив ёс* пить воду; *ёс ту* дело делать.

б) Пасар кай итти на базар; хула кай итти в город; *кёр карта* заходи в карду, в хлев (обращение к скотине); *ут утлан* сесть верхом (на лошадь).

в) *Сул суре* путешествовать; *сёр вырт* переночевать; *хёл каç* перезимовать; *улах лар* устроить (девичьи) посиделки.

Аморфная связь определения с определяемым: *чул сурт* каменный дом (букв. камень-дом); *шан сёр* мерзлая земля (букв. мороз-земля); *вил шив* роса, мертвая вода; *хыр хама* сосновая доска (букв. сосна-доска).

Помимо непосредственного аморфного сочетания слов, несомненно, было такое же аморфное сочетание слов при помощи особых вспомогательных, служебных аморфных слов. При именах употреблялись вспомогательные слова, выражающие местопребывание (внутри, вне, в стороне, впереди, позади, внизу, вверху и пр.), направление (к месту или предмету, от места или предмета), зависимость или принадлежность и др. понятия отношения. При глаголах употреблялись вспомогательные слова, выражающие совершение действия, возможность или невозможность совершения его, многократность, интенсивность, понуждание, переход действия на предмет или на себя, принадлежность действия субъекту и т. д. Единичные пережиточные факты и живые факты в тюркских языках и других языках убеждают нас в существовании в языках подобного положения.

Чувашский аффикс -ат (ет), образующий переходные глаголы (*сух-ат* терять, *шур-ат* белить, *сар(а)-ат* чистить, оголить) своим происхождением несомненно связан со словом ет, употребляемого в тюркских языках самостоятельно со значением „делать“. Ср. чуваш. *сухат* от *сук* и *ат* (буквально: нет делать), ногайск. *йокъ эт* уничтожить (буквально также нет делать)¹; кумык. *кьуллук этмек* (корень эт) служить, буквально:

¹ Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты, М.—Л., 1940, стр. 85.

службу делать¹; гагаузск. *molit et* (умолять) от русского молить + *e*².

Подобное же происхождение имеют аффиксы -ал (ел)-аш(еш, ш). Аффикс -ал(-ел) образует глаголы возвратные и имеет значение „брать“ (свойство, признак), например: *схал* от *сук* и *ал* пропасть, потеряться, *шур(ă)*-ал белеть, *сар(а)*-ал чиститься, оголиться. Аффикс аш (еш) широко распространен в тюркских языках. В чувашском языке он образует слова, имеющие значение совместности, принадлежности, взаимности, возвратности, соучастия: *аташ* тетка от *ат* (ят) имя; *пёлёш* родственник от *пел* знать, *тарăнаш* глубина от *тарăн* глубокий; *паллаш* знакомиться от *палла* узнать (в лицо). Этот аффикс восходит к имени *еш*, означающего „друг“ „товарищ“, „подобный“, „похожий“³.

Чувашское *сем(ё)* имеет значения мотив, мелодия, лад, строй и имеет самостоятельное употребление. То же слово в форме *семён* является служебным со значениями по мере того, как, по. Оно же в форме *сем* употребляется вместо *семён* и почти что превратилось в аффикс. Например: *ситён-нёсем* по мере роста.

В ойротском (алтайском) языке совместно-орудный падеж выражается послелогом *ла*, который не успел еще превратиться в аффикс, напр.: *малта-ла* топором, с топором; *ат-ла* конем, с конем.

В татарском языке *учун*, выражающий значение в интересах кого-чего, является служебным словом—послелогом и не сливается с теми словами, к которым он относится. Точно также в некоторых тюркских языках. В чувашском языке соответствующий ему *шăн-шён* превратился в аффикс и слился с теми словами, к которым относится. В некоторых тюркских языках (напр., в азербайджанском) творительный падеж выражается с помощью частицы (послелога) *ва-ве*, который не сливается со словом, как аффикс, а употребляется самостоятельно.

Таким образом, аморфный грамматический строй языка имел свои специфические приемы связи слов в предложении, соответствующие возможностям языка того времени, и свои способы образования слов, связанные с этим грамматическим строем. В них проявлялось действие внутренних законов языка аморфного строя.

С дальнейшим развитием языка постепенно выработались системы словообразования и словоизменения. Они начали складываться и развиваться при аморфном же строе речи на базе корневого ядра и в тесной связи с грамматическим строем

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка, М., Л.—1940, стр. 133.

² Н. К. Дмитриев. Гагаузские этюды.

³ А. Н. Кононов. Грамматика турецкого языка 1941 стр. 110.

языка. Развитие строя речи вызвало в жизни словообразовательные и словоизменительные элементы, возникли правила использования словообразовательных элементов, т. е. законы сочетания морфем для образования разных категорий слов и законы их развития.

Морфологические средства—аффиксы словообразования и аффиксы словоизменения—развивались из слов-корней, бывших раньше самостоятельными, а затем ставших вспомогательными для выражения отношений между словами в предложении или особых, постоянных значений при некоторых группах слов. Употребляясь постоянно при них, такие вспомогательные слова потеряли свое значение и стали играть словообразовательную и словоизменительную роль.

Возникновение и развитие словообразовательных аффиксов имеет громадное значение в развитии языка. Благодаря сравнительно малому количеству и широте значений, словообразовательные элементы являются весьма экономными средствами образования слов. С помощью их стало возможным образование огромного количества слов от первичных слов-корней, а далее от производных слов.

Таким образом, ядро основного словарного фонда характеризуется следующими чертами: корневое ядро гораздо менее обширно, чем основной словарный фонд языка; оно состоит из корневых слов, наиболее древних по происхождению и структуре и выражающих наиболее жизненно-важные понятия; оно отличается более сильной устойчивостью, чем основной словарный фонд, и наименее чувствительным к изменениям; оно носит черты общенародности, а также черты общности языковой семьи. Корневое ядро служит базой для образования слов как основного словарного фонда, так и вместе с последним—слов общего словарного состава и, наконец, оно явилось источником морфологических средств языка—словообразовательных и словоизменительных элементов, служебных слов—последлогов, союзов и других.

К ВОПРОСУ О ПАДЕЖАХ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ В СВЯЗИ С ИЗУЧЕНИЕМ СПЕЦИФИКИ ЕГО*

И. В. Сталин внес предельную ясность в общие вопросы языкознания, доказав, что язык не является надстройкой, что он никогда не был классовым, а всегда являлся общенародным. И. В. Сталин четко определил специфические особенности языка, как общественного явления. „Они состоят в том,— указывал И. В. Сталин,— что язык обслуживает общество, как средство общения людей, как средство обмена мыслями в обществе, как средство, дающее людям возможность понять друг друга и наладить совместную работу во всех сферах человеческой деятельности“...¹ Изучение таких специфических особенностей более всего важно для науки.

И. В. Сталин далее показал, что грамматический строй и основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики. Значит, необходимо изучить в первую очередь грамматический строй и основной словарный фонд данного языка.

Как грамматический строй, так и основной словарный фонд развиваются по внутренним законам языка. Главной задачей языкознания и является, говорит И. В. Сталин, изучение этих внутренних законов развития языка. Они различны в разных языках и группах языков. Акад. В. В. Виноградов пишет: „Каждому конкретному языку присуще свое качество в его национально-самобытном своеобразии; иначе говоря, каждый общенародный язык имеет национальную специфику своего качества—свой грамматический строй и основной словарный фонд, воплощенные в соответствующую материально-звуковую структуру“³.

В другом месте он называет законы внутреннего развития фундаментом национальной самобытности языка. „Наличие внутренних законов развития языка,—говорит он,—является

* Печатается в порядке обсуждения.—Р е д.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1951г., стр. 36.

² В. В. Виноградов, *Понятие внутренних законов развития языка*. М. Вопросы языкознания, № 2, 1952 г., стр. 15).

важнейшим условием сохранения самобытности языка, его специфики, как национального языка¹.

Таким образом, помимо специфики языка, как общественного явления, мы должны изучать национальную специфику каждого данного языка, которая Марра и его учеников совершенно не интересовала. Грамматическая система различных по строю языков, конечно, не может быть втиснута в одинаковые схемы. Как говорит проф. А. С. Чикобава, „в языках различного грамматического строя существуют различные морфологические и синтаксические принципы, правила и категории. Нельзя поэтому составление грамматики какого-либо языка заменить переводом на этот язык грамматики, взятой из другого, более разработанного языка“². На состоявшемся в мае 1953 года Всесоюзном совещании по вопросам описательной грамматики, лексикографии и диалектологии также было указано, что при разрешении вопросов грамматики „следует исходить из специфики данного языка, его национального своеобразия и самобытных черт... Составители грамматики должны прежде всего выявлять своеобразие языка, его особые категории“³.

Однако многие языковеды долгое время грешили, а некоторые и сейчас грешат непониманием этой истины. Они на описываемый ими язык смотрят сквозь призму другого, более разработанного языка. Научной сессией по вопросам развития языков и письменностей народов СССР в 1949 году по докладу проф. Л. И. Жиркова „Основные вопросы методики изучения и описания грамматической системы отдельного языка“ было констатировано, что „Описательные грамматики зачастую не отражают своеобразия взаимосвязей грамматических категорий, свойственных именно описываемому языку, стараясь уложить их в систему традиционных грамматических категорий. Стремятся подчас найти в описываемом языке во что бы то ни стало формы, свойственные иным языкам, и забывают, что значения всех грамматических категорий могут быть выражены в формах всех языков, но совершенно различными способами, используя средства морфологии, или синтаксиса, или лексики“⁴.

Этот недостаток еще не изжит. Проф. А. С. Чикобава, просматривая школьные грамматики разных языков, констатировал в 1952 году, что „во всех языках Советского Союза школь-

¹ В. В. Виноградов, Значение работ И. В. Сталина для развития советского языкознания. („Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина“, 1952 г., стр. 35).

² А. С. Чикобава, Новый путь советского языкознания. („Большевик“ № 12, 1951 г.).

³ АН СССР, Институт языкознания. Совещание по вопросам описательной грамматики, лексикографии и диалектологии. Тезисы докладов. М., 1953 г., стр. 11.

ная грамматика устанавливает одинаковое количество частей речи, одинаковые члены предложения и подчас одинаковые синтаксические связи слов: грамматику сплошь и рядом „переводят“. Это все равно, что вместо составления плана одного города взять план другого с ссылкой на то, что оба ведь — города¹. То же самое было констатировано и на указанном выше совещании. „Серьезной ошибкой составителей многих грамматик,—говорится в тезисах доклада о составлении описательных грамматик,—являлась и до сих пор является попытка навязать тому или иному языку чуждые ему категории—обычно категории русского языка. Привычная грамматическая схема, стандартная классификация мешала (и еще до сих пор мешает) грамматистам увидеть в изучаемом языке особое, своеобразное, самобытное“².

В связи с этим необходимо рассеять одно недоразумение, заключающееся в смешении двух вопросов: вопроса об **изучении** данного языка с вопросом о **развитии** его. Языки социалистических наций, в особенности литературные языки их, развиваются у нас в тесной связи с великим русским языком, под благотворным влиянием последнего. Язык великой русской нации, говорит В. В. Виноградов, является могучим средством межнационального общения всех народов нашей Родины, он—„неиссякаемый источник обогащения всех языков народов Советского Союза“³. Влияние русского языка на другие языки есть явление естественное, прогрессивное. Языки социалистических наций Советского Союза будут и впредь развиваться в содружестве с русским языком. Но это—одно дело. Другое дело—**изучение** данного языка. Изучать надо его особенности, его специфику. Необходимость сравнительного изучения данного языка с русским не снимает, а, наоборот, диктует изучение национальной специфики каждого из них, ибо, не зная особенностей того и другого, невозможно плодотворно сравнивать их.

Против переводческого подхода к грамматике некоторые исследователи тюркских и монгольских языков выступали давно. Автор „Грамматики кумыкского языка“ проф. Н. К. Дмитриев писал в 1940 году, что в некоторых учебниках по тюркским языкам классификация придаточных предложений производилась исходя из убеждения, что там, где имеется придаточное по-русски, будет придаточное и по-кумыкски. „Но такая точка зрения, явно не доказанная,—писал он,—совер-

¹ А. С. Чикобава, Об основных задачах и вопросах советского языкознания в свете сталинского учения о языке. („Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию“, 1952 г., стр. 38).

² Тезисы докладов, стр. 11.

³ В. В. Виноградов, Значение трудов И. В. Сталина для развития советского языкознания. (Акад. Общ. Наук при ЦК ВКП(б), „Научная сессия, посвященная трудам И. В. Сталина“, 1952 г., стр. 363).

шенно игнорирует специфику кумыкского синтаксиса и пытается заменить ее схемой русского синтаксиса. Между тем в области синтаксиса кумыкский и русский языки расходятся особенно значительно¹. В таком же смысле писал о грамматиках монгольских языков проф. Г. Д. Санжеев.

Этот переводческий подход до сего времени проявляется в учебниках чувашского языка, в частности, в учении о падежах. В чувашском языке, например, нет отдельного винительного падежа. В нем категория объекта (или прямого дополнения) передается формой основного падежа, если речь идет о неопределенном предмете, или формой дательного падежа, если речь идет об определенном предмете. Например, *каранташ тупрăм* (нашел карандаш, неизвестно кому принадлежащий; *каранташ* стоит в основном падеже) и *каранташа тупрăм* (нашел свой потерянный карандаш; *каранташа* стоит в дательном падеже). Но поскольку слово „каранташа“ переводится на русский язык формой винительного падежа, мы говорим, что оно и в чувашском языке стоит в винительном падеже, и что, следовательно, в чувашском языке имеется винительный падеж. Таким образом, синтаксический принцип определенности и неопределенности смешивается с морфологическим принципом.

Падежи, которые приведены в стабильном учебнике чувашского языка, не отражают достаточно полно и точно особенности чувашского склонения.

Попытаемся установить, какие падежи в действительности имеются в чувашском языке.

То или иное количество падежей ни в одном языке, конечно, не является навсегда данным, и оно неодинаково в разных языках. Например, в абхазском языке нет падежей, в финском языке их 15, а в некоторых языках насчитывают до 25. С другой стороны, в английском языке были падежи, но в настоящее время их нет. Они вытеснены предложными сочетаниями.

В чувашском языке разные исследователи в различное время находили разные падежи.

В грамматике чувашского языка под названием „Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка“ (изд. 1769 г.) указано 5 падежей: именительный, родительный, дательный, винительный и относительный (то, что в настоящее время называется творительным). „Винительный,—говорится в ней,—ни в чем не различить от дательного в обоих числах“.

В „Начертании правил чувашского языка“ (1836 г.) названо 6 падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, звательный (*эй, атте!*) и творительный. К именительному отнесены и такие формы, как *пёр ластак* *çăкар*.

¹ Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, 1940 г., стр. 191.

В книге А. И. Добролюбова „Ознакомление с фонетикой и формами чувашского языка посредством разбора и перевода оригинальных чувашских статей“ (1879 г.), вышедшей под редакцией Н. И. Золотницкого, разбор ведется по семи-деяти падежам. Они названы так: неопределенный (*лаша* илтём, *лаша* хури, *чул* камака, *хир* качаки, *сёлен* пуля, *пат* тавар), именительный, притяжательный, вступительный личный (*киле*, *княса*), вступительный безличный (*тёне*, *тёпеле*), винительный личный (*суркунне*, *урине*), винительный безличный (*закона*, *каймаанскере*), местный и исходный.

В „Материалах для исследования чувашского языка“ (1898 г.) Н. И. Ашмарин установил 6 падежей: именительный, родительный, дательный-винительный, творительный, местный и исходный. Н. И. Ашмарин пишет: „Вообще в тюркских диалектах существуют отдельно два падежа: дательный и винительный, но в чувашском языке они слились в один падеж“¹.

В „Грамматике чувашского языка“ издания 1919 г. указано 8 падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, местный, исходный, творительный и звательный, но в парадигмах звательный падеж отсутствует.

В „Грамматике чувашского языка“ издания 1928 г. названо 9 падежей: именительный, родительный, дательный, направительный (*вармана* кайна), винительный, местный, исходный, творительный и причинный (*лашашан*).

В 1931 году в одной из книг по вопросам грамматики чувашского языка доказывалось, что в чувашском языке нет падежей.

В „Курсе современного чувашского литературного языка“ В. Г. Егорова (в рукописи) дано 9 падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, местный, исходный, творительный, целевой, лишительный.

В стабильных учебниках дается 7 падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный, местный и исходный.

Сколько же падежей имеется в чувашском языке и какие они? Как определить это?

Нельзя ли выделить их по значениям, не обращая внимания на формы слов? С точки зрения значений, современный дательный падеж пришлось бы разбить по крайней мере на 3 падежа: 1) дательный—*бригадира* каланă (сказал бригадиру), 2) направительный—*вармана* кайна (пошел в лес), 3) целевой—*сырлана* кайна (пошел за ягодами). Творительный пришлось бы разбить на такие падежи: 1) совместный—*Иванпа* Петёр пырассе (идут Иван и Петр), 2) орудийный—*сёре* *плугна* сухалассе (землю пахут плугом), 3) местный—*вәр-*

¹ Н. И. Ашмарин, Материалы для исследования чувашского языка, 1898 г., стр. 122.

манна пыраççĕ (идут лесом). В местном падеже тогда пришлось бы объединить такие формы: 1) *вармана* кайнă, 2) *вармантан* тухнă, 3) *вăрманта* ёçлет, 4) *варманна* пырать, 5) *варманалла* уттарчĕ.

При таком подходе у нас получилось бы по несколько падежей с совершенно одинаковыми формами, с другой стороны, в некоторых падежах были бы объединены самые разнородные формы. Такая классификация для познания чувашского склонения дала бы очень мало.

Если исходить только из синтаксической роли слов, то получились бы примерно такие падежи: 1) подлежащий, соответствующий традиционному именительному падежу, 2) определительный, объединяющий нынешние именительный и родительный падежи (*пывас* пурт, *йывас* çулси), 3) дополнительный, объединяющий все косвенные падежи, 4) обстоятельственный, объединяющий те же падежи, 5) сказуемый, объединяющий именительный, родительный и местный падежи.

Эта классификация слишком обща, одинакова для большинства языков, не считается с формами слов, ничего не дает для познания чувашского склонения, делает морфологическую падежную систему излишней.

Положим теперь в основу выделения и классификации падежей морфологический признак, формы слов.

Некоторые считали, что падежами являются те формы существительных, у которых при склонении с аффиксом 3-го лица появляется местоименное *н*. По этому признаку нынешний творительный падеж должен выпасть из числа падежей, ибо в творительном падеже не вставляется *н* (*сурăхĕ*—*сурăхĕ-н*, *сурăх-н-е*, *сурăхĕ-н-че*, *сурăхĕ-н-чен*, но *сурăхĕ-пе*, без *н*). Однако этот признак узко формальный, совершенно не учитывает ни значений слов, ни синтаксической роли их в предложении. А между тем во всех учебниках грамматики говорится, что падежи показывают отношение одного члена предложения, выраженного существительным, к другим.

Поэтому сделаем так: выпишем все аффиксы чувашского языка, которые показывают отношение одного предмета к другому, и будем испытывать их. Таких аффиксов набирается 32: *-н*, *-ăн*, *-ĕн*, *-а*, *-е*, *-на*, *-не*, *-па*, *-пе*, *-та*, *-те*, *-ра*, *-ре*, *-че*, *-тан*, *-тен*, *-чен*, *-ран*, *-рен*, *-шăн*, *-шĕн*, *-сар*, *-сĕр*, *-лах*, *-лĕх* (кĕпелĕх), *-ам*, *-ĕм*, *-м*, *-у*, *-ÿ*, *-ё*, *-и*.

Все ли они образуют падежи? Не объединяются ли те аффиксы, которые образуют падежи, в несколько групп? Этого мы не сможем определить, если будем исходить только из форм слов. Необходимо принять во внимание как значения, так и синтаксическую роль слов с указанными аффиксами.

Будем прежде всего считать, что предметность является одним из признаков падежности формы. В соединении с какими из указанных аффиксов слова в контексте получают пред-

метное значение? Предметное значение они получают в соединении со всеми указанными аффиксами.

Далее. Слова с предметным значением в предложении должны играть роль дополнения (или и дополнения). Этому требованию удовлетворяют формы слов с аффиксами: -н, -ан, -ён, -а, -е, -на, -не, -па, -пе, -та, -те, -ра, -ре, -че, -ран, -рен, -тан, -тен, -чен, -шан, -шён, -сар, -сёр (23 аффикса).

Слова эти должны отвечать на все парные вопросы от местоимений кам и мён: *кам-мён, каман-мёнён, кама-мёне, кампа-мёнпе, камра-мёнре, камран-мёнрен, камшан-мёншён, камсар-мёнсёр* (других парных местоименных вопросов в чувашском языке нет). Этому требованию удовлетворяют те же аффиксы, что и в предыдущем абзаце.

Поскольку в чувашском языке все существительные склоняются, то аффиксы, если они падежные, должны присоединяться ко всем существительным. Этому требованию удовлетворяют, кроме указанных в предпоследнем абзаце аффиксов, следующие: -и, -ам, -ём, -у, -ӯ, -ё, -и. Все они, кроме того, должны подчиняться правилам ударения и закону гармонии гласных.

Теперь сведем все указанные аффиксы в одну таблицу и посмотрим, какие из них удовлетворяют всем выставленным требованиям (в целях экономии места соединим их в группы).

Аффиксы, показывающие отношение	Существительные с указанными аффиксами могут			Аффиксы присоединя- ются ко всем суще- ствительным (+)	Подчиняются закону сингар- монизма и пра- вилам ударения
	иметь предметное значение (+)	являться дополне- нием (+)	отвечать на вопросы от кам-мён (+)		
-н, -ән, -ён, -а, -е, -на, -не, -ра, -ре, -че, -та, -те, -тан, -тен, -чен, -рен, -ран, -шән, -шён, -сәр, -сёр. -на, -пе,	+	+	+	+	+
-ләх, -лӗх, -м, -ӓм, -ӗм, -у, -ӯ, -ё, -и	+	-	-	-	+
	+	-	-	+	-

Всем указанным требованиям, следовательно, удовлетворяют формы существительных с аффиксами *-н, -ан, -ён, -а, -е, -на, -не, -ра, -ре, -та, -те, -че, -ран, -рен, -тан, -тен, -чен, -па, -пе, -шан, -шён, -сар, -сёр* (23 аффикса). Их и надо считать в системе имен падежными. Сколько падежей образуют они? Местоименные вопросы *кам-мён, каман-мёнён* и другие объединяют их в группы, образуя следующие падежи:

- 1) формы существ. без пад. аффиксов, отвечающие на вопрос *кам-мён?*—**основной** падеж;
- 2) с аффиксами *-ан (ён), -н,* отвечающие на вопросы *каман-мёнён?*—**притяжательный** падеж;
- 3) с аффиксами *-а (е), -на (не),* отвечающие на вопросы *кама-мёне?*—**дательно-винительный** падеж;
- 4) с аффиксами *-ра (ре), -та (те), -че,* отвечающие на вопросы *камра-мёнре?*—**местный** падеж;
- 5) с аффиксами *-ран (рен), -тан (тен), -чен,* отвечающие на вопросы *камран-мёнрен?*—**исходный** падеж;
- 6) с аффиксами *-па (пе),* отвечающие на вопросы *кампа-мёнпе?*—**творительный** падеж;
- 7) с аффиксами *-шан (шён),* отвечающие на вопросы *камшан-мёншён?*—**целевой** падеж;
- 8) с аффиксами *-сар (сёр),* отвечающие на вопросы *камсар-мёнсёр?*—**отрицательный** падеж.

Следовательно, по совокупности признаков морфологических, синтаксических и семантических в чувашском языке различаются 8 падежей.

В данной классификации ни один падеж не имеет формы, сходной с формами других падежей. Точно также падежные вопросы ни в одном падеже не повторяются.

Эти вопросы являются связующим звеном между синтаксисом (дополнениями) и морфологией (падежами), указывая своим содержанием на соответствующий член предложения, а своей формой на соответствующий падеж. По этим вопросам безошибочно можно определять падежи. Можно сказать так: все формы имени, отвечающие на один из парных местоименных вопросов *кам-кам? каман-каман? кама-мёне?* и т. д., являются падежными, ибо они в этом случае имеют предметное значение и в предложении являются дополнением или подлежащим. С другой стороны, только такие формы и являются падежными. Парных местоименных вопросов в чувашском языке имеется восемь. Отсюда и падежей в чувашском языке может быть только восемь.

Некоторые возражают против выделения целевого и отрицательного падежей, исходя из того, что аффиксы их по своему происхождению являются послелогами. Но те же люди считают вполне правильным выделение творительного падежа, нисколько не смущаясь тем, что аффикс творительного паде-

жа также является послелогом по своему происхождению, и, таким образом, допускают явную непоследовательность.

Аффиксы творительного и целевого падежей действительно произошли из послелогов, которые в настоящее время бытуют в тюркских языках (берлэ, өчен); эти послелогии в тюркских языках не превратились в аффиксы: не сократились, не подчиняются закону гармонии гласных, как в чувашском языке, и пишутся отдельно. Поэтому в тюркских языках нет основания для выделения творительного и целевого падежей. Что касается чувашского языка, то в нем указанные послелогии превратились в аффиксы: предельно сократились, подчиняются закону гармонии гласных и правилам ударения и потому пишутся слитно. Рассматривать как послелог **составную часть слова**, какой являются **-шан (-шён)** и **-па (-пе)**, нелогично.

Некоторые говорят, что аффиксы **-шан (-шён)** и **-сар (-сёр)** являются и словообразовательными, а также формообразующими, а потому, мол, их нельзя считать падежными. Но такая особенность присуща всем падежным аффиксам, что видно из следующего:

-ан (-ён): студентан, таххаан, шурраан, кайнан, каяссан, камаллан, кепелёхён, сывлахсаран, унсаран, вармана-раххан, аслаххан, тенкешерён, лашапаскерён, каюшан...

-а (-е): кёнекене, симёсе, пиллёке (кайна), килесе, малтан-лаха, ыранченлёхе, килограмшарне, икшере, ачарахне, темлескере, чуха (килет), сукка, варана, ташла пёлмене, пыратыне пырать, хащанне...

-па (-пе): агрономпа, урампа (пырать), хёрлёпе, суралнапа (пёрех), каяспа, кащалапа, каярахпа, ачаранпа, кайранта-рахпа, щёнёпе, сукпа, мананпа санан...

-ра (-ре): санра, урамра (ларать), тасара, иккёре, каймахра, вёщнерехре, кащпарахра, сураллащкертте, ваталмаллахра, ащталларахра, пурта, ырансенче...

-ран (-рен): пахартан, килтен (тухна), иккёрен (иртне), шураран, кайнаран, курасран, ащтарахран, щёрлерен, икшерттен, таварсартан, каймалларан, хурлахларан, еплерен, партакран, кирлё мартан...

-шан (-шён): ачашан, варамшан, ёщленёшён, каяшан, темён-шён, кирлёшён, сукшан, щаваншан, спащшипашан...

-сар (-сёр): укшасар (памащщё), кащсар (килмест), пёлётсёр (щанталак), кайнащсар пущне, вуламасар, кирлех марсар, тепёр куннесёр, вёщёмсёр...

Значит, ни один из падежных аффиксов не является только падежным, присоединяющимся только к склоняемым словам. Но отсюда не следует, что в чувашском языке нет особой категории, называемой падежами. Из указанных выше примеров видно, что наиболее общее значение каждого из указанных аффиксов одинаково, и это общее значение тесно связано с значением того или иного падежа.

Падежи чувашского языка можно классифицировать следующим образом¹

№№ п. п.	Падежи	Аффик- сы	Значения	Примеры	Вопросы	Член предло- жения
1	Основ- ной	—	Субъект	<i>Студент</i> килчѣ	Кам?	Подл.
			Объект	Вăл кёнеке ву- лать.	Мён?	Доп.
			Отношение	<i>Парти</i> члене.	Мён...?	Опред.
			Место	<i>Урал</i> тăвёсем.	Мёнле...?	Опред.
			Время	Вăл юнкун ки- лет.	Хăçан?	Обст.
			Количество	Унтанпа уйах иртрѣ.	Мён чухлѣ?	"
				Паян виçĕ хутланă.	Миçе?	"
				Вăл километр чупнă.	Мён чухлѣ?	"
			Назначение	<i>Лаша</i> вिति.	Мён...?	Опред.
			Качество	<i>Чул</i> сурт. <i>Аçа</i> хур.	Мёнле?	"
			Выделение	<i>Асли</i> (иккёмё- шĕ, вĕренекен- ни) килчѣ.	Хăшĕ?	Подл., прил.
2	Притяжа- тельный	-ан (-ён)	Принадлеж- ность	<i>Шкулăн</i> сĕр нумай.	Камăн?	Доп.
				<i>Шкулăн</i> уча- стокĕ пысăк.	"	Опред.
			Субъект	<i>Агрономăн</i> школа каймалла	Камăн?	Доп.
			Н а р е ч - н ы е: ⁴ Способ Образ	<i>Укçан</i> тўленĕ.	Мёнле?	Обст.
				<i>Вăрманăн</i> ку- рăнать.	"	"
				<i>Çичĕн</i> ёсleşĕ.	Миçен?	"
				<i>Кунăн</i> тулешĕ.	Мёнле?	"
			Мера	<i>Патăн</i> сутаçĕ.	"	"

¹ В каждой части сначала набраны те значения и вопросы, которые относятся ко всем склоняемым словам, затем (после черты) те значения и вопросы, которые касаются только некоторых разрядов существительных

№№ п. п.	Падежи	Аффиксы	Значения	Примеры	Вопросы	Член предло- жения
3	Дат.-вин.	<i>-а (-е) -на (-не)</i>	Прямой объект	<i>Учителе</i> кур- тӓм. <i>Ҫичче</i> ҫичӗ хут ил.	Кама? Мёне?	Доп. .
			Косв. объект	<i>Студента</i> ка- ланӓ.	Кама?	.
			Место (направл.)	<i>Вармана</i> кай- нӓчӗ.	Аҫта?	Обст.
			Время	<i>Каҫа</i> ан юл. <i>Ача саккӓра</i> кайрӗ.	Хӓҫана? Миҫе ҫула?	„ .
			Количество	<i>Вунна</i> ҫитиччен шугла.	Миҫене?	„
			Цель	<i>Пӗр тенке</i> илнӗ	Мӗн чухле?	„
			Подобие	<i>Ҫырлана</i> кайнӓ	Аҫта?	„
			Огранич.	<i>Ашшӗне</i> пӓхнӓ <i>Хулине</i> хула та...	Кама?	Доп.
4	Местный	<i>-ра (-ре) -та (-те) -че</i>	Обладание	<i>Петровра</i> икӗ кӗнеке юлчӗ.	Камра?	Доп.
			Время	<i>Эрнере</i> ҫичӗ кун. <i>Вӓл ултӓра</i> ӗнтӗ.	Мӗнре? Миҫере?	„ Обст.
			Количество	<i>Ҫирӗмре</i> икӗ теҫетке.	„	Доп.
			Место	<i>Варманта</i> ӗс- лет.	Аҫта?	Обст.
5	Исход- ный	<i>-ран (рен) -тач (тен)-чен</i>	Отделение	<i>Учительтен</i> илтӗм.	Камран?	Доп.
			Сравнение	<i>Лашаран</i> пысӓк	Мӗнрен?	„
			Посредство	<i>Ачаран</i> каласа ятӓм.	Камран?	Доп.
			Материал	<i>Йываҫран</i> тунӓ.	Мӗнрен?	„
			Место	<i>Вармантан</i> тухнӓ.	Астан?	Обст.
			Время	<i>Вӓл уйахран</i> килет.	Хӓҫан?	„
			Количество	Кӗнеке шучӗ <i>Ҫӗртен</i> иртӗрӗ.	Миҫерен?	Доп.
			Образ дей- ствия	<i>Иӗркерен</i> ларса тухнӓ.	Мӗнле?	Обст.

№№ п.п.	Падежи	Аффиксы	Значения	Примеры	Вопросы	Член предло- жения
6	Твори- тельный	-па (-пе)	Совмест- ность	<i>Рабочине</i> кол- хозник.	Кампа?	Подл.
			Орудие	<i>Пуртапа</i> каснă.	Мёнпе?	Доп.
			Средство	<i>Уксапа</i> илнĕ.	"	"
			Место	<i>Урампа</i> пырать	Аста?	Обст.
			Время	<i>Каспа</i> кайăпăр	Хăсан?	"
			Количество	<i>Вуннапа</i> килĕ- шĕ-и?	Миçепе?	Доп.
7	Целевой	-шан (-шĕн)	Цель	<i>Миршĕн, демо- кратишĕн, со- циализмшан</i> кĕрешесçĕ.	Мёншĕн?	Доп.
				<i>Вăйлă тырпул- шĕн!</i>	"	"
				<i>Плана ирттерсе тултарасси- шĕн</i> кĕрешĕр.	"	"
			Причина	<i>Ана ёсри ситĕ- нĕсемшĕн</i> наг- радăланă.	"	"
			Отношение	<i>Вăл рабочисем- шĕн</i> тăван атте пек пулнă.	Камшăн?	"
				<i>Физкультура туни сывлах- шан усалла.</i>	Мёншĕн?	Доп.
8	Отрица- тельный	-сăр (сĕр)	Средство	<i>Ку сĕре трак- торсар</i> сухала- ма çук.	Мёнсĕр?	Доп.
				<i>Арман силсĕр</i> авăрмасть.	"	"
				<i>Стадиона би- летсар</i> кĕрт- месçĕ.	"	"
			Условие	<i>Революцилле теорисĕр</i> рево- люцилле юхăм та çук.	"	"
				<i>Мана хасатсăр</i> тăратса ан хă- варăр!	"	"

№№ п. п.	Падежи	Аффиксы	Значения	Примеры	Вопросы	Член предло- жения
				<i>Сансарах туса</i> <i>пётёрёпёр.</i>	Камсър?	„
				<i>Ѕёлёксёр ан кай</i>	Мёнсёр?	„
				<i>Чёрчунсем сыв-</i> <i>лашсар пура-</i> <i>наймацсё.</i>	„	„
			Время	<i>Въл юнкунсар</i> <i>килмест.</i>	Хясанчен?	Обст.
			Количество	<i>Вицё тенкёсёр</i> <i>памась.</i>	Мице ... сёр?	„

В таблице показаны значения падежей в общей формулировке. Как видно из таблицы, основных значений, связанных со всеми склоняемыми словами, совсем немного. Все слова с такими значениями выступают в предложении в роли подлежащего, или дополнения, или определения и отвечают на местоименные вопросы *кам-мён*, *камён-мёнён* и т. д. Дополнительные значения падежей, которых много (в таблице показана только часть из них), связаны только с отдельными разрядами склоняемых слов. Эти значения по преимуществу обстоятельственные. Слова с указанными значениями отвечают на самые различные вопросы.

Остановимся вкратце на отдельных падежах.

Основной падеж. В стабильном учебнике он назван именительным, поскольку учебник считает, что в этом падеже может стоять только подлежащее. Но для такого утверждения нет никаких оснований. Субъект и сбе́кты могут выражаться одной и той же формой. Отдельные разряды существительных в этой форме могут иметь также значение места, времени, количества, качества, принадлежности и т. д. Поэтому в тюркологической литературе такому падежу давно присвоено название основного или неопределенного падежа. С точки зрения формы слова—это начальный падеж, с точки зрения обозначения категории определенности и неопределенности—неопределенный падеж, с точки зрения частоты употребления в речи и выражения членов предложения—основной падеж. То, что этот падеж действительно является основным, видно хотя бы из следующего: в чувашских сказках существительные из 100 случаев употребления в 70 случаях, в поэме „Нарспи“ из 100 случаев в 62-х, в политической литературе из 100 случаев в 45—50 случаях стоят в форме этого падежа. Поэтому вполне правильно поступили авторы „Краткого грамматического очерка чувашского языка“, приложенного к „Русско-чувашскому

словарю“, проф. Н. К. Дмитриев и проф. С. П. Горский, назвав этот падеж (кажется, впервые в истории чувашского языкознания) основным и объяснив, что он может употребляться в значении именительного, родительного и винительного падежей.

Выделение основного падежа, объединяющего так называемые именительный, родительный неоформленный и винительный неоформленный, намного облегчит морфологический разбор предложений. Возьмем пример: *„Иртнĕ юнкун колхоз членĕсем школ валли вунă лав хурăн вутти турттарса килчĕр“*. Вот как определяются падежи имеющих в этом предложении существительных по традиционной схеме и по схеме, предлагаемой в данной статье.

Существительное	Каким членом является	Падеж его	
		По традиц. схеме	По предлагаемой
Юнкун	обстоятельство	?	основной
колхоз	определение	неоф. родит.	„
членĕсем	подлежащее	именит.	„
школ (валли)	обстоятельство	?	„
лав	определение	?	„
хурăн	„	неоф. родит.	„
вутти	дополнение	неоф. вин.	„

В каком падеже стоят существительные *юнкун*, *школ* и *лав* по существующей схеме? Неизвестно. А по предлагаемой схеме все они стоят в основном падеже.

В статьях по вопросам чувашского языка, напечатанных в 1953 г. на страницах газеты „Коммунизм ялавл“, обнаружилось, что некоторые учителя, оказывается, думают, что между членами предложения и падежами существует параллелизм, что каждый член предложения выражается особой падежной формой: подлежащее — одним падежом, определение — другим, дополнение — третьим и т. д. Как же существительное в одном и том же падеже может выполнять в предложении роль разных членов предложения? Как же тогда отличать один член предложения от другого? — писали они. На самом деле в чувашском языке нет такого члена предложения, который выражался бы лишь ему присущей падежной формой. Существительное в одном и том же падеже может быть в предложении и подлежащим и сказуемым: *Трактор тăрат* (подлежащее), *Вăл — трактор* (сказуемое); и определением и дополнением: *Агрономăн ачи лайăх вĕрнет* (опред.) *Агрономăн школы каймалла* (доп.); и дополнением и обстоятельством:

Ку ёсе вахатра тавасси колхозран килет (доп.), *Учитель колхозран тавранчѣ* (обст.). Поэтому только по падежной форме существительного нельзя (невозможно) определить, каким членом предложения оно является. Последнее можно определить только исходя из связи слов в предложении и синтаксических вопросов.

Так называемые безаффиксные падежи: именительный, родительный неоформленный и винительный неоформленный сами-то устанавливаются и узнаются только по роли существительного в предложении: если существительное в своей начальной форме в предложении является подлежащим, то оно считается стоящим в именительном падеже; если является определением, то считается стоящим в неоформленном родительном падеже; если является прямым дополнением, то считается стоящим в неоформленном винительном падеже. Здесь уже налицо смешение синтаксического с морфологическим. Но защитники указанных падежей идут дальше, они совершают логическое сальто-мортале и, выдавая следствие за причину, восклицают: без неоформленного родительного и винительного падежей невозможно отличать определение и дополнение, выраженные начальной формой существительного, от подлежащего. Поистине странная логика!

Все это доказывает несостоятельность возражений против выделения основного падежа.

В объединении одинаковых форм в один падеж нет формализма. „В современном русском языке,—писал В. В. Виноградов,—омонимична сама природа падежных окончаний, особенно у имен существительных. В самом деле, значения косвенных падежей имен существительных, как в сочетаниях с предлогами, так и в беспредложном употреблении, настолько разнообразны и далеки, что приходится традиционные обозначения: родительный, творительный и предложный падежи считать условными именами групп морфологических омонимов“, они представляют собою „систему омонимов, т. е. разнородных значений, омонимически прикрепленных к одной и той же флексии“¹. Таким образом, разнородные по значению падежи удерживаются в пределах одного падежа своей формой. Это утверждение верно и в отношении падежей чувашского языка. В самом деле, со стороны значения, а также синтаксической роли в предложении такие падежи, как родительный, дательный и творительный, следовало бы разбить на ряд самостоятельных падежей (родительный—на притяжательный, определительный и обстоятельственный; дательный—на дательный, направительный и целевой; творительный—на совместный, орудийный и местный), тогда количество падежей намного увеличилось бы, но

¹ В. В. Виноградов, О грамматической омонимии в современном русском языке (журнал „Русский язык в школе“ № 1 за 1940 г., стр. 21).

этого не делают, ибо в таком случае, как уже было сказано, получилось бы по несколько падежей с совершенно одинаковыми формами, а некоторые падежи объединяли бы самые различные формы. Поэтому как в русском языке формы прямого дополнения *хлеб* и *хлеба* (*купил хлеб*, *купил хлеба*) относят к разным падежам, так и в чувашском языке формы прямого дополнения *кёнеке илтём* и *кёнекене илтём*, а также формы определения *лаша ҫилхи* и *лашан ҫилхи*, имеющие почти одинаковое значение, но отличающиеся друг от друга в отношении определенности и неопределенности предмета, а также отчасти синтаксически (форма *лашан* может быть и дополнением) должны быть отнесены к разным падежам: *лаша* — к основному падежу, *лашан* — к притяжательному, *лашана* — к дательному. Точно также формы *шкул валли* и *шукула валли*, имеющие одно и то же значение, морфологически не тождественны: *шкул* стоит в основном падеже, *шукула* — в дательном.

Формальная примета основного падежа — отсутствие падежного аффикса. Вопросы его:

1) касающиеся всех существительных в роли подлежащего — *кам? мён?* в роли определения — *мён? мёнле?* в роли сказуемого — *мён?* 2) касающиеся только некоторых разрядов существительных: в роли дополнения — *мён?* в роли обстоятельства — *хаҫан? миҫе? мён чухлĕ? хашĕ?* и т. д.

Притяжательный падеж. Примета — аффикс *-ăн(ĕн), -н*. Вопросы: 1) касающиеся всех существительных в роли дополнения и определения — *камăн? мёнĕн?* 2) касающиеся только некоторых разрядов существительных: в роли дополнения — *хашĕн?* в роли обстоятельства — *мёнле? миҫен?* и др. Основное значение — отношение, в том числе принадлежность. Дополнительные значения, связанные с некоторыми разрядами существительных — обозначение качества, количества, меры.

Древний инструментальный падеж давно слился с притяжательным падежом.

Дательно-винительный падеж. Примета — аффикс *-а(е), -на(не)*. Вопросы: 1) касающиеся всех существительных в роли дополнения — *кама? мёне?* 2) касающиеся только некоторых разрядов существительных: в роли дополнения — *хашне? аҫтине? хаҫанхине?* в роли обстоятельства — *аҫта? хаҫана? мён чухле?* и т. д. Основное значение этого падежа, связанное со всеми склоняемыми словами — обозначение предмета, к которому направлено действие. Дополнительные значения, касающиеся только некоторых разрядов слов — обозначение места, времени, количества, цели. Этот падеж можно было бы назвать просто дательным падежом, но для связи с русским винительным мы, по примеру Н. И. Ашмарина, называем дательно-винительным.

В чувашском языке, собственно говоря, имеется два дательно-винительных падежа: дательно-винительный первичный,

образующийся путем присоединения к начальной форме существительного аффикса *-а(е)*, *-на(не)*: *колхоз + а. лаша + на*, и дательного-винительного вторичный, образующийся от притяжательного падежа путем прибавления аффикса *-не*: *колхозан + не, колхозсен + не*. В стабильном учебнике, очевидно, можно ограничиться приведением первичного дательного-винительного падежа.

Что касается формы *варманалла, каçалла*, образующейся от дательного-винительного падежа путем присоединения аффикса *-лла*, то она не является падежной, хотя бы и второго порядка, ибо этот аффикс присоединяется только к небольшой группе существительных, существительные в этой форме не являются дополнением и не отвечают на местоименные вопросы.

Разделение падежной формы на *-а(е)*, *-на(не)* на два падежа (дательный и винительный) несостоятельно и теоретически и практически. Теоретически потому, что оно нарушает одно из основных требований классификации — производить деление до конца по одному и тому же признаку. В чувашских грамматиках шесть падежей выделены по морфологическому признаку, а один (винительный) — по синтаксическому.

Проф. Н. К. Дмитриев, выступая оппонентом при защите В. Г. Егоровым докторской диссертации, правильно отметил эту непоследовательность. „Мы несогласны с автором, когда он отстаивает традиционные для чувашской грамматики термины „винительный и дательный неоформленный“, — сказал он. — Это, конечно, не отдельные падежи, а лишь частные функции основного падежа, не имеющего какого-либо специального аффикса... Автор подменяет падежную систему, в которой каждый член имеет свой специфический аффикс, синтаксическими категориями неопределенности и определенности“ (из стенограммы выступления на заседании Ученого совета Института языкознания 26 апреля 1951 года). Практическая несостоятельность разделения указанной формы на два падежа вытекает из того, что такое разделение затрудняет изучение учащимися чувашского склонения.

В предложениях „*бригадира каланă*“ и „*бригадира мухтанă*“ существительное „*бригадира*“ в обоих случаях имеет одну и ту же форму, является дополнением и отвечает на один и тот же вопрос *кама?* Но учащиеся вынуждаются относить его к разным падежам, ибо в переводе на русский язык первое „*бригадира*“ стоит в дательном падеже (бригадиру), а второе — в винительном (бригадира). Так же поступаем мы и в предложениях типа „*учителе наградă пачёç*“ и „*учителе наградăларёç*“, „*пионерсене салам каланă*“ и „*пионерсене саламланă*“ и т. д. Это обстоятельство без надобности осложняет работу учителей и учащихся.

Говорят, что в чувашском языке между дательным и „винительным“ падежами имеется настолько большая разница, что

объединить их в одном падеже невозможно. Проверим этот довод. Возьмем две пары примеров: 1) *Студента каланā*.—*Урама тухнā*; 2) *Агронома пана*.—*Учителе курнā*. В первой паре существительные *студента* и *урама* стоят в одном и том же падеже—в дательном, во второй паре *агронома* и *учителе* стоят в двух разных падежах: первое—в дательном, второе—в винительном, говорит учебник. Насколько велика разница между двумя падежными значениями в первой паре и между двумя падежами во второй? Существительные *студента* и *урама*, стоящие в одном и том же падеже, отличаются друг от друга как своими значениями (*студента* означает косвенный объект, *урама*—место), так и синтаксической ролью в предложении (*студента*—дополнение, *урама*—обстоятельство), а также вопросами, на которые они отвечают (*кама?*—*а́ста?*). Общее у них только форма. Во второй паре существительные *агронома* и *учителе*, стоящие, по утверждению учебника, в двух разных падежах, имеют одну и ту же форму, отвечают на один и тот же вопрос *кама?* и в предложении являются одним и тем же членом—дополнением. Различаются они только своими значениями. Таким образом, дательный и винительный падежи отличаются друг от друга в меньшей степени, чем отличаются друг от друга различные значения дательного падежа. Если эти далекие друг от друга значения дательного падежа сохраняются в одном падеже, то объединить в одном падеже более близкие друг к другу дательный и винительный падежи вполне можно и нужно.

Выделение винительного падежа не может быть оправдано и тем соображением, что он якобы необходим для параллельного изучения русского винительного. Если бы для изучения грамматических категорий русского языка требовалось представлять их существующими в каждом данном языке и включать в грамматику последнего, то грамматика каждого такого языка превратилась бы в переводную.

Наконец, выдвигается такой курьезный довод: без отдельного винительного падежа, говорят они, учащиеся не смогут научиться мыслить, рассуждать, ибо не будут в состоянии отличать объект от субъекта. Это есть классический пример смешения логического с синтаксическим и синтаксического с морфологическим. Во-первых, неверно, что без ознакомления в синтаксисе с категорией прямого дополнения учащиеся не смогут научиться правильно мыслить, ибо... в нашем учебнике синтаксиса с давних пор отсутствует даже упоминание о прямом дополнении, однако это не отражается на умственных способностях учащихся-чуваш. Во-вторых, неверно, что прямое дополнение может быть передано только винительным падежом, ибо имеются языки (например, грузинский, осетинский и некоторые другие, не говоря уже об английском и др.), где нет

винительного падежа, но которые не испытывают затруднений в передаче прямого дополнения; например, грузинский язык передает его дательным падежом, называя последний дательновинительным, как фактически делаем и мы, когда речь идет об определенном предмете. Неверно также утверждение о том, что в чувашском языке винительный падеж имеет две формы — аффиксную и безаффиксную, что якобы и доказывает наличие его в чувашском языке (здесь опять-таки то, что надлежит доказать, принимается за доказанное и из него делаются выводы). На самом деле не винительный падеж имеет у нас две разные формы, а прямое дополнение передается двумя разными формами, двумя разными падежами: основным, если речь идет о неопределенном предмете, и дательно-винительным, если речь идет об определенном предмете (а в русском языке: выпил воду — вин. п., выпил воды — род. п.) Кроме подлежащего, все члены предложения могут передаваться разными падежными формами, которые, однако, нельзя рассматривать как формы одного падежа только потому, что они в данном случае обслуживают один член предложения.

Таким образом, при новой классификации падежей учащиеся не лишаются возможности передавать прямое дополнение, как наивно думают некоторые, они будут передавать его дательно-винительным или основным падежом в зависимости от характера объекта. Во-вторых, наличие или отсутствие в данном языке винительного падежа не имеет непосредственного отношения к способности людей мыслить и рассуждать.

Следовательно, все возражения против объединения нынешнего винительного и дательного падежей в один дательно-винительный падеж не выдерживают критики. А объединение их без ущерба для грамматики намного облегчит работу и учителей и учащихся.

Местный падеж. Примета — аффикс *-ра (ре), -та (те), -че*. Вопросы: в роли дополнения — *камра? мёнре?* в роли обстоятельства — *аста? хăсан? миçере?* и др. Этот падеж стоит несколько особняком. В этом падеже только те существительные могут являться всегда дополнением, которые обозначают одушевленные предметы. Многие существительные, обозначающие неодушевленные предметы, в местном падеже не отвечают на местоименный вопрос *мёнре?* и не являются дополнением. Например, трудно найти предложения, в которых слова *пуртре, вăрманта, хирте, улăхра* и т. д. выполняли бы роль дополнения. Кроме того, некоторые существительные, например названия дней недели, не употребляются в местном падеже (не говорят *юнкунта, шăматкунта*).

Исходный падеж, по значению противоположный дательно-винительному. Примета — аффикс *-ран (рен), -тан (тен), -чен*.

Вопросы: 1) касающиеся всех существительных в роли дополнения — *камран? мёнрен?* 2) касающиеся только части существительных: в роли дополнения — *хәшёнчен?* в роли обстоятельства — *астан? хаһантан? миһерен? мёншён?* и др. Основное значение — обозначение объекта, сравнения, посредства. Добавочные значения, касающиеся только некоторых разрядов существительных — место, время, качество.

Исходный падеж, очевидно, является падежом вторичным, образующимся от местного падежа путем прибавления аффикса *-н*: *сётелте + н*, *пурса + н*. Но поскольку у нас не выделяются падежи второго порядка, то по традиции можно считать его первичным.

Творительный падеж. Примета — аффикс *-на (не)*. Вопросы: 1) касающиеся всех существительных в роли дополнения — *кампа? мёнпе?* 2) касающиеся только некоторых разрядов существительных: в роли дополнения — *мёнпе? хәшёнпе? миһепе?* в роли обстоятельства — *аһта? хаһан? мён чухлён?* и др. Основное значение, связанное со всеми склоняемыми словами — совместность. Добавочные значения, связанные только с некоторыми разрядами существительных — орудие, средство, место движения, количество.

Этот падеж по происхождению своему послеложный. В тюркских языках его нет, ибо там соответствующий послелог еще не превратился в падежный аффикс и потому пишется отдельно. В чувашском же языке этот послелог вполне превратился в аффикс: предельно сократился, подчиняется как закону гармонии гласных, так и правилам ударения.

Целевой падеж. Примета — аффикс *-шан(шён)*. Вопросы: *камшан? мёншён?* Существительные в этом падеже употребляются только в роли дополнения. Это показывает, что данный падеж более, чем какой-либо другой, может претендовать на название падежа. Целевой падеж чаще всего употребляется в периодической печати. В этом падеже особенно часто встречаются причастия будущего времени на *-и*: *устерессишён*, *вайлатассишён*, *тултарассишён* и т. д. Этот падеж по своему происхождению также является послеложным. В тюркских языках его нет, ибо там соответствующий послелог еще не превратился в аффикс и пишется отдельно. А в чувашском он стал аффиксом: предельно сократился, подчиняется закону гармонии гласных. Поэтому ссылка на то, что такого падежа в тюркских языках нет и что поэтому нельзя выделять его и в чувашском языке, несостоятельно. Люди, говорящие так, во-первых, не считаются с фактами языка, во-вторых, допускают непоследовательность, ибо считают нормальным выделение творительного падежа, в такой же мере послеложного.

Отрицательный падеж, противоположный творительному. В грамматиках некоторых языков (например, коми, финского), а также в грамматике В. Г. Егорова он назван лиши-

тельным, а в некоторых грамматиках (например, удмуртского языка)—отрицательным. Примета его — аффикс *-сар (сёр)*. Вопросы: 1) касающиеся всех существительных в роли дополнения—*камсар? мёнсёр?* 2) касающиеся только некоторых разрядов существительных и числительных—*хаҗанччен? миҗесёр?* и др. Надо помнить, что слово с аффиксом *-сар (сёр)* только в роли дополнения с предметным значением является существительным и стоит в отрицательном падеже, в роли же определения и обстоятельства является или прилагательным или наречием.

Отрицательный падеж в речи употребляется реже, чем все другие падежи. Но это обстоятельство не может служить основанием для исключения его из грамматики языка, как и весьма редкое употребление в речи звука „у“ не может служить основанием для исключения из алфавита буквы „у“. Отрицательный падеж есть факт языка. В нем могут стоять все склоняемые слова.

Необходимо напомнить элементарную истину: надо изучать реальный язык, и надо его изучать таким, какой он есть, независимо от того, развитый он или неразвитый, агглютинативный или флективный, много в нем падежей или их совсем нет и т. д., открывать в нем те и только те категории, которые действительно имеются, и не закрывать глаза на те из них, которые в нем имеются, но отсутствуют в других языках. Каждый язык имеет свою специфику, в том числе свою систему склонения, свои падежи. Напр., в языке коми помимо наших школьных падежей имеются такие: притяжательный, соединительный, лишительный, сравнительный, достигаемый, вступительный, приблизительный, отдалительный, переходный, предельный. В удмуртском языке имеются: приносительный, доносительный, вносительный, проносительный, подлебывательный, внутрибывательный, отрицательный и др. В монгольских языках есть предельный падеж (как наши *каҗчен, праҗникчен, икё сехетчен*) и т. д. и т. д. Если такие падежи в указанных языках действительно имеются, то неразумно было бы требовать отказаться от них.

В каком порядке надо располагать чувашские падежи? По морфологическому признаку их надо располагать в таком порядке: основной, притяжательный, дательно-винительный, местный, исходный, творительный, целевой и отрицательный.

По морфологическому признаку косвенные падежи делятся на три группы:

1) Притяжательный и дательно-винительный падежи, наиболее богатые фонетическими особенностями; при склонении существительных на *-ă(ě)* с одним согласным в середине и *-у(ũ)* основы их в притяжательном и дательно-винительном падежах изменяются одинаково (*тула—туллан, тулла; пуху—пухăван, пухава*).

2) Местный и исходный падежи, в которых существитель-

ные с притяжательными аффиксами второго и третьего лица изменяются одинаково (*кёнеку—кёнекунте, кёнекунтен; кёнеки—кёнекинче, кёнекинчен*).

3) Творительный, целевой и отрицательный падежи, самые простые, по происхождению послеложные, позднейшего образования. Аффиксы этих падежей присоединяются к существительным без изменения их основы, и каждый из этих падежей имеет только два варианта аффиксов (по палатальности).

Частота употребления отдельных групп падежных форм существительных в литературе соответствует указанному выше порядку расположения падежей.

Вот некоторые данные о частоте употребления отдельных групп падежных форм в книгах и газетах (в процентах):

Группы падежей	В сказках (из 419 сущ.)	В „Нарспи“ (из 739 сущ.)	В „Ист. ВКП (б)“ (из 636 сущ.)	В „Ком. явлё“ (1 полоса)
1. Основной	70	62	49	50
2. Прит. + дат.-вин.	19	22	27	32
3. Мест. + исх.	5,8	9,5	17	10
4. Твор. + цел. + отр.	5,2	6,5	7	8
	100	100	100	100

Таким образом, чаще всех употребляется основной падеж, затем идут притяжательный и дательно-винительный, дальше местный и исходный и, наконец, творительный, целевой и отрицательный падежи.

В русском языке существительные, стоящие в каком-либо падеже, больше не изменяются. Только от родительного падежа множественного числа путем прибавления аффикса *-ский* можно образовать прилагательное: *отцовский*. Но так могут образоваться прилагательные только от некоторых существительных. В чувашском же языке, во-первых, от форм притяжательного, местного и отрицательного падежей путем присоединения к ним аффикса *-и* можно образовать притяжательные существительные, которые склоняются по всем падежам; во-вторых, как уже было сказано, от притяжательного падежа образуется дательно-винительный второго порядка.

Помимо этого в чувашском языке имеются слова, образованные от отдельных падежных форм (выписаны из словаря Н. И. Ашмарина):

1) От притяжательного падежа: *вуниккён-тен; саккярән-ла, вуниккён-ле; кашни килён-пе пёрах; пирён ялән-па пёрах.*

2) От дательно-винительного падежа: вәрмана-лла, яла-лла, қаҫа-лла, ҫур хака-лла; қаҫа-лапа; вәрмана-рах, қаҫа-рах; вәрмана-лларахра, вәрмана-рахра, хёвелтухәҫне-рехре; мана-шкал.

3) От местного падежа: пёр ҫёрте-рехре, вәхәтра-лла, пёр ҫёрте-пе пёрах, килте-скер, укҫи кёсийинче-скер.

4) От исходного падежа: ачаран-па, вәхәтран-па, ялтан-скер, килтен-нипе килтен маррине, советран-ни советранах та-ха.

5) От творительного падежа: ҫулпа-рах, қаҫпа-рах, сәмса-па-рах, қаҫпа-рахра.

6) От целевого падежа: сирёншён-не, лашашән-ни, лашашән-скер.

7) От отрицательного падежа: укҫасәр-тан, айәпсәр-па, телей-сёр-шён, телейсёр-е, ёҫсёр-лөх, ёмётсёр-лөх.

Падежные значения некоторых существительных могут передаваться как синтетически, так и аналитически. Например:

Притяж. п.	вәрманән вәрман пек (курәнать).
Дат.-вин. п.	ҫёршыва ҫёршыв ҫине (тапәннә).
Местн. п.	сётелте сётел әшёнче (выртать).
Исходн. п.	сётелтен сётел әшёнчен (кәларнә).
Целев. п.	шкулшән шкул валли (ёҫлет).

В послеложных сочетаниях существительные, как правило, стоят в основном падеже: *сётел* патне, *сётел* патёнче, *сётел* патёнчен, *сётел* валли, *сётел* урлә, *сётел* тәрәх и т. д. В сочетании с „пула“ и „кура“ они ставятся в дательно-винительном падеже, в сочетании с „пуҫне“—в исходном или отрицательном (*сётелтен* пуҫне, *сётелсёр* пуҫне). Сочетание в целом считается стоящим в основном падеже, если его послелог—„неизменяемый“, или в том падеже, в каком стоит послелог, если он является „изменяемым“.

В связи с падежными формами слов встает вопрос: являются ли существительные в позиции определения и обстоятельства существительными же или переходят в другую часть речи—в первом случае в прилагательное, во втором—в наречие, отрываясь от падежной системы? Являются ли, далее, количественные числительные в роли обстоятельства числительными или переходят в наречия? Некоторые чувашоведы, смешивая синтаксический и морфологический принципы, склонны считать существительные в роли определения прилагательными, а в роли обстоятельства—наречиями. Мы вполне согласны с мнением проф. Н. К. Дмитриева, который по поводу сочетаний типа *гуьмуьш сагыат* (серебряные часы) писал: „Такой способ сочетания типичен для кумыкского языка, и если в русском переводе мы здесь имеем явные прилагательные, то нет никакой надобности требовать здесь прилагательных и от кумыкского языка, подгоняя его под чужую типологию:

ведь и там, и здесь мысль выражена та же, и кумыкский язык имеет право пользоваться любым из своих средств (существительным или прилагательным) для ее выражения... Слова *гуьмуш* и *агъач* (в сочетании *агъач арба*—А. И.), разбираемые по частям речи, т. е. в морфологическом плане, для кумыкского языка всегда будут существительными, в какие бы синтаксические комбинации они ни входили. Что же касается синтаксического разбора, то тут нужно сказать, что *гуьмуш* и *агъач* являются определениями, а слова *сагъат* и *арба* определяемыми¹. Точно также и в чувашском языке в сочетании *кёмёл сехет* слово *кёмёл* как член предложения является определением, а как часть речи существительным; в сочетании *совет влащё* слово *совет* как член предложения является определением, как часть речи—существительным.

Сложнее обстоит дело и больше путаницы допускается, когда существительное или количественное числительное выступает в роли обстоятельства. Некоторые считают их в этом случае наречиями. Разберемся в этом вопросе. Возьмем существительное *варман* и сравним его значения, связанные с ролью его в предложении.

Падежи	Дополнение	Обстоятельство
Притяж.	<i>варманан</i> хёрри те курънмасть	<i>варманан</i> курънать
Дат.-вин.	<i>вармана</i> тасатнă	<i>вармана</i> кайнă
Местн.	—	<i>варманта</i> ёслессё
Исх.	<i>вармантан</i> пысăкрах	<i>вармантан</i> тухнă
Твор.	<i>варманпа</i> усă курассё	<i>варманпа</i> пырассё

В левой половине подчеркнутые слова являются дополнением, и мы их без колебаний относим к существительным. В правой половине те же слова стоят в позиции обстоятельства. Значит, падежи тех существительных, которые могут выступать в предложении в роли разных обстоятельств, имеют два параллельных ряда значений—предметных и обстоятельственных. Являются ли подчеркнутые слова правой половины существительными или перешли в наречия? Некоторые думают, что перешли. Если бы это было так, то получилось бы, что 1) наречия имеют полное склонение, 2) только наречия могут выполнять роль обстоятельства и потому всякое слово в роли обстоятельства есть наречие, 3) существительные типа *варман* во всех косвенных падежах являются одновременно и существительными и наречиями. Неправильно

¹ Н. К. Дмитриев, Грамматика кумыкского языка, 1940 г., стр. 69—70.

ни то, ни другое, ни третье. Существительное в роли обстоятельства не переходит механически в наречие. В указанных выше примерах формы слова „вармана“, „варманта“, „вармантан“, „варманпа“ являются формами существительных в роли обстоятельства, не потерявших способности определяться прилагательными.

Особо стоит вопрос о существительных в притяжательном падеже с обстоятельственным значением. Такие слова стоят к наречиям ближе, чем существительные в других косвенных падежах с обстоятельственным значением, ибо они уже не могут определяться прилагательными, как существительные. Но, с другой стороны, они входят в систему склонения существительных с обстоятельственным значением и указанная падежная форма их не может считаться изолированной формой, тем более, что по значению слова типа „варманан“ в выражениях типа „варманан куранать“ равносильны сравнительным оборотам типа „варман пек“. Таким образом, существительные в притяжательном падеже с обстоятельственным значением занимают промежуточное положение между собственно существительными и наречиями. Школьные учебники относят их к наречиям, но можно было бы называть их и существительными, употребленными в значении (функции) наречий.

Рассмотрим теперь случаи употребления количественных числительных в роли обстоятельства. Вот пример:

Падежи	Дополнение	Обстоятельство
Основн.	<i>иккё</i> — мйшърлӓ число	<i>иккё</i> хутланӓ
Притяж.	<i>иккён</i> „хүри“ таталнӓ	<i>иккён</i> ёслессё
Дат.-вин.	<i>икке</i> вице хут устер	<i>икке</i> кайнӓ
Местн.	<i>иккёре</i> икё единица	вӓл <i>иккёре</i> ёнтё
Исх.	<i>иккёрен</i> пёрре кӓлар	<i>иккёрен</i> (иккё пирки) сапла пулнӓ вӓл

Левая колонка не вызывает сомнений; тут числительные остаются числительными. Правая колонка многих путает: некоторые все формы слова „иккё“ относят к наречиям, другие только „иккён“ считают наречием. Если все подчеркнутые слова правой колонки считать наречиями, то опять получится двойственность, ибо числительные во всех падежах одновременно пришлось бы считать и числительными и наречиями. Что касается формы „иккён“, то относительно нее следует сказать так: в отличие от существительных, 1) все количественные числительные в притяжательном падеже могут служить в

предложении обстоятельством; 2) они в роли обстоятельства не теряют свое значение количества. Поэтому форму „иккён“ следует считать формой числительного, а не наречия.

В чувашском языке бесспорно перешли в наречия те существительные, которые представляют собой изолированные падежные формы, например, парные существительные в форме родительного и творительного падежей: *кунён-сёрён, алакан-тёпелён, пăтан-пăтан, кунё-кунёпе* и т. д. Слова типа *тёнчипе, ялёпе, уйахне, кунне* также оторвались от падежной системы, ибо в них аффикс *-и (ё)* потерял значение принадлежности, а также не служит цели выделения.

Таким образом:

1) Каждый язык имеет свою национальную специфику, которую следует изучить в первую очередь.

2) Изучение особенностей чувашского языка показывает, что в нем имеется 8 падежей: основной, притяжательный, дательно-винительный, местный, исходный, творительный, целевой и отрицательный, которые по морфологическому признаку должны располагаться именно в таком порядке.

3) Объединение именительного, неоформленного родительного и неоформленного винительного в один падеж—в основной и ликвидация несуществующего в чувашском языке винительного падежа намногое облегчит работу учителей и учащихся.

4) Основным значением каждого падежа, касающимся всех существительных, является предметность. Слова с таким значением отвечают на местоименный вопрос *кам-мён, камăн-мёнён* и т. д. Обстоятельственные значения являются добавочными, связанными только с отдельными разрядами существительных.

5) Употребление существительных в роли определения или обстоятельства не превращает их механически в прилагательное или наречие.

6) Местный и отрицательный падежи имеют особенность, заключающуюся в том, что существительные, обозначающие неодушевленные предметы, в местном падеже большей частью являются не дополнениями, а обстоятельствами, во-вторых, некоторые существительные совсем не употребляются в местном падеже; слова с аффиксом *-сар (сёр)* только в позиции дополнения являются существительными и стоят в отрицательном падеже.

7) В чувашском языке возможно образование новых слов от падежных форм существительных.

8) Некоторые падежные значения передаются и синтетически и аналитически.

*Е. В. ВЛАДИМИРОВ,
кандидат педагогических наук*

Н. А. НЕКРАСОВ И ЧУВАШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вопрос о связях между русской и чувашской литературой является мало изученной областью в советском литературоведении. Имеющиеся статьи чувашских литературоведов свидетельствуют об огромном интересе чувашских писателей творчеством русских писателей, но, несмотря на это, вопрос остается неизученным. В настоящей статье мы делаем скромную попытку показать идейно-творческую связь чувашских поэтов и писателей с одним из крупнейших представителей классической русской литературы XIX века Н. А. Некрасовым.

Изучение этого вопроса очень важно для выяснения роли русской литературы, в частности, роли Н. А. Некрасова в развитии литературы малых народов. Но этот вопрос может быть понят только при рассмотрении его в связи с состоянием хозяйственного и культурного развития чувашского народа в прошлом. Исходя из этого, мы считаем нужным взглянуть на прошлое чувашского народа, на ход его исторического развития.

Четыре столетия тому назад судьба чувашского народа тесно связалась с судьбой русского народа. Это было связано с присоединением территории Чувашии к Русскому государству и ростом значения русского государства в деле экономического и культурного развития малых народов. Присоединение чувашского края к Русскому государству, завершившееся в период царствования Ивана IV, сыграло исключительно прогрессивную роль в судьбе чувашского народа. Находясь под игом монголо-татарских ханов и феодалов, чуваша испытывали с их стороны не только всевозможные издевательства и оскорбления, но лишились всех условий для развития своего хозяйства и культуры, своего языка и литературы. Поэтому чуваша обратили свое внимание на великого своего соседа—русский народ, в котором видели своего освободителя.

В чувашском устном народном творчестве сохранилось сказание „Сарри-Батыр“, где говорится о насилии татарских ханов и тяготении чуваш к русскому народу. Сказание говорит о том, что давным-давно жил чуваш Сарри. У него была красавица—дочь. Ханские разбойники увели ее в плен. Собрал

отряд, Сарри настигает разбойников на переправе через Суру и освобождает дочь. Против Сарри хан посылает новый отряд. Тогда Сарри обращается за помощью к русскому князю Василию III и предлагает ему свои услуги в борьбе против казанского татарского хана. Князь Василий оказывает помощь Сарри и его отряду.

Видя в русском народе своего покровителя и освободителя, чувашки оказывали активное содействие Ивану IV в его борьбе против Казанского ханства.

Присоединив Среднее Поволжье, населенное чувашами, татарами, марийцами, мордвой, царское правительство, однако, стало проводить колонизаторскую политику. Чувашский народ оставался зависимым; освобожденный от ига татарских ханов, он попал в зависимость от русского царизма. Поэтому, выражая свое недовольство политикой царского самодержавия, он вместе с русским крестьянством стал активно участвовать в борьбе против царя и помещиков в период крестьянских выступлений под руководством Ивана Болотникова, Степана Разина и Емельяна Пугачева. Но в борьбе с царским правительством и помещиками облегчить свое положение ему не удавалось. Голод и нищета, бесправие и надругательства царских чиновников были постоянными спутниками его жизни. Таким образом, в течение многих веков чувашский народ влачил жалкое существование. Считавшийся в прошлом народом „без рода и без племени“, он испытывал двойной гнет—классовый и национальный. Не имея своей письменности, чувашский народ не сумел сохранить многие памятники своей культуры. Царское правительство стремилось держать его вечно в темноте, препятствовало проникновению в его среду культуры, особенно передовой русской культуры. Один из царских чиновников, работавший по „просвещению“ народов Поволжья, в письме министру Победоносцеву, определяя задачи „иностранческой“ школы, писал: „Для нас вот что подходяще было бы: чтобы инородец в русском разговоре путался и краснел, писал бы по-русски с порядочным количеством ошибок, трусил бы не только губернатора, но и всякого столоначальника“¹. А другой из таких же чиновников, председатель Козмодемьянской земской управы, в ответ на постановление Ядринского земства отпечатать для местного населения на чувашском языке книги светского содержания нагло заявил: „Книжки на чувашском языке развивают только сепаратизм и самомнение, крайне несимпатичное и даже вредное... Чувашской культуры не бывало и не будет“².

Эти примеры достаточно ярко свидетельствуют о стремлении

¹ Цитируем по книге „В братской семье народов СССР“ (Сборник к 30-летию Чувашской АССР), Чебоксары, 19:0 г., стр. 135.

² „Казанская газета“, № 15 от 13 апреля 1903 г.

царского правительства держать чувашский народ в невежестве, подавлять его культурные начинания.

На территории нынешней Чувашии и Татарии еще в XVI—XVIII веках имелись школы, созданные для обучения „инородцев“. Однако эти школы имели целью не распространение передовой русской культуры среди чувашского и других народов Поволжья, а были орудием колонизаторской политики царского самодержавия.

Чувашское слово, зачатки культуры чувашского народа преследовались всюду, народ боялся открыто выражать свои мысли, петь свои песни, показывать свое творчество в искусстве. О запуганности чувашского народа преследованиями царских чиновников лучше всего говорят слова русского этнографа В. Мошкова: „Из числа всех инородцев чуваша, как мне кажется, самый музыкальный или наиболее любящий музыку народ... Передавая мне свои песни, они прежде всего хлопотали о том, чтобы их не услышал кто-нибудь. Даже и в безопасном для этого месте они ежеминутно озирались, не подслушивают ли их, и старались петь как можно тише“¹.

В неизмеримо трудных исторических условиях жизни, вероятно, и родилась грустная народная поговорка: „Чувашскую книгу корова съела“.

Однако многовековое пребывание чувашского народа под всевозможным гнетом не убило его желания пробиться к свету, иметь свою письменность, культуру и искусство. Об этом свидетельствует самоотверженность отдельных представителей чувашского народа в желании получить образование. В начале XIX века один из сыновей чувашского народа Н. Я. Бичурин (Иакинф) самостоятельным путем добился высшего образования, стал всемирно-известным востоковедом. Позднее из чуваш выдвинулся писатель, историк и этнограф С. М. Михайлов, который в своих статьях разоблачал взгляды буржуазных ученых на чувашский народ. Во второй половине XIX века выдвинулся И. Я. Яковлев (1848—1930 гг.), с именем которого связано начало просвещения чуваш.

До появления чувашской письменности и литературы о чувашах писали прогрессивные деятели русской литературы и искусства. Но они не могли дать полного представления о подлинном лице этого народа. Из общественно-политических деятелей и писателей конца XVIII и первой половины XIX века о чувашах писали А. Н. Радищев, А. С. Пушкин, С. Т. Аксаков, Т. Г. Шевченко, А. И. Герцен. А. Н. Радищев, проезжая по территории Чувашии, около Козловки увидел множество

¹ В. Мошков. Музыка чувашских песен. Известия об-ва археологии, истории, этнографии при Императорском Казанском университете, том XI, вып. 1, 1893 г., стр. 81—82.

хлебных амбаров и в своем дневнике записал: „Близость чуваш и черемис их строит. Сих простаков обманывают“¹.

В этих немногих словах революционера-демократа А. Н. Радищева выражено глубокое сочувствие чувашскому народу. Слова А. С. Пушкина о чувашах говорят о свободолюбии чувашского народа, об общности интересов его с русским народом в борьбе против своих угнетателей. В пропущенной главе из повести „Капитанская дочка“ А. С. Пушкин писал: „Вдруг луна вышла из-за облака и озарила зрелище ужасное. К нам навстречу плыла виселица, утвержденная на плоту—три тела висели на перекладине. Болезненное любопытство овладело мною. Я захотел взглянуть на лица висельников. По моему приказанию гребцы зацепили плот багром, и лодка моя толкнулась о пловучую виселицу. Я вспрыгнул и очутился между ужасными столбами. Полная луна озаряла обезображенные лица несчастных. Один из них был старый чуваш, другой заводской русский крестьянин, сильный и здоровый малый лет двадцати. Но взглянув на третьего, я сильно был поражен и не мог удержаться от жалобного восклицания...“

О чувашах упоминают в своих произведениях Л. Н. Толстой, Н. К. Гарин-Михайловский, М. Горький и др. В середине и во второй половине XIX столетия усиливается интерес к чувашам, к „затерянному краю“, как назвал один из русских писателей свое произведение, посвященное чувашам².

Появились этнографические работы В. Сбоева, А. А. Фукс и др. Были записаны отдельные произведения чувашского народного творчества; стали писать произведения на сюжет из чувашской жизни Н. К. Гарин-Михайловский („Зора“) и Н. Д. Телешов („Сухая беда“) и др. Что же привлекало русских писателей в чувашской жизни? Прежде всего—непосредственность и цельность натуры чуваш, искренность и доверчивость в их взаимоотношениях, близость к природе. Писателями руководило гуманное желание облегчить жизнь трудящихся масс чувашского народа, вызвать в читателях сочувствие и симпатию к этому маленькому народу.

Образы чуваш широко показываются в произведениях русских советских писателей, где представители чувашского народа, наравне и вместе в русском народом защищают свое социалистическое отечество, строят коммунизм.

Благодаря мудрой национальной политике Коммунистической партии народы бывшей царской России, угнетенные в прошлом, в условиях советской власти получили все необходимые условия для развития своей экономики, культуры, литературы, искусства. Литература народов СССР развивается при тесном

¹ А. Н. Радищев. Избранные сочинения, стр. 749, изд. 1949 г.

² О. Миртов (О. З. Копылева) (1875—1940), автор романов „Мертвая высь“, „Помещики“, повестей и рассказов „Художник“, „Затерянные края“, „Вольные“ и др.

взаимодействии и взаимовлиянии, обогащая друг друга. Многонациональная советская литература представляет колоссальное богатство, входящее в общую сокровищницу мировой культуры. „Советские люди считают,—говорил И. В. Сталин,—что каждая нация,—все равно—большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее“¹.

Светлые лучи Октября развеяли тьму, которая держала в плену свободолюбивый дух чувашского народа, и осветили ему дорогу к счастливой и вольной жизни. При постоянной заботе Коммунистической партии и Советского правительства и всесторонней помощи великого русского народа чувашский народ строит свою культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию.

Благотворное воздействие передовой русской культуры на культуру и литературу народов СССР общеизвестно. Об этом свидетельствуют многочисленные высказывания деятелей культуры различных национальностей, входящих в СССР. Еще в годы черной реакции 80-х годов XIX столетия казахский просветитель и мыслитель Абай Кунанбаев, познакомившись при содействии представителей прогрессивной русской интеллигенции с произведениями классиков русской литературы А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого и других, призывал: „Изучай культуру и искусство русских — это ключ к жизни“.

Руководящую роль русской литературы на пути прогресса утверждал великий грузинский писатель Илья Чавчавадзе, к постоянной дружбе с русским народом звал свой народ татарский поэт Габдулла Тукай:

Нам издавна другом был русский народ,
И разве конец этой дружбе придет?

О единстве исторических судеб русского и чувашского народов чувашский просветитель И. Я. Яковлев говорил: „Наши восточные „инородцы“, вкрапленные между русским населением, должны быть историческим спутником русского народа. Как огромное мировое тело, русский народ движется по своей исторической орбите, увлекая за собой ряд этих более мелких тел. Горе и радости русского народа их (чуваш, татар, марийцев и др. — Е. В.) горе и радости, его будущее — их будущее, его счастье — их счастье...“².

¹ И. В. Сталин. Речь на обеде в честь финляндской правительственной делегации, 7 апреля 1948 года, „Правда“, 1948 г., 13 апреля, № 104.

² И. Я. Яковлев. Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы. Симбирск, 1908, стр. 5.

Велико значение демократической русской культуры в пробуждении народных масс в борьбе за свою свободу и независимость. Это знали великий украинский поэт Тарас Шевченко, белорусский поэт Янка Купала, армянские поэты Ованес Туманян и Микаэл Налбандян, чувашский поэт Константин Иванов и др.

Несмотря на препятствия со стороны царских сатрапов помешать культурному общению малых народов с русским народом, несмотря на натравливание одного народа на другой, народные массы находили общий язык для выражения своих чувств и переживаний, общались друг с другом.

Бытование среди чувашского народа своеобразной вариации былины об Илье Муромце¹, исторических песен о Степане Разине, Емельяне Пугачеве и др. как нельзя лучше подтверждает сказанное нами.

Проникновение русской культуры в чувашскую среду значительно усилилось в связи с реформами 60-х годов. После утверждения в 1864 году „Положения о начальных народных училищах“ существующие школы среди чуваш „теряют свой прежний утилитарный характер, обусловленный административными видами (приготовление писарей) и становятся школой собственно образовательной“². Растет сеть школ.

Появление письменности и открытие школ на территории современной Чувашской республики после реформ 60-х годов расширяло возможность приобщения чувашского народа к русской литературе, отдельные представители народа потянулись к учению. И тут русская литература, культура и искусство явились для них неисчерпаемым источником как для собственного духовного роста, так и средством повышения культурного уровня народных масс путем ознакомления их в первую очередь с богатствами русской литературы. Так появляются переводы мелких произведений Л. Толстого, Некрасова, Крылова, Кольцова и других русских писателей на чувашском языке. Зачинатели чувашской литературы И. Я. Яковлев, М. Ф. Федоров, К. В. Иванов правильно понимали роль переводной русской книги на чувашском языке. Переводя произведения русских писателей, они знакомили родной народ с жизнью русского народа, с его высокой культурой, помогали уяснению того, что у русского народа также имелись враги в лице помещиков, капиталистов и кулаков, что трудовые массы русского народа также терпят унижение и обиды от своих врагов. Подтверждением того, что зачинатели чувашской литературы стояли на правильном пути, может явиться письмо

¹ В. Магницкий, Материалы к объяснению старой чувашской веры, стр. 251 — 253, Казань, 1881.

² П. О. Афанасьев, Школы среди инородцев Казанского края. Журнал МНП, 1913, декабрь, стр. 24.

А. М. Горького, написанное им в 1929 году из Сорренто работникам издательства Чувашии: „Искренне обрадован тем, что книги мои переводятся на язык чуваш. Мне кажется, что литература всего легче и лучше знакомит народ с народом. Это не есть суждение профессионала, влюбленного в свое дело,— это вывод из моих наблюдений за 40 лет сознательной жизни моей. Вывод этот подтверждается тем, что нигде в западно-европейских странах не переводится так много книг с чужих языков, как у нас в Союзе советских республик. Поэтому русский грамотный человек знает о жизни европейских народов несравненно больше, чем эти народы знают и знали о России и о племенах, издревне живущих среди русских людей“¹.

Источниками, которые вдохновляли творческую деятельность первых чувашских писателей, были устное творчество чувашского и литература русского народов. Каким образом проникала русская литература в среду чувашского народа?

Первостепенную роль в этом деле сыграли школы, где учителя знакомили детей с Пушкиным, Крыловым, Лермонтовым, Аксаковым и другими русскими писателями, произведения которых в отрывках помещались в учебных книгах и пособиях, предназначенных для сельских школ. Оригинальная и переводная художественная русская литература, хотя и в ограниченном количестве, но доходила и до библиотек чувашских сельских училищ.

Зарождение оригинальной чувашской литературы относится к концу второй половины XIX века. Первыми творцами ее были люди, связанные с работой в переводческой комиссии и сельские учителя.

Одним из первых чувашских писателей был просветитель И. Я. Яковлев, в течение полувека „работавший над национальным подъемом чуваш“². Будучи на посту инспектора чувашских школ Казанского учебного округа и непосредственно руководя своим детищем — Симбирской чувашской школой, И. Я. Яковлев много сделал для распространения светского образования среди чувашского народа, для приобщения его к передовой русской литературе: „Я, родясь в среде этих мирных и добрых людей и рано испытавший их горькую участь, — писал И. Я. Яковлев в 1870 году, — не мог оставаться равнодушным к их судьбе и к их будущности...

Сельская школа научила и воспитала меня..., а последующие обстоятельства сделали меня русским — и я горжусь этим именем, несколько не гнушаясь однако именем чувашина и не забывая своего происхождения... Любя Россию и веруя в

¹ Газета „Красная Чувашия“, № 102, 1946 г.

² Ленинский сборник, т. XXI, стр. 264.

ее великую будущность, я от души желал бы, чтобы чувашки были просвещенными...¹

Помимо чисто педагогической работы И. Я. Яковлев занимался также и литературой: писал нравоучительные, юмористические и бытовые рассказы малой формы, напоминающие по своей форме рассказы Льва Толстого и К. Д. Ушинского, широко развернул переводческую деятельность, привлекая к этой работе даже своих учеников.

Оригинальные рассказы и переводы И. Я. Яковлева помещались в букваре для чуваш, считавшейся единственной светской книгой на чувашском языке в конце XIX века. В „Букваре для чуваш с присоединением русской азбуки“ (Симбирск, 1900 г.) И. Я. Яковлева помещено первое стихотворение Н. А. Некрасова, переведенное на чувашский язык без указания автора. Это было стихотворение „У людей-то в дому — чистота, лепота“, относящееся к циклу „Песен“, написанных в 1866 году. И. Я. Яковлев мечтал с помощью своих учеников заняться переводом книг классиков русской литературы. 11 апреля 1908 года в письме к Н. И. Ашмарину² он писал: „Посылаю Вам 2 экземпляра только что напечатанной брошюры на чувашском языке „Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“ и др. стихотворения М. Ю. Лермонтова“. Покорнейше прошу Вас внимательно прочитать эту брошюру, а затем сообщить мне Ваше откровенное мнение о нашей новой попытке переводить на чувашский язык классические русские произведения. Это есть первый опыт... наших воспитанников: К. Иванова“³.

Яковлев и его ученики переводят еще несколько стихотворений Лермонтова, Крылова, Пушкина, В. А. Жуковского, Н. А. Некрасова. Кроме упомянутого стихотворения Некрасова, как записанное в 1903 году в народе произведение, значится перевод отрывка „Рубка леса“ из поэмы „Саша“. Классик чувашской литературы К. В. Иванов перевел два отрывка из поэмы „Кому на Руси жить хорошо“.

Интерес чувашских поэтов дореволюционной поры к поэзии Н. А. Некрасова был очень велик. Но как бы ни велик был этот интерес, как ни стремились чувашские поэты нести идеи Некрасова в народ, в условиях дореволюционной России очень незначительные произведения великого поэта, переведенные на чувашский язык, могли увидеть свет.

Только после Октябрьской революции трудящиеся Чувашии получили полную возможность широкого знакомства с произ-

¹ И. Я. Яковлев. Материалы к истории Симбирской чувашской школы, Симбирск, 1915 г., стр. 4—5.

² Н. И. Ашмарин (1870—1933)—профессор, чл.-корреспондент Академии наук СССР — исследователь чувашского языка.

³ К. В. Иванов. „Стихи“. Чебоксары, 1948 г., стр. 112.

ведениями Н. А. Некрасова. Благодаря переводческой деятельности чувашских советских поэтов, чувашский народ читает великие творения Некрасова на родном языке.

Так, в 1923—1924 годах, в газетах и журнале „Сунтал“ („Наковальня“) появляются произведения Некрасова „Забывшая деревня“, „Дедушка“, переведенные поэтом С. Фоминым. Он же начал перевод поэмы „Кому на Руси жить хорошо“. Позднее появились „Рубка леса“ и „Малютка мужичок“ в переводе Н. И. Полоруссова-Шелеби. В 1933 году, к 60-летию со дня смерти великого поэта, были переведены и изданы на чувашском языке поэмы „Кому на Руси жить хорошо“, „Железная дорога“ и стихотворение „Несжатая полоса“. В 1939 году отдельной книгой вышло стихотворение „Генерал Топтыгин“ в переводе М. Юрева.

В последнее время переведены на чувашский язык стихотворения поэта „Родина“, „На Волге“, „Орина — мать солдатская“, „Рыцарь на час“, „Размышления у парадного подъезда“ и др. К 125-летию со дня рождения Н. А. Некрасова Чувашгиз издал сборник стихотворений поэта на чувашском языке. Над переводами произведений Н. А. Некрасова плодотворно работают поэты А. Алга, А. Эсхель, Н. Евстафьев и др.

Оправдались пророческие слова великого поэта-демократа Н. А. Некрасова, что со временем его песни дойдут и до жителей Волги и Камы:

Уступит свету мрак упрямый,
Услышишь песенку свою
Над Волгой, над Окой, над Камой...

Действительно стихи и песни Некрасова теперь распевают и русские, и чуваша, и марийцы, и татары и многие другие народы великого Советского Союза.

* * *

Роль русской литературы в развитии чувашской литературы и искусства чрезвычайно велика. Каждое значительное явление в чувашской литературе обнаруживает воздействие на него русской литературы, каждый писатель и поэт рос и развивался под непосредственным влиянием классической русской литературы. Только что зарождающаяся литература не могла быть иной, у нее не было другого учителя и воспитателя, чем русская литература. Для значительной чувашской литературы русская литература являлась не только источником идейного вдохновения, но и образцом в достижении и овладении формами литературного мастерства. Идеи патриотизма, гуманизма и освобождения, которые ставились и разрешались в русской литературе XIX века, отвечали кровным

интересам трудовых масс чувашского народа, веками томившихся под гнетом. Это обстоятельство толкало чувашских писателей к поискам ответа на жизненные вопросы именно в русской литературе.

На развитие чувашской литературы особенно сильное влияние оказали Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Горький и др. Демократическая направленность их поэзии, сочувствие униженным и обиженным, правдивость изображения жизни была созвучна с интересами и стремлениями чувашских поэтов. Реалистическая по содержанию и высокохудожественная по форме русская литература прошлого века стала для чувашских литераторов настоящей школой мастерства. Они учились у классиков русской литературы меткости и благозвучию языка, яркости и правдивости изображения событий и характеров, приемам использования устного народного творчества в своих оригинальных произведениях.

Приемы Н. А. Некрасова в использовании элементов устного народного творчества, например, имелись у зачинателя чувашской поэзии М. Федорова. Федоров с большим усердием читал и изучал русскую литературу, которая побудила его к самостоятельной творческой деятельности. Его баллада „Леший“ („Арсюри“) была первым произведением значительного размера в дореволюционной чувашской литературе. Написанная в конце 70-х годов, она увидела свет только в 1908 году¹. В балладе М. Ф. Федоров убедительно и с большим мастерством показывает жизнь чувашских крестьян, их темноту и забитость. Будучи учителем и непосредственно общаясь с трудящимися крестьянами, Федоров хорошо знал чувашскую жизнь последней трети XIX века. Его творчество своими корнями уходит в гущу народной жизни, является отражением этой жизни. По остроте обличительных мотивов поэзия Федорова следовала за революционером-демократом Н. А. Некрасовым. Широко используя, как и Некрасов, устное творчество народа, Федоров правдиво и без прикрас показал жизнь и быт чувашской деревни.

В манере изображения жизни народа Федоров также во многом перекликается с Н. А. Некрасовым. В своей поэме „Кому на Руси жить хорошо“ Некрасов изображает тяжелую жизнь вахлаков, дошедших до отчаяния от нужды и голода. Это сходство отмечает также чувашский литературовед М. Я. Сироткин. „Вахлаки из поэмы „Кому на Руси жить хорошо“ —

Досыта не едавшие,
Не солоно хлебавшие,
Которых вместо барина

¹ Баллада „Арсюри“ („Леший“) была напечатана в сборнике „Сказки и предания чуваш“, 1908 г., Симбирск.

Драть будет волостной,
С которым голод стукнуться
Грозит: засуха долгая...“,

доведенные до отчаяния нуждой и голодом и покинувшие родную деревню, живо напоминают нам крестьян-бедняков из баллады „Арсюри“ („Леший“), тяжелая и безрадостная жизнь которых дана в тех же тонах:

Все, ведь, бедность заставляет
И по людям нас гоняет.
Нет куска — идешь к соседу,
Просишь в займ пудовку хлеба.
А приходится в подчас
(Как и водится у нас) —

Чтобы подати внести —
И хушпу¹ в заклад нести.
Землю исполу сдаем,
Озимь с корня продаем,
А потом нужда приходит
И с сумой по миру водит“².

Следуя опыту поэтов-классиков русской литературы А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова, Федоров перенял у них и литературные формы. Так, он ввел в чувашскую литературу жанр баллады. В этом жанре он, как и Некрасов, острие своей сатиры направлял против ненавистного царского строя, узаконявшего эксплуатацию человека человеком.

Стремление Федорова учиться у таких корифеев русской литературы, как Пушкин и Некрасов, говорит о широте замысла зачинателя чувашской реалистической поэзии. Он учился у Пушкина и Некрасова меткости и яркости фраз, следуя некрасовскому завещанию, „чтобы словам было тесно, мыслям — просторно“, он учился у них мастерству изображения жизни, показу психологических переживаний героев-персонажей. Многие стихи его баллады вошли в качестве поговорок и пословиц в устное творчество народа. Используя в своей балладе „Леший“ устное творчество народа, он, как Некрасов, посвятил свое произведение народу. Стремясь сделать его понятным народу, Федоров широко пользовался народными выражениями, пословицами, поговорками и сказаниями народа. Элементы народного творчества, как и у Некрасова, гармонически сочетаются со словами автора и образуют единую ткань баллады.

¹ Х у ш п у — старинный парадный головной убор чувашских замужних женщин, украшенный серебряными монетами.

² Газета „Красная Чувашия“, № 242, 7 декабря 1946 г.

Изображая с большим сочувствием крестьян-тружеников с их желаниями лучше устроить свою жизнь, Федоров раскрывает глаза читателю на действительное положение чувашской деревни, вызывает в народе мысль и желание бороться с несправедливостью. Получив распространение в списках, баллада Федорова „Арсюри“ („Леший“) нашла широкий отклик в народе еще в 80-х годах XIX века.

В годы первой русской революции чувашская литература значительно усилилась, выдвинулся целый ряд писателей, смело изобразивших социальные противоречия в чувашской деревне. В эти годы начали свою литературную деятельность Полоруссов-Шелеби, К. В. Иванов, Т. С. Семенов (Таэр Тимки), М. Ф. Акимов, С. С. Сорокин и др. Революционным пафосом борьбы за лучшую жизнь полны произведения Т. С. Семенова (Таэр Тимки), Полоруссова-Шелеби и др. Поэт Т. С. Семенов в духе Н. А. Некрасова выражал веру в силы народа, в его светлое будущее. Лирика Некрасова вдохновляла Т. С. Семенова на создание произведений, полных любви к простому, обездоленному народу и ненависти к угнетателям, господствующим классам. Т. С. Семенов в своих произведениях выразил жгучую ненависть к тем, кто пользовался трудом бедняка-крестьянина, он открыто призывал сбросить этих дармоедов и построить новую жизнь, свободную от эксплуататоров.

Любовь и ненависть — вот основные мотивы поэзии Семенова Т. С., мотивы, которые определяли поэзию поэта-демократа Н. А. Некрасова. Т. С. Семенов писал о тяжелой доле трудящихся, их бедствиях, страданиях. Подневольная жизнь народа вызывала в нем симпатии к нему и ненависть к сытым и богатым, виновникам всех бедствий трудового народа. С некрасовской любовью обращается он к народу:

Зачем, народ мой трудовой,
Ты эту тяжесть носишь?
Зачем горючею слезой
Сырую землю мочишь?
(„Дума“, пер. М. Я. Сироткина).

Революционно-демократическая поэзия поэтов 60—70-х годов оказала благотворное влияние на формирование и развитие мировоззрения Т. С. Семенова. Поэзия Т. С. Семенова основана на традициях русских поэтов-шестидесятников и, в первую очередь, традициях Н. А. Некрасова. Н. А. Некрасов, веря в силы народа, восклицал:

Довольно! Окончен с прошедшим расчет,
Окончен расчет с господином!
Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином...

Семенов Т. С. (Таэр), следуя традициям Некрасова, призывы к борьбе с врагами трудового народа выражал более решительно, ясно. В годы первой русской революции, когда под ударами рабочих и крестьян пошатнулись устои монархии, он горячо и открыто звал народ к борьбе с царизмом, с господами-эксплуататорами:

Довольно мучиться, страдать!
Сбирайтесь воедино!
Всех дармоедов сбросим с плеч,
Чтоб жить без них отныне.

(Пер. М. Я. Сироткина).

Некрасовские ноты чувствуются также в оценке представителей господствующего класса, в показе их отношений к трудовому народу. Как и Некрасов, Таэр показывает безразличное отношение представителей господствующего класса к судьбе народа. И оценка Семенова, данная эксплуататорам, совпадает с оценкой Некрасова.

„Но сытым людям не понять
Людей голодных стона,
Избы холодной не согреть
Тоскливым жаром горя“.

(Перевод М. Я. Сироткина).

Эти слова Т. С. Семенова напоминают обращение Некрасова к вельможе („Размышления у парадного подъезда“).

Приведенные примеры из произведений Т. С. Семенова свидетельствуют о наличии в них мотивов Н. А. Некрасова и развитии традиций гражданской лирики поэта революционной демократии в новых условиях, в условиях последней стадии капитализма, в период революционной ломки старого строя.

Видеях революционно-демократической литературы 60-х—70-х годов находил источник вдохновения также известный сатирик чувашской литературы М. Ф. Акимов, пришедший в литературу вместе с революционным подъемом 1905—07 годов. В обличении паразитизма и лицемерия представителей господствующих классов М. Ф. Акимов показал себя последовательным демократом, защитником униженных и обиженных. Он пишет в эти годы памфлеты, очерки и фельетоны, которые по меткости обличения обнаруживают в нем ученика Гоголя, Некрасова, Салтыкова-Щедрина и Чехова. Историк чувашской

литературы М. Я. Сироткин отмечает в памфлете М. Ф. Акимовъ „Удивительно“ некрасовскую тему противопоставления армии тружеников кучке тунеядцев. Подобно некрасовскому крестьянину, выражающему свое глубокое негодование по поводу обездоленности народных масс словами:

Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди: стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!—

герой памфлета М. Ф. Акимова говорит: „И лен и посконь сею сам; мочу, толку и молочу; сам мну, пряду да сам и тку. С овец я шерсть снимаю сам, сам и пряду и сукна тку. Посмотришь около себя — костюмы бар глаза рябят, попы в добротных сукнах ходят. Лишь только я разут, раздет. В изодранный сухман¹ одет: на рукавах локтей уже нет. Удивительно“² (перевод М. Я. Сироткина). Дерзкий разговор крестьянина Семена с помещиком (новелла „Шутка“) напоминает разговор Агапа с помещиком Утятиным в поэме Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“. В 900-е годы многие крестьяне уже начинают понимать, откуда идет зло и кто является виновником их страданий, но у них нехватает еще организованности и единства действий в борьбе со своими врагами. У крестьянина Семена во время весеннего сева пала лошадь. Денег у него на покупку новой нет. Семен просит денег у соседнего помещика. Помещик был богат, но скуп. Он отказывает крестьянину. Крестьянин высказывает все свои обиды на помещика и на помещичий класс:

„— Какие же подвиги вы совершили? Ходили с ружьем? Или против врага шли с мечом в руках? Нет. Никаких подвигов на войнах вы не совершили. Да и сейчас такие баре, как вы, ничего не делают на войнах, а почести действительно достаются им. Ваши подвиги в умении воровать. Чем заслужил ваш Куропаткин славу? Почему это Стесселя восхваляет весь мир? Много они денег поворовали. Поэтому, видно, и почести все и слава вся им досталась! Третесь вы с давних пор около царей, да обманом и насилием и землю у крестьян всю себе забрали. Когда же это вы воевали? Чья кровь льётся на войнах? Это наша кровь течёт.

— Не кричи! Вон откуда! Ты, червь земной, невежда, смеешь ещё со мной разговаривать?..

— Вот ты меня обзываешь невеждой. Кто же в этом виноват? Вы виноваты. Вы для своих детей открыли разные гимназии и училища. А нам и начальные школы открывать запре-

¹ Сухман — кафтан.

² Газета „Красная Чувашия“, № 242, 1946 г.

щаете. Не ставьте нам вину, что мы неучи. В этом виновны вы. Отбираете народные деньги, да нас же и упрекаете. Да и какое кому пойдет ученье на ум, если мы голодны?

— Кто же заставляет тебя быть голодным? Трудись. Не пьянствуй.

— И не совестно вам рассуждать так? Это вы лодыри на весь мир. Да и пьёте вы больше нас. Если бы на свои средства... А, ведь, за даровые деньги, на то, что добыто нашим кровавым потом! (Пер. М. Я. Сироткина).

В словах крестьянина мы ясно видим сознание его права на равную жизнь, что он такой же человек, что и господин, что только имущественное неравенство заставляет одних властвовать над другими. Таков Агап Некрасова, который твёрдо убежден, что он больше не крепостной, а свободный человек и, защищая своё достоинство, отвечает на ругательство помещика:

„Ах шут ты, шут гороховый!
Нишкни! да и пошёл!
Досталось тут Последышу
За дедов и за прадедов,
Не только за себя.
Известно, гневу нашему
Дай волю! Брань господская,
Что жало комариное,
Мужицкая — обух!
Опешил барин! Легче бы
Стоять ему под пулями,
Под каменным дождём!
Опешили и сродники,
Бабёнки были бросились
К Агапу с уговорами,
Так он вскричал: убью!..
„Что брага раскуражились
Подонки из поганого
Корыта... Цыц! Нишкни!
Крестьянских душ владение
Покончено. Последыш ты!
Последыш ты! По милости
Мужицкой нашей глупости
Сегодня ты начальствуешь,
А завтра мы Последышу
Пинка — и кончен бал!
Иди домой, похаживай,
Поджавши хвост, по горницам,
А нас оставь! Нишкни!“

Исключительно большое и направляющее влияние творчества поэта революционно-крестьянской демократии Н. А. Некрасова испытывал другой чувашский поэт, современник Т. С. Семенова и М. Ф. Акимова, Н. И. Полоруссов-Шелеби. Не будет преувеличением, если сказать, что Н. И. Полоруссов-Шелеби рос на творчестве Н. А. Некрасова, вдохновлялся его идеями и оттачивался от созданных Некрасовым образов.

Ещё в ранний период своей деятельности Н. И. Полоруссов-Шелеби сделал вольный перевод отрывка „Рубка леса“ из поэмы Некрасова „Саша“. Шелеби не придерживается текста Некрасова, он даёт героине произведения другое имя — Лас-точка, но содержание и смысл некрасовского текста остаются те же. Он же переводит стихотворение Н. А. Некрасова „Мужичок с ноготок“.

Живя в деревне и сам лично занимаясь крестьянским трудом, Полоруссов-Шелеби хорошо знал жизнь дореволюционной чувашской деревни. Все его помыслы и действия в эти годы были направлены на улучшение положения крестьянина, на поиски путей для выхода из нужды, из рабски-полунищенского состояния. Основная тема его произведений в дореволюционное время — это события сельской жизни, жизнь чувашских крестьян. По тематике своей поэзии Полоруссов-Шелеби перекликался с творчеством Н. А. Некрасова, и общность тематики определила особый интерес чувашского поэта к поэзии Некрасова, в которой судьбе русского крестьянина уделено исключительное внимание. Поэтому у нас есть основание думать, что именно поэзия Некрасова и произведения революционных демократов Н. Г. Чернышевского и Добролюбова явились для Полоруссова-Шелеби настоящей школой. Гуманизм великого русского поэта, его участие в судьбе русского народа были настолько созвучны с интересами и стремлениями Полоруссова-Шелеби, что он сам начинает писать в духе Некрасова. Некрасовские мотивы наблюдаются во многих произведениях Полоруссова-Шелеби, написанных в начале своей поэтической деятельности. В своём первом стихотворении „Россия“, построенном на приёме контрастов, Шелеби даёт противоречивые картины жизни царской России. С одной стороны, он показывает высокомерие, паразитизм, жестокость охранителей самодержавного строя, несчётное богатство России, которое принадлежит богатым царским сатрапам, с другой стороны, — заботность и бесправие, нищету и обездоленность трудовых масс.

Трудовой народ нищает,
Боже мой,
От бесхлебья вымирает,
Милуй бог.
А они собак разводят,

Боже мой,
Калачом и хлебом кормят,
Милуй бог!
У Россиюшки родимой,
Боже мой,
Хлеба невидаль родится,
Милуй бог!
В городах и сёлах нищих,
Боже мой,
Счёту нет голодным, нищим,
Милуй бог!
Знатно наше государство,
Боже мой,
Счёту нет у нас богатству,
Милуй бог!
В городах товаров разных,
Боже мой,
Не вмещается в лабазы,
Милуй бог!
Бедняки ж в одежде рваной,
Боже мой,
Ходят босы, ходят драны,
Милуй бог!
(„Россия“ пер. М. Я. Сироткина).

В этом стихотворении Полоруссов-Шелеби со всей ненавистью обрушивается на тех, кто является владельцем этих несчетных богатств России, по вине которых страдает трудовой народ, живёт впроголодь, ночует на улицах. Это удивительное стихотворение по своей силе обличения существующих порядков царской России стоит рядом с произведениями Некрасова и Салтыкова-Щедрина. В нём слышатся стоны некрасовских мужиков, „под телегой ночующих в степи“, в нём видим бюрократов, „господ-ташкентцев“ Салтыкова-Щедрина.

Противоречивость изображенной жизни России в стихотворении Полоруссова-Шелеби „Россия“ живо напоминает нам известные стихи Некрасова:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная
Матушка-Русь.

Как отмечает М. Я. Сироткин, „Россия“ с подобранным к ней незатейливым мотивом, сходным с мотивом русской народной сатирической песни „У попа рукава“ распространилась среди крестьянской молодежи Чистопольского уезда, приобрела

популярность и превратилась в народную песню¹. Стихотворение Н. И. Полоруссова-Шелеби „Россия“ увидело свет только после Октябрьской революции.

Большой знаток деревни, Полоруссов-Шелеби внимательно следил за изменениями в ее жизни. Мастерской кистью он рисует образ разбогатевшего деревенского кулака Васянка в одноименном стихотворении. Васянка — представитель обуржуазившейся деревенской верхушки, его сила в деньгах, которые он копит новыми методами. Васянка, не знающий ни в чем недостатка, заставляет работать всех на себя. Этот кулак-миродоед ссужает всех с готовностью до определенного времени, а, когда наступает время расплаты, он безжалостно поступает со всеми, кто ему должен. Так сосет он кровь своих односельчан. Образ Васянка удивительно близок Некрасовскому Науму („Горе старого Наума“). В разоблачении представителей зарождающейся буржуазии явно сказывается следование Полоруссова-Шелеби традициям поэта-демократа Некрасова. Некрасов в образе Наума и Полоруссов-Шелеби в образе Васянка показывают развитие капиталистических отношений в деревне, возникновение сельской буржуазии, которая окончательно закабаляет крестьян и выжимает из них последние соки. Стихи Н. А. Некрасова:

Задаром сняв клочок земли,
Крестьянину с охотой
В нужде ссужает он рубли,
А тот плати работой —
Так обращен нагой пустырь
В картофельное поле...

Созвучны со стихами Полоруссова-Шелеби.

Не гнушаясь бедняком,
Крепко всем он „помогает“,
И деньгами и зерном
Всех с готовностью ссужает,
А когда приспее время
И расплаты час настанет,
То не ждите сожаленья:
Вдвое выплатить заставит.

(Пер. М. Я. Сироткина).

Полоруссов-Шелеби, как и Некрасов, изображая кулак-миродоеда Васянка, показывает трудящимся массам его врага на новом этапе, с которым им придется бороться для завоевания свободной и независимой жизни.

Огромное влияние передовой русской литературы испытал

¹ М. Я. Сироткин. Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чебоксары, 1948 г., стр. 170.

на себе классик чувашской литературы, создатель чувашского литературного языка Константин Васильевич Иванов (1890—1915). Молодой и энергичный Константин Иванов очень рано познакомился с русской литературой и, познакомившись с ней, с головой ушёл в неё. Во время учёбы в Симбирской чувашской школе Константин Иванов читал книги А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, А. В. Кольцова, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и Л. Н. Толстого.

Кроме книг русских писателей, он знакомится также с произведениями классиков мировой литературы — Шекспира, Гёте, Гейне и др. Произведения великих писателей вдохновляли молодого Иванова пробовать свои силы на литературном поприще. Литературная деятельность Иванова началась в годы революции 1905—1907 годов. В это время, подражая содержанию и форме русских народных песен, он пишет стихи „Пробуждайтесь, поднимайтесь“, „Дубинушка“, в которых выразил призыв к борьбе за свободу. Затем переводит поэму Лермонтова „Песня про купца Калашникова“, стихотворения „Узник“, „Волны и люди“, „Парус“, „Чаша жизни“, „Горные вершины“, „Утёс“, „Ангел“. К. Иванов при переводе этих произведений сохранил силу выразительности лермонтовского стиха, не искажая смысла стихотворения.

В чувашской литературе они бытуют как прекрасные образцы переводческой работы, служа примером для переводчиков.

Ко времени написания своей оригинальной поэмы „Нарспи“ (1908 г.) К. Иванов был уже широко осведомлён в русской и мировой литературе. Освободительные и патриотические идеи произведений Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Чернышевского, Добролюбова, А. Островского и других писателей в новых условиях общественного и исторического развития находят дальнейшее развитие в произведениях чувашского поэта К. В. Иванова, именно в его бессмертном произведении „Нарспи“. В течение всего XIX века в русской литературе ставилась проблема эмансипации женщины, и к разрешению этой проблемы в различных исторических условиях великие классики подходили по-разному. Великие гуманисты-классики русской литературы не могли оставаться безучастными к скорбной судьбе русской крестьянки. Изображая ее тяжелое и несправное положение в семье и обществе, они вызывали в лучших людях эпохи внимание к ее судьбе, требовали для нее равного положения с мужчиной в семейной и общественной жизни, защищали ее человеческое достоинство. Эти идеи русской литературы находят отклик в пылком сердце талантливого юноши Константина Иванова.

Как истинный гуманист, К. Иванов выступает защитником достоинства женщины как человека, показывает ее тяжелую долю в условиях дореволюционного чувашского быта, вызывая

тем самым сочувствие к ней и призывая к участию в ее судьбе. Эти идеи К. Иванова свидетельствуют о близости его взглядов на женщину со взглядами Некрасова, Чернышевского, Добролюбова, Островского и Горького.

Благородные образы русских женщин в произведениях Некрасова и Островского вдохновили Константина Иванова на создание образа чувашской девушки Нарспи, воплотившей в себе все лучшее, сильное и прекрасное. Непокорность Нарспи судьбе, стремление быть независимой, верность любимому человеку, искренность в отношениях с людьми и решительность в своих действиях ставят ее в один ряд с некрасовскими женщинами Матреной Тимофеевной, декабристками Трубецкой и Волконской. В годы первой русской революции и в период создания поэмы „Нарспи“ К. Иванова особенно привлекали сильные образы Некрасова, Лермонтова и Горького, и нет сомнения, что образы, созданные русскими писателями, не могли не быть образцами для создания мужественных образов поэмы. Плодотворное влияние на творчество Иванова оказали Пушкин, Лермонтов, Кольцов, Некрасов, Шевченко и Горький. Пушкин захватил Иванова изумительной правдой своего творчества и красотой художественного слова, Лермонтов — демонической силой отрицания существующего порядка жизни, Кольцов и Некрасов — простотой и народной мудростью, Шевченко — защитой угнетенного и несправедливого народа, особенно женщины. Любовь К. Иванова к униженным перекликается с великой любовью Горького к затоптанному официальной литературой эпохи империализма — человеку-творцу¹.

Константина Иванова роднит с Пушкиным и Некрасовым страстная любовь к родине, к родной природе, обращение к устному творчеству народа, связь с народом, стремление помочь закабаленному народу облегчить его тяжелую судьбу. Как и великих классиков, устное народное творчество побуждает Иванова к созданию эпических произведений на доступном народу языке. Переработав сюжеты народных сказок, К. Иванов создает оригинальные произведения, в которых ставит острые вопросы современности, бичует косность и рутину в быту и поведении людей. К таким произведениям относятся „Вдова“, „Железная мялка“, „Две девушки“. На Константина Иванова оказал влияние также творческий метод классиков русской литературы.

Воздействие на К. В. Иванова творческого метода Н. А. Некрасова, примененного при создании поэмы „Кому на Руси жить хорошо“, открыло перед чувашским поэтом широкие возможности. Подобно Некрасову, Константин Иванов с большим усердием принимается за изучение народного языка, за

¹ И. Н. Сутягин. К. В. Иванов — основоположник и классик чувашской литературы. Чувашгосиздат, Чебоксары, 1946, стр. 11—12.

собрание устного творчества народа. Вместе с тем он учится у Некрасова его творческим приемам. В поэме „Нарспи“, в классическом произведении чувашской литературы, Константин Иванов уже сам пользуется творческим методом Некрасова. Так, К. Иванов вводит в поэму заклинания, народные песни, пословицы и поговорки, которые по удивительному сочетанию со словами автора напоминают произведение Некрасова, его поэму „Кому на Руси жить хорошо“.

Как и у Некрасова, народные песни и сказки в переработке Иванова приобретают социальную значимость, силу и идейную целеустремленность.

Увлечение Иванова творчеством Н. А. Некрасова, а именно его поэмой „Кому на Руси жить хорошо“ видно из того, что Константин Иванов имел серьезное намерение перевести великую поэму на чувашский язык. Однако, болезнь и преждевременная смерть не дали ему осуществить его благородный замысел: он успел перевести лишь два отрывка из поэмы: отрывок из „Пролога“ и песню „Голодная“.

Константин Иванов близок к Некрасову также и в приемах описания природы родного края.

К. В. Иванов всю свою яркую и полную трагедий жизнь посвятил борьбе за право человека на свободную от притеснений жизнь. Отстаивая человеческое достоинство незащищенных маленьких людей, он обратил внимание современников на тяжелую участь чувашской женщины, томившейся в плену социальных законов, религиозных и моральных предрассудков. В тяжелые годы реакции после революции 1905—1907 годов он провозглашает человека владыкой мира:

Нет сильнее человека
В целом мире никого:
Он хозяин здесь от века
Суша, воды—все его.
(Пер. Б. Иринина).

Такая оценка человеку, данная Ивановым в годы реакции, в период, по выражению М. Горького, позорного десятилетия в истории русской интеллигенции, сама по себе говорит о революционности взглядов К. В. Иванова, выступившего в защиту человека именно в эти тяжелые годы, что свидетельствует о его высоком гуманизме и, наконец, это говорит о здоровом начале молодой чувашской литературы, развивавшейся под влиянием идей революционных демократов Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Некрасова и основоположника социалистического реализма М. Горького. Гуманизм К. В. Иванова солидарен с гуманизмом М. Горького. К. В. Иванов был сыном своей эпохи, он шагал в ногу с жизнью, в своих бессмертных произведениях поднимал злободневные вопросы.

В эти тяжелые годы, следуя прогрессивным традициям русской литературы, К. В. Иванов призывал народ к революционной борьбе. Иванов тесно связан был с интересами народа. В годы революции 1905 года он переводит на чувашский язык революционную песню „Песня о 19 февраля 1861 года“. В переводе этой песни Иванов не строго придерживается оригинала, а изменяет ее содержание сообразно условиям и применительно к чувашской действительности:

Вставай на борьбу
С господами, иди,
Голодный чувашский народ!
Пусть гнев твой
Сильней разгорится в груди—
Вперед, вперед, вперед!
(Пер. В. Алатырцева).

Тяжелое положение народа в условиях царизма Иванов показывает не только в оригинальных произведениях, он специально для этой цели прибегает к переводу произведений русских писателей. Причем, переводит не целиком произведение, а отдельные места из него, содержание которых наиболее соответствует для характеристики и обличения действительности. Так он переводит стихотворение А. В. Кольцова „Дуют ветры, ветры буйные“. Из данного стихотворения К. Иванов переводит то место, где рисуется картина суровой погоды, темной ночи. В передаче К. В. Иванова на чувашском языке интимно-лирическое стихотворение Кольцова получает яркую социальную окраску — темная ночь уподобляется темному царству периода реакции, символически передает тяжелую жизнь народа. Пользуясь этим же методом, он переводит из Некрасова отрывок „Голодная“ (из поэмы „Кому на Руси жить хорошо“).

Русская литература XIX века для чувашского поэта Константина Иванова была богатым источником в выборе форм и средств борьбы с ненавистными ему общественными порядками старой России. В разрешении злободневных, острых вопросов современной действительности поэт всегда обращался к помощи русской литературы.

Однако при всем этом Константин Иванов обращается к русской литературе не для перепева известных сюжетов и мотивов, не просто подражает ей, а пользуется ею для развития в новых условиях общественного развития ее великих традиций. Несмотря на любовное следование образцам русской литературы XIX века, Константин Иванов остается самобытным чувашским поэтом, его произведения полны национального колорита, выраженного как в содержании, так и в форме.

Под благотворным влиянием русской литературы, а именно

революционно-демократической поэзии, начал свою литературную деятельность зачинатель чувашской советской поэзии Михаил Сеспель. В небольшом по объему наследии пламенного певца мы обнаруживаем творческое следование традициям революционно-демократической поэзии 60-х годов, в частности, Н. А. Некрасова и традициям основоположника русской советской литературы А. М. Горького. Творческая деятельность этих двух писателей для Сеселя стала образцом служения народу, и в своей деятельности он следует их примеру. Обращаясь к произведениям классиков русской литературы, Сеспель не пытался перепевать стихи Некрасова и других поэтов, он старался усвоить основные идеи, революционный пафос их творчества. Сеспель, как и Некрасов, ратовал за высокое назначение искусства служить народу. В условиях советского строя он создает образ нового поэта, который, по взглядам М. Сеселя, всегда должен быть тесно связан с народом.

Некрасовский лозунг:

„Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан...“

поэт развивает в новых условиях, в годы становления и укрепления советской власти в нашей стране. Вот каким он видит идеал нового поэта:

Море, море, песней мщенья,
Что встает до облаков,
Грозным гулом возмущенья
Выви сердце из оков.
Напой скорей дыханье
Мощью, движущей суда,
Влажным ветром расстоянья,
Беспокойного всегда.
Чтоб, твои вздыхая шири,
Он, поэт, от всей души
Славил утро в новом мире
Песней, зреющей в тиши.
Пусть он сделает свободу
Солнцем сердца—
И, как все,
Пашет землю,
А в погоду
Косит сено по росе.
А, когда ему придется
Пить на свадьбе пиво-мед,—
Пусть он пляшет,
Пусть смеется,
И со всеми в лад поет!
(Пер. А. Ойслендера).

Сеспель сам был пламенным поэтом-гражданином, всей душой горел за процветание чувашского народа, за благополучие и счастье в прошлом униженных и обиженных людей. „Вместе с пролетариатом я почувствовал себя властелином жизни. С тех пор мое сознание ясно. Мысли могучи. Я—коммунист“,¹—писал он в своем дневнике.

Слова Некрасова:

Будь гражданин! Служа искусству,
На благо ближнего живи...

стали девизом жизни и деятельности чувашского поэта Михаила Сеспеля, посвятившего всю свою короткую и богатую жизнь гражданскому служению народу.

В отношении изображения горькой участи женщины-крестьянки дореволюционной поры Михаил Сеспель также перекликается с поэтом-демократом Н. А. Некрасовым. Их связывает здесь активное участие в судьбе крестьянки, сочувствие к ее тяжелому положению и искреннее желание освободить ее из-под неволи. Если Н. А. Некрасов искренне желал увидеть женщину-крестьянку свободной от векового рабства, то Сеспель радуется, видя чувашскую женщину освобожденной, он призывает ее включиться в строительство новой жизни, убеждает, что она теперь равная в семье и обществе с мужчиной человек. Развивая взгляды Некрасова на женщину, М. Сеспель в новых условиях разрешает женский вопрос по-новому:

Неспроста чуваш воскликнул:

„Человек я тоже!“

Он увидел край родимый,

Словно в сказке, ожил.

Пусть забудутся, чувашка,

И твои печали,

Чтобы радости и счастья

Дни тебя встречали.

Встаньте, женщины! отныне

Вы равны со всеми.

Люди вы! Не проводите

У печей все время.

Хватит жить рабыней, стыдно

Быть прислугой мужней!

За великую свободу

Встаньте смело, дружно.

(„Чувашка“, пер. П. Хузангая)

¹ М. К. Сеспель. Стихи, Чебоксары, 1928 г., стр. 44.

Молодая чувашская литература развивалась под непосредственным влиянием прогрессивной литературы великого русского народа и литературы братских народов. Чувашские писатели для выражения нового содержания искали новых форм и средств. Они не хотели быть национально-ограниченными, эти новые формы выражения нового содержания они ищут не только в русской литературе, но и в литературе братских народов СССР.

До Октябрьской революции в чувашской литературе бытовал только семисложный силлабический стих. Поэт М. К. Сеспель, тщательно изучив чувашский язык и его говоры, обосновал полную возможность перехода чувашской поэзии к силлабо-тонической метрике. Свое теоретическое положение („Стихосложение и правила ударения“) он подтверждает практически: пишет стихи ямбом, хореем, анапестом, амфибрахией.

Силлабо-тонический стих отвечал благозвучию и красоте чувашского языка, и теперь он прочно завоевал себе право на бытование. Чувашская литература растет и обогащается, творчески заимствуя и развивая все лучшее, что создано литературой братских народов, ей чужда национальная ограниченность, она сама является частью интернациональной культуры. „Интернационализм в искусстве рождается не на основе умаления и обеднения национального искусства. Наоборот, интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину—означает потерять руководящую линию, потерять свое лицо, стать безродными космополитами“¹,—говорил А. А. Жданов на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б).

В течение полвека чувашская литература достаточно обогатилась, окрепла, и чуваша теперь с гордостью могут сказать, что у них тоже есть литература, у них тоже есть мастера. Исторический ход развития литературы подтвердил слова Горького: „Если у нас в прошлом—гигант Пушкин, отсюда еще не значит, что армяне, грузины, татары, украинцы и прочие племена не способны дать величайших мастеров литературы, музыки, живописи, зодчества“².

Современные чувашские поэты не перестают учиться у русских писателей-классиков, образы и идеи русской литературы XIX века находят дальнейшее развитие в произведениях чувашских писателей.

Поэт Иван Ивник в сказке „Путь к счастью“ продолжил некрасовскую идею искания счастья. По своему сюжетно-композиционному плану и по решению основной идеи произведе-

¹ А. Жданов. Вступительная речь и выступление на совещании деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б) в январе 1948 г., Госполитиздат, 1952 г., стр. 20.

² А. М. Горький. Доклад на I съезде ССП, сб. О литературе, Москва, 1937 г., стр. 467.

ние Ивана Ивника напоминает поэму Н. А. Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“.

Содержание произведения Ив. Ивника таково. У престарелых стариков родился сын, которому дали имя Энтри. Подросший Энтри видит, что плохо живется народу, нет ему счастья в жизни. Надеясь найти счастья, он отправляется в путь. На пути он видит столб, на котором написано:

Пойдешь направо—
Медведя встретишь,
Пойдешь налево—
Орла увидишь.

Энтри идет налево. Дорога приводит его в лес. Здесь он видит Орла. Орел обращается к нему с вопросом: куда он держит путь. Узнав, что Энтри отправился на поиски счастья, Орел дает ему в руки дубину для завоевания счастья. Энтри на своем пути встречает медведя, волка и лису, под которыми нужно подразумевать царя, барина и кулака, убивает их по совету Орла, затем возвращается домой и видит: новые дома поднялись в деревне, на полях работает трактор, в избах горит электричество. Настоящее счастье Энтри находит в колхозе.

В творчестве И. Ивника имеется много тем, перекликающихся с некрасовскими темами, но к их творческому разрешению чувашский поэт подходит сообразно новым условиям жизни. Такой темой, например, является изображение народа в труде, так часто встречающееся в произведениях Н. А. Некрасова. Вспомним сцены труда из поэмы Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“, в частности, рассказ Якимы Нагого, стихотворение „В полном разгаре страда деревенская“, поэму „Железная дорога“ и другие произведения, в которых описывается труд народа, для того, чтобы представить, как тяжело жилось народу в прошлом, как безрадостен и бесплоден был его труд. Если Н. А. Некрасов в своих произведениях отражал тяжелую жизнь трудового крестьянства, его горе и страдание, то в творчестве чувашского поэта тема труда передана в светлых тонах, в противоположном освещении. От каждой строки чувашского поэта веет радостью свободного труда. Поэт показывает, как свободный труд вдохновляет людей на подвиги. Вместо некрасовских стонов здесь труд сопровождают веселые песни, труд не утомляет вольного человека, а умножает его силы.

И. Ивник, как и Некрасов, посвятил много стихов Волге. Однако, Волга рисуется двумя поэтами различных эпох по-разному: если Некрасов мог слышать на Волге только стон народа, видеть эксплуатацию трудового человека, то поэт советской эпохи И. Ивник видит на Волге движение белых пароходов,

Бесконечно счастливых людей, слышит радостные песни.
Прав был Н. А. Некрасов, веря в будущее Волги:

Иных времен, иных картин
Провижу я начало
В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков
Народ неустомимый
Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине
Суда-гиганты побегут
Несчётною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

Стихи чувашского поэта „На широкой Волге“, „Волга утром“ и др., перекликаясь с некрасовскими стихами о Волге, звучат как бы ответом, подтверждением предвидений великого поэта:

Волны мчатся к берегам цветущим
И плывёт, как лебедь, пароход:
Бесконечно счастливо живущим
Горы счастья с радостью он шлёт¹.
(„Волга утром“).

В одно время с Иваном Ивником идею искания счастья в аналогичном же плане поставил и разрешил другой чувашский поэт Яков Ухсай в „Сказке о счастье“. Влияние идей великого поэта-демократа Н. А. Некрасова на Ив. Ивника и Якова Ухсая в период создания вышеназванных произведений можно объяснить еще таким обстоятельством, что создание ими этих произведений относится к 1937 — 1938 годам, когда в связи с 60-летием со дня смерти великого русского поэта Некрасова усилился среди чувашских писателей интерес к его поэзии. В эти годы на чувашском языке в массовом масштабе появляются произведения Некрасова, в том числе и поэма „Кому на Руси жить хорошо“ (пролог).

В годы Великой Отечественной войны поэт Уйп Мишши написал поэму „Солдатская мать“, которую можно рассматривать как антитезу поэме Некрасова „Орина—мать солдатская“. Орина и мать Кузюка, героиня поэмы Уйп Мишши, переживают смерть единственных любимых сыновей. У той и у другой

¹ Авторизованный перевод наш.—Е. В.

большое горе, но различна их судьба. Кузюк погиб на фронте; защищая родину, но его мать-старуха не остается одна: ее посещают соседи, знакомые, которые утешают ее в горе, помогают в работе и, наконец, друзья его сына, четыре солдата, просят считать себя ее сыновьями. Советские люди не оставляют одинокую старуху в беде, ласками и участием облегчают ее горе. Не такова судьба Орины, солдатской матери, показанной Некрасовым. Одна она после смерти сына остается со своим горем, одна доживает свой век. Чувашский поэт Уйп Мишши, отталкиваясь от образа Некрасова, показывает совершенно иную судьбу матери советского солдата в ее горе, подчеркивая тем самым красоту и благородство советских людей.

С идеями Некрасова перекликаются в своих произведениях также чувашские поэты С. Фомин, С. Эльгер, А. Эсхель и др.

Русская литература, в лице своих прогрессивных деятелей, оказала благотворное влияние на формирование и развитие чувашской литературы. В период ее зарождения передовая русская литература являлась для нее образцом, лучшим учителем, на ее образцах чувашские писатели учились мастерству, питались ее прогрессивными идеями. Особенно могучим и действенным было влияние Некрасова и Горького.

Идеи революционных демократов Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, творчество вождя поэтов-шестидесятников Н. А. Некрасова и поборника свободы, основоположника советской литературы А. М. Горького оказывали на молодую чувашскую литературу направляющее влияние. Трудно найти такого писателя в чувашской литературе дореволюционного периода, на которого хоть сколько-нибудь не оказал бы влияние Некрасов. Идеи Некрасова были особенно близкими для чувашских писателей, поэтому в его творчестве они всегда находили созвучное своим чувствам и желаниям. Творчество Н. А. Некрасова захватило чувашских писателей периода первой русской революции своим демократизмом, своей страстной любовью к народу, своей ненавистью к тунеядцам, сосавшим кровь трудового народа. Эти мотивы великого русского поэта находят дальнейшее развитие в молодой чувашской литературе, получая в ней специфическую национальную окраску по духу времени.

Н. Ф. ДАНИЛОВ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТЕКСТЕ ПОЭМЫ К. В. ИВАНОВА „НАРСПИ“

I

Известно, что поэма К. В. Иванова „Нарспи“ уже несколько раз переводилась на русский язык. Но людей, хорошо знающих эту поэму с давних лет, ни один из вариантов упомянутых переводов удовлетворять не мог, т. к. они, слышавшие эту поэму еще в 1910—1920-ые годы, улавливали в переводах, помимо прочего, непривычные и искаженные слова и выражения. Объясняется это, повидимому, тем, что подстрочные переводы для русских изданий делали не с издания, вышедшего при жизни автора, а с позднейших изданий. Напр., 211 и 212 строки поэмы они привыкли слышать по первому изданию так: „Е хултӑрчӗ тытат те, ҫипне тьет ҫӗррине“ („То скальницу берет в руки и нитки наматывает на цевку“). Во всех же изданиях после 1921 г. (см. библиографию) редакторы, неверно осмысливая чувашское омонимическое слово „ҫӗрӗ“, перепутали цевку с кольцом и стали писать: „... ҫипне тирет ҫӗррине“ („...и нитку стала вдевать в кольцо“).

269-ю строку поэмы слышали они прежде как „Ҫинҫе хӑҫан ҫитӗ-ши?“, а в изданиях последних лет с 1935 г. эта строка читается как „Ҫимӗк хӑҫан ҫитӗ-ши?“ т. е. спутали два разных праздника чуваш. 870-ую строку поэмы они привыкли воспринимать так: „Нарспи ялтах вӑранат (вмиг проснулась)“, теперь же (опять с 1935 г.) печатается: „Нарспи йӑлтах вӑранчӗ (совсем проснулась)“. 981 и 982-ые несколько шуточные строки поэмы они помнят так: „Кунта туя турӑмӑр, ӗнтӗ киле тарас, тет“, а теперь с 1940 года печатается так: „...Ӗнтӗ киле каяс, тет“, благодаря чему шутка оказывается совсем отброшенной. И, наконец, 1449 строку они читали так: „—Яшка тутлӑ-ҫке паян“; в издании же 1951 г. разница этой строки в сравнении с 1451-й строкой уничтожена и она печатается так: „—Яшка тутлӑ, ҫи ларса!“ Кроме того слово „шӑрт“ в 715-й строке поэмы переводчиками понималось как „щетина“. Научный сотрудник Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории тов. Ро-

манов Н. Р. на основе этнографических материалов о чувашах это слово толкует как „резец, чертец сабана“ (деревянного плуга). На основе всего этого вполне обоснованно встал вопрос о новом подстрочном переводе поэмы К. В. Иванова, с выверкой текста по первому, симбирскому изданию 1908 г., прижизненному автору.

И, действительно, проверка текста „Нарспи“ в издании последних лет, кроме подтверждения сомнений изустных знатоков текста „Нарспи“, выявила несколько новых поразительных отступлений от текста поэмы издания 1908 г.

Так, до 1935 г. портрет Сэтнера во второй главе поэмы рисовался следующим образом:

Чипер ача Сетнерён
Пёр урахамах лаши пур,
Ватӑ карчӑк амӑш пур,
Вёри юнӑ чёри пур,
Икё вӑйлӑ алли пур и т. д.

А в издании 1935 г. перед последней из приведенных строк появилась новая: „Пуян ёсне ёсleme“. Впоследствии с 1947 г. добавочная строка заменилась следующей: „Кунён-сёрён ёсleme“. Таким образом во второй главе поэмы вместо 159 строк стало полных 160 строк. Вполне возможно, что из-под пера К. В. Иванова вторая глава также вышла в количестве 160 строк и недостающая строка по какой-либо причине выпала при редактировании первого издания. Но отсюда едва ли следовала задача дополнить недостающую строку по воле редакторов при каждом новом издании в новом варианте. Скорее всего следовала задача направить внимание на поиски рукописи поэмы, которая, возможно, сохранилась по сей день.

Кстати, по поводу внешней формы поэмы „Нарспи“ вообще можно, видимо, высказать следующее предположение: даже из поверхностного наблюдения над формой поэмы видно, что К. В. Иванов писал свою поэму, размещая отдельные картины и эпизоды в правильные двенадцатистроочные строфы. Строфы, в которых количество строк строго выдерживается, что особенно заметно в первой и 11 главах, во всех изданиях вплоть до последнего времени отделяются друг от друга разными способами (линейками, звездочками или пустой строкой). Но где количество строк в строфе недостает до кратного двадцати, эти строфы соединяются вместе, чтобы нарушение строфики не бросалось в глаза. Так сделано во второй главе с пятой и шестой строфами; в четвертой—со второй, третьей, четвертой и пятой строфами; в пятой—со второй и третьей и далее—с четвертой и остальными строфами; в шестой главе—с шестой и седьмой строфами и т. д.

Поэтому, из-за неполноты многих строф, количества строк

в отдельных главах остались не кратными двадцати. Так, в упомянутой уже второй главе оказывается всего 159 строк, в четвертой главе осталось лишь 104 строки, вместо 120; в пятой—112 строк, в шестой—138, в восьмой—152, в девятой и двенадцатой—по 116 строк. Таким образом, во всей поэме не достаёт 43 строк. И если в поэме по изданию 1908 года насчитывается 2077 строк, то можно с большим вероятием предполагать, что из под пера К. В. Иванова поэма вышла в количестве не менее 2120 строк.

Своеобразие строфики в поэме „Нарспи“ было уже замечено исследователем языка поэмы К. В. Иванова, доктором филологических наук С. П. Горским, и, по аналогии с онегинской строфой из 14 стихов, строфы „Нарспи“ из 20 стихов им условно названы „строфой поэмы „Нарспи“¹.

Вернемся к примерам искажения текста. В 13-ой главе поэмы, где описывается встреча Нарспи с родителями в домике Сэтнера, первая реплика Нарспи, обращенная к отцу (1831—1834 строки поэмы), излагалась в первых изданиях следующим образом:

Эй, аттеçём, çамрăк чун
Мёншён патăр хёрёре?
Пуянлăхра анчах мар,
Ыр курасси çыннинче...

В изданиях же после 1935 года эти строки печатаются так:

Эй, аттеçём, пурнăç мар
Савман каччă килёнче...
Пуянлăхра анчах мар
Ыр курасси,—çыннинче...

Как бедно читателю, в первых двух строках данного четверостишия изменено почти все, включая и знаки препинания. По какой причине? Непредубежденному читателю ясно, что в издании 1908 г. в первой строке данного отрывка несомненно допущенна какая-то ошибка, т. к. если фразу „çамрăк чун“ (молодая душа) рассматривать как обращение Нарспи к отцу, то она должна бы завершиться запятой. В данном случае запятой нет. Да и по смыслу эту форму трудно отнести к старику Михэдеру. Повидимому этим объясняется решение редактора издания 1935 г. изменить текст первых двух строк. Но измененный текст настолько далек от оригинала, что он безусловно не может быть приписан автору „Нарспи“.

Кроме этих крупных искажений, встречаются искажения

¹ Сборник „К. В. Иванов“. Материалы юбилейных торжеств, посвященных пятидесятилетию со дня рождения поэта (1890—1940), Чувашигиз, 1941 г.

более мелкие, тем не менее значительно меняющие мысли автора поэмы или ухудшающие его язык. Так, следующую же строку после только что упомянутой реплики Нарспи, где начинается речь матери, автор по принятой в те годы орфографии написал было следующим образом: „Йе, йе, усал, ытлаши ан кар ёнтё саварна“. Встречающееся здесь междометие „йе“ следовало бы передать по существующей орфографии без полугласного „й“, а редакторы издания 1940 года, возможно по ошибке, передали его через „э“ и огрубили язык автора.

Ну это, скажем, небольшое искажение: внимательные читатели разберутся в ошибке редакторов. Но встречаются изменения, заключающиеся лишь в одном звуке или знаке препинания, и в этих случаях разобраться в изменении оттенка мысли автора становится совсем не легко. Так, 55—56 строки третьей главы поэмы автор изложил было следующим образом: „Аяккаллах ку ялтан вёсёттём те кайяттәм“. В следующих изданиях, начиная с 1935 года, усиленный аффикс „х“ в наречии „аяккалла“ стало пропускаться, и восторженные чувства Сэтнера оказываются частично ослабленными.

В главах четвертой и шестой поэмы в картинах свадьбы встречаются следующие почти тождественные строки:

*Ака̄ туй та ака̄ туй,
Пирён туйсем с̄аплалла!*

Набранная здесь курсивом строка в шестой главе дается в чуть измененной форме:

*Ака̄ туй та с̄ака̄ туй,
Пысак̄ туй та п̄асак̄ туй!*

Различие этих строк в смысловом отношении заключается в том, что в первом случае на примере данной свадьбы высказывается суждение о свадьбах этих деревень вообще. А во втором случае подчеркивается, что речь идет только о данной конкретной свадьбе. Поэтому автор вполне сознательно употребил в первом случае указательную частицу „ака̄“, во втором—указательное местоимение „с̄ака̄“. В последних же изданиях с 1947 года,—то ли по недосмотру, то ли по недопониманию редакторов,—такое различие в стихах ликвидировано, и в обоих стало „с̄ака̄“.

В 109—110 строках седьмой главы поэмы автор писал так:

*Ам̄ашёпе Сэтнер те
Килне утрё хуйх̄арса.*

Из формы написания глагола „утрё“ ясно видно, что автор здесь основное свое внимание уделяет Сэтнеру, что в данном случае его главным образом занимали душевные переживания Сэтнера. Редакторы всех изданий поэмы, начиная с 1930 года, на это не обратили достаточного внимания и данный глагол употребили во множественном числе в форме „утрёс“, тем самым связав его с Сэтнером и матерью.

Строки 9 и 10-ая девятой главы у автора поэмы К. В. Иванова выглядели так:

Хирти с̄ава айёнце
Курак̄ в̄аш-ваш̄ яванать.

Здесь в форме написания слова „яванать“ явно видна корректурная ошибка. Видимо поэтому в московском издании 1930 года этот сложный глагол с звукоподражательным словом „в̄аш-ваш̄ яванать“ превратился в „в̄аш-в̄аш̄ й̄аванать“. А в издании 1947 г. этот глагол дан в форме „й̄аванать“.

Встречающееся в 149 строке десятой главы поэмы диалектное слово „ётлентём“, в значении „тертлентём“ в чебоксарском издании 1947 года заменено словом „ёшентём“.

Встречается много изменений и в расстановке знаков препинания. Слов нет, орфография и правила пунктуации 1908 года значительно отличались от нынешних и подчинение их современным требованиям абсолютно необходимо. Но если, к примеру, автор поэмы свою какую-либо мысль заканчивал одновременно двумя знаками—восклицательным и вопросительным, то повидимому не было никакой необходимости переставлять их в новом издании с места на место (строки 76-я восьмой главы, 40 и 69-ые десятой главы).

Наконец, при сверке текста поэмы „Нарспи“ последних изданий с текстом издания, прижизненного поэту, обнаруживаются еще следующие изменения: в симбирском сборнике многие слова, написанные в полной форме, не укладывались в размер семисложного стиха поэмы и звучали диссонансом. Вот примеры:

Сивё, хаяр хёл иртет,
Каять йёрсе, хурланса;
Сивё *курсулёне* йёрет,
Иртнё куншан хуйхёрса.
(9—12 строки поэмы).

Аслā урам *тарашшёне*
Хāма витнё сурчёсем.
Урам икё *айаккине*
Ем-ешёлех сачёсеч.
(49—52 строки).

Пурт хысёнче шавласа

Ачи-начисем вылясё.

(91—92 строки).

Таран нухреп ашёнче

Мён чухлэ сара *пётмен-ши?*

(111—112 строки).

Уйранё те пулмасан,

Тура парасса кётёпёр.

(139—140 строки).

Юрла-юрла *тёрё* тавать;

(44 стр. II главы).

„Саплах вара, Нарсписём,

Сук-шим манан *араскалам?*“

(14 стр. III главы).

„Мёншён, Нарспи, *хуйхэратан?*“

(73 стр. III главы).

Тура пурсен, *сыва* пулсан...

(175 стр. III главы).

Подобных примеров восьмисложных строк, нарушающих ритм поэмы, насчитывается в поэме более двадцати. О причине наличия их в поэме автор предисловия поэмы „Нарспи“ к московскому изданию 1930 года писал следующее:

„Здесь следует упомянуть о старике Ф. Т., который несколько помешал в работе. Он никак не мог соглашаться с сокращением слов, особенно не хотел включать сокращенные слова верхового (вирыяльского) диалекта, поэтому возникали и споры. В „Нарспи“ это не особенно заметно, Константин сильно отстаивал свои стихи; все же удлинения сокращенных им слов встречаются“. (Далее автор предисловия приводит примеры восьмисложных строк поэмы)¹.

Мы не будем здесь разбирать вопроса о том, насколько это сообщение соответствует действительности. Важно то, что во 1-х) автор их, несмотря на свои утверждения, не посмел взять на себя ответственности переделать все восьмисложные строки на семисложные, а ограничился случайным отбором для исправления только некоторых из них; во 2-х) его утверждения послужили основанием для остальных редакторов, чтобы продолжить переделку восьмисложных стихов на семисложные. В результате всего приведенные выше строки с подчеркнутыми словами превратились в следующие:

¹ Чувашский оригинал: „Кунта пёр ватӑ сын Ф. Т. кӑштах чӑрмав тунӑ синчен каласа хӑвармалла. Вӑл сӑмаха кӑскетнипе ниепле те килӗшейместчӗ, савӑнна вара тавлашусем те тухатчӗс, пуринчен ытла вӑл вирыял чӗлхинчи кӑскетнӗ сӑмахсене куртесшӗн марччӗ. „Нарспи“-ре вӑл питех те паллӑ мар. Кӑштук хӑйӗн саввисемшӗн хытӑ тӑратчӗ, сӑпах та вӑл кӑскетнине те тӑсса сырнисем пур“.

Сиве куҫсульпе йёрет...
 Аслă урам тӑршшӗпе...
 Урам икӗ айккипе...
 Ачи-пӑчи выляҫсӗ...
 Мӗн чуль сӑра пӗтмен-ши?..
 Тур парасса кӗтӗпӗр...
 Юрла-юрла тӗр тӑвать...
 ҫук-шим манӑн ӑрӑскал?
 Мӗншӗн, Нарспи, хуйхӑран?..
 Турӑ пурсен, сыв пулсан и т. п.

Верно, после упомянутого выше сообщения, с целью достижения благозвучия в стихах, может быть и следовало переделывать восьмисложные строки „Нарспи“. Но где гарантия, что упомянутое утверждение соответствует действительности? Ведь у нас нет на руках подлинной рукописи автора поэмы. Поэтому не целесообразнее ли было, уважая классическое наследство, оставить сокращаемые слоги и буквы, заключенными в скобки?

Подводя итог сказанному выше, следует сделать следующий вывод: сверка текста „Нарспи“ последних изданий с текстом издания, прижизненного поэту, позволяет установить, что в тексте поэмы „Нарспи“ за ряд десятилетий успели накопиться значительные расхождения, часть из которых представляет явные ошибки и искажения, подлежащие немедленному исправлению. Сектору литературы Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории следует подготовить научно выверенный текст поэмы „Нарспи“ и утвердить его на заседании авторитетной комиссии, созданной Институтом совместно с Правлением Союза Советских писателей Чувашии и Чувашгизом для последующих изданий.

II

Кроме проблемы восстановления текста „Нарспи“ в первоначальном виде, перед чувашскими литературоведами стоит не менее важная задача комментирования текста поэмы. Со времени первого издания „Нарспи“ в 1908 году прошло всего 45 лет. Но за это время вся общественно-экономическая, политическая и культурно-бытовая жизнь чувашского народа настолько основательно изменилась, что едва ли все даже взрослые люди, имеющие среднее и высшее образование, достаточно полно и конкретно представляют себе отдельные выражения автора поэмы К. В. Иванова.

Возьмем первую же строку поэмы „Пуш-уйӑхӑн вӗҫӗнче...“

Кстати сказать, в последних изданиях поэмы и эта строка приняла несколько иную форму написания: „Пуш уйӑхӑн вӗҫӗнче“. С первого взгляда кажется, что разница в написании

названия месяца совсем незначительная и о ней не стоит даже говорить. Между тем даже за этой малозначительной формой скрывается разное понимание этих названий. Во-первых, краткая форма „Пуш уйăх“ (с твердым „х“ в конце) могла произойти только от полной формы „Пушă уйăх“, т. е. от понимания месяца как свободного от тяжелой работы или как месяца-бескормицы; во-вторых, форма „Пуш-уйăх“ может свидетельствовать о том, что этот термин в говоре башкирских чуваш от частого употребления успел стать единым, неразложимым понятием. Термин же „Пуш уйăх(ё)“ мог произойти от „Пушă уйăхё“, связанного с обычаем „оставления кнута“ (пушă пăрахас) во время сватовства невесты (см. словарь Н. И. Ашмарина, т. III, стр. 180).

Все эти понимания разбираемого термина являются результатом народного истолкования слова; на самом же деле этимология этого слова может быть гораздо сложнее; по толкованию научного сотрудника Чувашского НИИ ЯЛИ т. Андреева Н. А. чувашское слово „пуш(ă)“ в названии месяца своим происхождением могло быть связано с монгольским „бус (буш)“, что означало у халха-монголов название созвездия восьмого лунного месяца; а по толкованию научного сотрудника этого же института Н. Р. Романова рассматриваемое слово могло стать собственным именем указанного месяца от нарицательных названий неполных, двадцатидевятидневных лунных месяцев в отличие от тридцатидневных.

Но вернемся к вопросу о том, что это за месяц „Пуш уйăх“? Какому весеннему месяцу солнечного календаря он соответствует? И можно ли вообще найти точное соответствие между старыми и новыми названиями месяцев у чуваш?

Старинные названия месяцев у чуваш сильно интересовали чувашеоведа профессора Н. И. Ашмарина и он посвятил толкованию слова „уйăх“ девять страниц своего словаря. Ознакомившись с приведенными им материалами можно прийти к следующему выводу: чувашаи в сравнительно совсем недавнем прошлом вели счет времени по лунно-солнечному календарю, а это, как известно, на много отличается от счета времени по календарю солнечному, — юлианскому или григорианскому, — так как лунные месяцы короче солнечных, и через каждые два года на третий набегал лишний месяц. Поэтому в старинном чувашском лунно-солнечном календаре два года было по двенадцати месяцев, а в третьем году — тринадцать. Названия месяцев в разных местах не совпадали в частностях. Да и год начинали они не с первого января. В словаре проф. Н. И. Ашмарина самой ранней записью о чувашском календаре является цитата из „Записок Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии“, изданной, как известно, в 1840 году.

Известно, что записи свои А. Фукс вела проездом из Ка-

зани в Чебоксары; следовательно ее записи о месяцах относятся к одному из следующих нынешних районов Чувашской АССР: Козловскому, Октябрьскому, Марпосадскому или Чебоксарскому. „Новый год начинают они,—пишет А. Фукс,—с наступлением зимы и разделяют на 13 месяцев: 1) йопа-ойах, м. поминовения, ноябрь; 2) чүк-ойах, м. жертвы, декабрь; 3) мән-кәрлач ойах, большой крутой м. (сильно морозная часть декабря и генваря); 4) кёсён-кәрлач ойах, менее крутой м., часть генваря и февраля; 5) норäs ойах, м. оттепели, февраль и часть марта; 6) пошă ойах, порожний м. (от тяжелой работы), март; 7) ака ойах, м. пашни (для ярового хлеба), апрель, часть мая; 8) сү ойах, м. лета, июнь; 9) хёр ойах, м. свадеб, июнь и часть июля; 10) утă ойах, м. сенокоса, июль; 11) сорла ойах, м. серпа, июль и часть августа; 12) йётён ойах, месяц льна, сентябрь; 13) авăн ойах, м. молотбы, октябрь“.

Из записи А. Фукс следует, что она лишь шесть месяцев из тринадцати считает неполностью совпадающими с одним каким-либо солнечным месяцем; остальные семь, в том числе пошă ойах, считает как бы полностью соответствующими им. На самом же деле, конечно, и остальные семь лунных месяцев, которые имели в среднем 29 и 30 дней, в том числе и пошă (пушă) уйах, не могли полностью совпадать с приблизительно соответствующими им солнечными месяцами. „Задача согласования лунного месяца с солнечным годом,—пишет проф. И. Ф. Полак,—так же сложна и так же неразрешима с полной точностью, как задача согласования года с сутками“¹.

К каким курьезным спорам приводил сбивчивый счет времени по солнечно-лунному календарю при переходе на грани XIX и XX веков на солнечный календарь видно из письма к Н. И. Ашмарину его корреспондента Петра Ив. Орлова. „Эпё уйахсем синчен пайтах сынтан ыйткаларам та,—пишет он Н. И. Ашмарину,—сапах та тёлнех тупимарам... Стариксем тёрли тёрлэ каласё... Пёр ватă суккар анчах: висё султа пёре вунвиё уйах пулать, тит. Вал кăсалхи султа (1911 ç.—Н. Д.), сак иртсе пыракан султа, вунвиё уйах пулать, тит... Асту халё, кăсал ака сине тухас уммён (сүркунне) ватăсем тавлашрёс. Пёри калать: ку ака уйахё пётрё, сү уйахёнче тин акана тухатпар, тит; тепри калать: астан ака уйахё пёттёр, халё акана та тухман та, ку пётнё уйах пушă уйах, ака уйахё тин тавать-ха, тит. Кашни сулах, сак вунвиё уйах пулакан сулсенче стариксем уйах шучёсенчен аташса каясё“².

¹ Проф. И. Ф. Полак. „Время и календарь“, изд. 2-ое, 1934 г., Москва ОНТИ, стр. 71.

² Перевод: „Насчет месяцев я у многих пораспросил,—писал П. И. Орлов Н. И. Ашмарину,—но точного ответа так и не нашел... Старики говорят по разному... Лишь один слепой старик сказал, что в три года раз бывает тринадцать месяцев. Он сообщил, что в текущем (1911 г.—Н. Д.) году бу-

Записи остальных корреспондентов Н. И. Ашмарина еще менее точны, т. к. они, уже привыкшие к счету времени по солнечному календарю, старались находить соответствия лишь названиям месяцев, а не тем отрезкам времени по лунно-солнечному и солнечному календарю, обозначениями которых являлись названия лунных и солнечных месяцев. Подобную неточность можно наблюдать даже в современных научных трудах. Например, кандидат исторических наук И. П. Паньков в своем рукописном очерке „Чувашия в составе Волжской Булгарии“ утверждает, что „месяц апрель у чувашей назывался „пож-ойх“, что означает „пустой“, т. е. свободный, праздный месяц (месяц, свободный от сельскохозяйственных работ)“. (г. Калинин, 1952 г.). В поэтических же переводах А. Жарова и Б. Иринина „Пуш уйăх“ называется маргом.

Так обстоит вопрос с названием месяца „пуш уйăх“.

Возьмем, далее, второе полузабытое чувашское слово „синсе“—название стринного чувашского праздника. Что это был за праздник? Когда он проводился?

Н. И. Ашмарин выяснению значения этого слова посвятил полторы страницы словаря. Из сообщений ему доброго десятка корреспондентов можно установить, что этот праздник проводился чувашами после весеннего сева около семика, почти совпадавшего с христианской троицей, в почитание „забеременевшей“ земли. Но точные сроки проведения синсе в разных местностях, видимо, не совпадали. Один корреспондент сообщает, что синсе праздновался через две-три недели после весеннего сева; другой—за три дня до семика; большинство же утверждает, что праздновался он после семика в продолжение одного-двух недель. Есть и утверждающие, что проводился этот праздник в период колошения или цветения ржи. Наконец один говорит, что синсе начинали праздновать, когда долгота дня достигала 17 часов, и проводили в течение 12 дней. Суть праздника заключалась в том, что по поверию чуваш в это время нельзя было тревожить „беременную“ землю, и поэтому запрещались всякие земляные работы, в том числе постройка столбов, забивание в землю кола и т. п. Нельзя было также залезать на крыши, стирать белье и носить цветное платье. Нарушение запрета каралось, по поверию чуваш, ливнями, градобитием и т. д.

Интересное и научно обоснованное толкование названия праздника „синсе“ дает докторант Института мировой литературы им. А. М. Горького, кандидат педагогических наук

дет тринадцать месяцев.—„Припомни-ка, сказал он, как распорились старики нынешней весной перед пашней. Один говорит: это истек месяц пашни (ака уйăхĕ), на пашню, говорит, выйдем только в месяц лета (су уйăхĕнче); другой говорит: где же истечь месяцу пашни, раз еще не выходили на пашню; истекший месяц это—пуш уйăх, месяц пашни только еще начинается“.—Так в годы с тринадцатью месяцами старики всегда сбиваются со счета“.

дов. М. Я. Сироткин. Он с большим вероятноем допускает происхождение этого названия из выражения „ҫийӗнче пур“, означающего беременную („Ҫийӗнче пур арӑм“—беременная женщина; см. словарь Н. И. Ашмарина, т. XII, стр. 137), вследствие утраты позднейшими поколениями чуваш первоначального смысла слова.

Кстати, в тексте толкования слова „ҫинҫе“ у Н. И. Ашмарина встречается интереснейшая деталь, относящаяся непосредственно к поэме „Нарспи“. Строке „Ҫинҫе хӑсан ҫитӗ-ши?“ в поэме К. В. Иванова даже в симбирском издании предшествуют следующие две строки:

Икӗ пуян пӗрлешсен,
Шеп те пулӗ туй! теҫҫӗ...

В ашмаринском же словаре вместо „икӗ пуян“ совершенно неожиданно встречается „икӗ пӗрпек пӗрлешсен“... Откуда такая разница? Единственно правдоподобное объяснение этого разночтения, по нашему, заключается в допущении того, что Н. И. Ашмарину для словарной работы еще до выхода в свет печатного издания поэмы был доставлен из Симбирска еще недоработанный рукописный экземпляр или корректурный оттиск поэмы.

Наконец, разберем еще третий пример. В восьмой главе поэмы К. В. Иванова встречается следующее предложение:

Шыв-шур пуҫӗ пуҫласан,
Тӗттӗмченех сикрӗҫ те,
Тӑхтаманпа Нарспи
Хӗве хупрӗҫ кӗлете.

Выражение „хӗве хуп“ для современного чувашского читателя должно быть еще понятно. Н. И. Ашмарин переводит его по-русски со значением „запереть на секрет“. Но выражение „шыв-шур пуҫӗ пуҫла“ едва-ли понятно для нынешнего читателя. В XVIII-ом томе своего словаря (стр. 186) Н. И. Ашмарин говорит, что это название свадебного обряда (обряд), называемое в иных местах „ҫӗнӗ ҫын шыв тӑкни“, когда невеста (молодушка) идет за водой. Описание этого обряда он дает в XIII-ом томе, при толковании слова „Ҫӗнӗ ҫын шывӗ пуҫлани“ (стр. 75). Заключался обряд в следующем: утром молодушка вместе с золовкой идут к дальнему колодцу за водой. Ведро на коромысле несет золовка. У колодца она наполняет ведро водой. Молодушка вначале оборачивается к востоку и три раза кланяется, чуть приседая (буквально: „виҫӗ хутчен ҫӑкӑнать, аранҫӗ-аранҫӗ лапчӑнса илет“. Слово „ҫӑкӑн“ означает по Н. И. Ашмарину „кланяться, приседать, делать реверанс“: „урине чӗркуҫҫи тӗлӗнчен куклетсе, пуҫне пӗшкӗртсе

виç тапхӑрччен тайӑлса пуççапса илни“; см. т. XIII, стр. 8). Затем молодушка пинком ноги троекратно опрокидывает полные ведра и выливает воду. После этого золовка снова наполняет ведра водой, поддевает их коромыслом и передает молодушке. Прежде чем поднять ведра, молодушка кладет на коромысло нухратку (род мелкой монеты круглой или овальной формы из серебра или олова). Эту нухратку золовка берет себе. Тогда молодушка поднимает ведра и, обратясь к востоку, снова трижды приседает, кланяясь (делая реверанс). По пути домой молодушка, кого бы ни встретила—старого ли, взрослого ли, малого ли,—всем, обратясь к ним, с полными же ведрами кланяется, приседая. Те в свою очередь останавливаются перед ней и говорят: „будь видным человеком!“ (Аслӑ сын пул!) Затем, когда проходит в ворота и как заходит в дом, молодушка становится в середину избы и снова трижды кланяется, приседая. Свекор и свекровь говорят сидя: „Будь видным человеком, будь видным человеком!“ Наконец молодушка ставит ведра на место и вместе с золовкой начинают варить салму (род клецек). Свекровь не участвует в варке.

По описанию этого обряда в словаре Н. И. Ашмарина видно, что проводился он уже после обряда свадебной ночи. По тексту же поэмы К. В. Иванова получается, что этот обряд проводился в Башкирии до свадебной ночи. Возможно, что в разных местах обряд проводился по своему.

Уже из приведенных трех примеров видно, что в тексте поэмы „Нарспи“ много такого, что требует для современного читателя обязательного подробного объяснения. Поэтому вполне назрел вопрос подготовки и издания академического собрания сочинений К. В. Иванова¹.

¹ В плане работы Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории на 1954 г. предусмотрена подготовка и академическое издание сочинений классика чувашской художественной литературы К. В. Иванова. Для выявления неопубликованных произведений и толкования текстов сектором языка и литературы института создан коллектив в составе: доктора филологических наук С. П. Горского, кандидата педагогических наук М. Я. Сироткина, народных поэтов Чувашии Я. Г. Ухсая и П. П. Хузангая, писателя В. А. Долгова и научных сотрудников института Н. Р. Романова и Н. Ф. Данилова. Редакция.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

1. Сборник „Чăваш юмахĕсемпе халапсем“ („Сказки и предания чуваш“), Симбирск, 1908 г.; „Нарспи“, стр. 66—99.
 2. Сборник „Чăваш юмахĕсемпе халапсем“ („Сказки и предания чуваш“), Хусан, Тĕп чăваш пайĕ кăларнă, 1920 ç.; „Нарспи“, стр. 59—89.
 3. К. В. Иванов „Нарспи“, 5 пайлă чăвашла драма, Хусан, Тĕп чăваш пайĕ кăларнă, 1921 ç.
 4. К. В. Иванов „Нарспи“, СССР-ти халăхсен Тĕп Издательстви, Мускав, 1930 ç., 4-мĕш хут тухать.
 5. К. В. Иванов „Нарспи“, поэма, пиллĕкмĕш издани, Чăвашиздат, 1935 ç., редактор Н. Васянка. В предисловии сказано: „Нарспин“ ку изданийĕ—чи малтанхи изданийĕ тăрăх—Чĕмпĕрте 1908 çул тухнă „Чăваш халапĕсем“ ятлă кĕнекери пек—пичетленет“.
 6. Сборник „Пĕр том“, „Нарспи“, Уфа, 1937 г. Редактор В. Давыдов.
 7. К. В. Иванов, Собрание сочинений, Госиздат Чувашской АССР. 1940. Редакция: В. Т. Харитонов, Д. Д. Данилов, П. Т. Золотов, Н. Т. Васянка, И. С. Тукташ, С. А. Шавлы.
 8. „Нарспи“, Чувашгосиздат, 1947 г.
 9. М. Я. Сироткин, „Хрестоматия по дореволюционной чувашской литературе“, поэма „Нарспи“, стр. 227—250; Чувашгосиздат, 1951 г.
 10. Сборник „К. В. Иванов“, Материалы юбилейных торжеств, посвященных пятидесятилетию со дня рождения поэта (1890—1940), Чувашгиз, 1941 г.
-

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ ИНСТИТУТА

10—13 февраля 1953 года состоялась теоретическая конференция Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР и Чувашского государственного педагогического института, посвященная итогам XIX-го съезда Коммунистической партии Советского Союза и труду И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

Конференция открылась вступительным словом секретаря Чувашского Областного комитета КПСС С. М. Ислюкова, который охарактеризовал историческое значение XIX-го съезда партии и произведения И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», подробно остановился на очередных задачах научных работников Чувашии в свете решений XIX съезда партии.

На конференции было заслушано 5 докладов: кандидата философских наук, доцента Г. Г. Германова «Работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» — великий вклад в марксистско-ленинскую теорию»; старшего преподавателя Пединститута М. Г. Григорьева «И. В. Сталин об основных предварительных условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму в СССР»; кандидата исторических наук, доцента Г. И. Чавка «Вопросы всеобщей истории в свете труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»; кандидата исторических наук, доцента Н. Г. Буркина «Вопросы истории СССР в свете труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»; кандидата исторических наук, доцента П. Г. Григорьева «Работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и вопросы истории Чувашской АССР».

В обсуждении докладов приняли участие: кандидат исторических наук Э. Нитабурт, кандидат исторических наук И. Е. Петров, ученый секретарь Чувашского научно-исследовательского института В. Л. Кузьмин, аспирант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова В. Н. Любимов, старший преподаватель Пединститута Т. Г. Григорьев, директор Чувашского научно-исследовательского института, кандидат исторических наук Т. Г. Гусев.

В работе конференции приняли участие сотрудники Научно-исследовательского института языка, литературы и истории, профессора, доценты и преподаватели кафедр Чувашского педагогического и сельскохозяйственного институтов, писатели, композиторы, художники, работники печати, инженерно-технические, партийные и советские работники.

* * *

В 1953 году исполнилось сто лет со дня смерти выдающегося русского востоковеда XIX века Никиты Яковлевича Бичурина. В ознаменование столетия со дня смерти Н. Я. Бичурина Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории во второй половине мая и в первой половине июня провел ряд мероприятий.

22 мая состоялось расширенное заседание сектора истории и этнографии института, на котором был заслушан доклад кандидата исторических наук, доцента П. Г. Григорьева на тему: «Никита Яковлевич Бичурин — видный русский китаевед первой половины XIX века».

На заседании присутствовали научные работники, учителя, писатели и журналисты, преподаватели и студенты вузов. Материалы доклада в кратком изложении опубликованы в республиканских газетах: «Коммунизм ялавлă» и «Советская Чувашия» от 29-го мая (№ 100), в альманахе «Таван Агал» («Родная Волга») в № 2(47) за 1953 г.

16 июня Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории провел в селе Бичурино (на родине Никиты Яковлевича) специальную выездную научную сессию, посвященную столетию со дня смерти Н. Я. Бичурина.

Сессия заслушала следующие доклады: «Жизнь и деятельность Н. Я. Бичурина», докладчик — старший научный сотрудник института, кандидат исторических наук, доцент П. Г. Григорьев; «Н. Я. Бичурин — выдающийся русский востоковед XIX века», докладчик — доктор филологических наук, профессор С. П. Горский; «Н. Я. Бичурин и его связи с передовыми представителями русской общественной мысли первой половины XIX века», докладчик — ученый секретарь института В. Л. Кузьмин.

На основе собранных архивных материалов и печатных источников докладчики показали, что выходец из чувашского села Бичурино (Шёнерпус), Чебоксарского уезда Казанской губернии, Никита Яковлевич Бичурин стал выдающимся востоковедом XIX века. В период 14-летнего пребывания в Китае Бичурин изучал китайский язык, историю Китая и его культуру. По возвращении в Россию Бичурин вел огромную научную работу, исследовал и перевел с китайского на русский язык большое количество научной литературы и источников. Бичуриным издано десятки монографий, сотни журнальных статей, которые получили высокую оценку со стороны научной общественности России и за границей. В 1837 г. Бичурин был избран членом-корреспондентом Академии наук, а позднее — членом Азиатского общества в Париже.

Большой интерес представляют связи Бичурина с передовыми представителями общественной мысли и литературной среды России второй четверти XIX века. Высоко ценили Бичурина А. С. Пушкин, декабристы, В. Г. Белинский и др.

Труды Н. Я. Бичурина и сейчас служат материалом для изучения истории Китая, Монголии и других стран Востока.

Сессия проходила в Бичуринской средней школе при огромном стечении колхозников сельскохозяйственной артели имени В. Маяковского, учителей и представителей общественности Октябрьского района Чувашской АССР. На сессии выступили: народные поэты Чувашии С. В. Эльгер и П. П. Хузангай, критик-литературовед, докторант Института мировой литературы имени М. Горького Академии Наук СССР М. Я. Сироткин, директор Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, кандидат исторических наук Т. Г. Гусев, первый секретарь Октябрьского райкома КПСС П. Петров, колхозник Вандюков.

Для колхозников села и участников сессии была организована выставка произведений Н. Я. Бичурина и литературы о нем, имеющихся в Научной библиотеке и в Рукописном фонде института. На выставке особо привлекли внимание посетителей фотокарточки титульного листа книги Н. Я. Бичурина «Описание Тибета в нынешнем его состоянии» (перевод с китайского языка, из печати вышла в 1828 г.), подаренной Бичуриным великому русскому поэту А. С. Пушкину с надписью: «Милостивому государю моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак искреннего уважения. Апрель, 26, 1828 г. Переводчик Иакинф Бичурин». На другой книге «Сан-Цзы-Цзынь или троесловие», тоже преподнесенной Н. Я. Бичуриным А. С. Пушкину, на титульном листе имеется его собственная надпись: «Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика».

Колхозники села Бичурино, вместе с ними и все трудящиеся Чувашии гордятся именем своего знаменитого земляка Никиты Яковлевича Бичурина, который, благодаря своим выдающимся способностям, сумел подняться в условиях жестокого режима царского самодержавия до уровня крупнейшего русского ученого-востоковеда. Выступившие на сессии колхозники колхоза

имени Маяковского выразили желание об организации в Бичуринской средней школе уголка, посвященного жизни и деятельности своего земляка-ученого, где были бы экспонированы некоторые книги и материалы, относящиеся к деятельности Н. Я. Бичурина.

23 июня 1953 года состоялось расширенное заседание Учёного Совета Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, посвященное третьей годовщине выхода в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания. На заседании участвовали члены Учёного Совета и научные сотрудники Института, преподаватели Чувашского педагогического института, учителя, писатели, представители учреждений и организаций.

Доклад на тему «Учение И. В. Сталина о развитии национальных языков и дальнейшие задачи чувашского советского языкознания» сделал зав. сектором языка и литературы, доктор филологических наук, профессор С. П. Горский. В докладе были подвергнуты критике работы Н. Я. Марра по вопросам чувашского языка. Докладчик указал, что работы Н. Я. Марра в области чувашского языка порочны с начала до конца. В них мы не находим правильного ответа на происхождение чуваш и их языка. Затем он изложил учение И. В. Сталина о развитии национальных языков в эпоху капитализма и в эпоху социализма. Касаясь развития чувашского литературного языка, С. П. Горский отметил, что литературный язык впервые возник в 70-х годах XIX века на основе низового наречия. В дооктябрьский период чувашский литературный язык включил в себя элементы верхового наречия, в годы первой русской революции значительно пополнился политическими и научными терминами, но не был в состоянии перемолоть диалектную стихию. В советскую эпоху развития чувашского языка эта стихия в значительной степени теряет самобытность. Вливаясь в общенациональный язык, диалектные явления исчезают или обогащают язык стилистическими выражениями или образуют синонимические явления. Эпоха социализма ведет к расцвету национальных языков. Развитие языков социалистических наций делается постоянной заботой партии и правительства.

После появления трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания научно-исследовательская работа по чувашскому языкознанию значительно оживилась, но вместе с тем имеет место большое отставание ее от требований, выдвигаемых жизнью.

Далее докладчик остановился на основных задачах дальнейшего изучения чувашского литературного языка, как составление грамматик — описательной, сравнительной и исторической, очерка диалектологии, истории чувашского литературного языка советского периода, чувашско-русского словаря.

После доклада состоялись прения.

Выступивший в прениях тов. Иванов А. И., редактор Чувашгиза, сказал, что для освобождения от остатков Марра, во-первых, необходимо подвергнуть глубокой критике его труды о чувашском языке и происхождении чуваш; во-вторых, языковедам следует просмотреть в свете учения И. В. Сталина о языке свои книги и статьи, написанные в течение последних 10—15 лет и указать свои ошибки. Из языковедов только В. Г. Егоров признал некоторые свои ошибки, а С. П. Горский еще не признал своих ошибок, допущенных в своих диссертационных работах «Аналитические и синтетические тенденции в чувашском языке» и «Очерки истории чувашского литературного языка», а также в статье «Чувашский язык в дни Отечественной войны». В них он изменения в языке рассматривает непосредственно в связи с изменениями в обществе (как, например, некоторые аффиксы, периодизация истории чувашского литературного языка согласно историческим периодам). Тов. Иванов еще указал на то, что некоторые языковеды при исследовании грамматических фактов чувашского языка не учитывают специфику чувашского языка и грамматические категории рассматривают с позиций русской грамматики, как, например, вопрос о падежах.

Доктор филологических наук, профессор В. Г. Егоров, указывая на недостатки в чувашской грамматике, сказал, что ввиду наличия двух систем графики, чувашская графика весьма путана, особенно в отношении звонких и глухих согласных звуков. Неупотребление букв, изображающих звонкие согласные звуки, затрудняет чтение и понимание написанного, особенно при изучении чувашского языка представителями других наций.

Докторант института мировой литературы им. Горького, доцент М. Я. Сироткин отметил, что наболевшие вопросы чувашского языка мало разрешены, трудов по исследованию отдельных вопросов языка очень мало. Хотя в основу чувашского литературного языка положено низовое наречие, но литературный язык теперь значительно отличается от низового наречия: он вобрал в себя много из верхового наречия. В настоящее время низовой и верховой диалекты имеют одинаковую равноправность в дальнейшем обогащении чувашского литературного языка. В целях выявления взаимоотношений двух диалектов, их лексического богатства и грамматических форм, могущих служить обогащению литературного языка, необходимо серьезное изучение диалектов. В вопросах установления норм, по его мнению, у нас часто переходят границу. Далее М. Я. Сироткин говорит о необходимости регулирования орфоэпии и разработки вопросов ее, указывает на неправильное произношение слов, особенно в передачах по радио. Он считает, что для истории чувашского литературного языка такая подробная периодизация, какую устанавливает С. П. Горский, является неприемлемой, нецелесообразной.

* * *

30 июня 1953 г. сектор истории и этнографии Научно-исследовательского института языка, литературы и истории провел расширенное заседание, посвященное столетию выхода в свет книги первого историка и этнографа Чувашии, собирателя устного народного творчества чувашского народа Спиридона Михайлова—«Чувашские разговоры и сказки». (Казань, 1853 г.).

На заседании были заслушаны следующие доклады: «Спиридон Михайлов — историк чувашского народа начала второй половины XIX века», докладчик—кандидат исторических наук, доцент П. Г. Григорьев; «Спиридон Михайлов — этнограф и собиратель устного народного творчества чуваш», докладчик—научный сотрудник института П. В. Денисов.

Докладчики довольно подробно рассказали о жизни и деятельности С. Михайлова, в частности по вопросам истории, этнографии чувашского народа, ознакомили слушателей с многими рукописными материалами Михайлова, найденными за последние годы в разных архивах Советского Союза.

Докладчики подчеркнули, что в условиях жестокого николаевского режима Спиридон Михайлов самоучкой, при активной помощи передовых русских ученых, сумел подняться до члена-сотрудника Русского географического общества. За свои труды С. Михайлов был награжден серебряной медалью Русского географического общества.

С. Михайловым в течение восьми лет было напечатано 34 работы по отдельным вопросам истории, этнографии чувашского народа, а также собран богатый фольклорный материал. С. Михайлов по праву является первым чувашским историком, этнографом и писателем.

На заседании выступили народный поэт Чувашии П. П. Хузангай и писатель Алексей Талвир, которые внесли предложение издать некоторые статьи Сп. Михайлова в виде однотомника (с тщательным отбором и комментариями), приняв меры к собиранию в Рукописный фонд Научно-исследовательского института всех имеющихся рукописей Сп. Михайлова, в будущем году подготовить и издать биографический очерк о С. Михайлове.

Докторант Института мировой литературы Академии Наук СССР, доцент М. Я. Сироткин на основе анализа текста и формы стихотворения «Мы чувашами родились», напечатанного в 1857 г. Леонтьевым в журнале МВД, высказал предположение, что указанное стихотворение несомненно принадлежит Михайлову, т. к. Леонтьев пользовался при составлении своих статей

корреспонденциями с мест, и, что он был связан с Михайловым. Исходя из того, что деятельность и литературное наследство Михайлова является важным фактором в истории формирования культуры чувашского народа во второй половине XIX века, необходимо продолжать изучение материалов о Михайлове и издать биографический очерк о его жизни и деятельности.

В помещении, где происходило заседание, была организована небольшая выставка фотографий из книги С. Михайлова «Чувашские разговоры и сказки».

* * *

В 1953 году исполнилось 20 лет со дня смерти члена-корреспондента Академии наук СССР, профессора Н. И. Ашмарина — основоположника чувашского языкознания.

21 ноября 1953 г. Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории и Чувашский государственный педагогический институт провели научную сессию, посвященную научной деятельности Н. И. Ашмарина.

На сессии были заслушаны следующие доклады: «Н. И. Ашмарин как исследователь чувашского языка», докладчик—доктор филологических наук, профессор В. Г. Егоров; «Научная деятельность Н. И. Ашмарина и его роль в развитии чувашского литературного языка», докладчик—доктор филологических наук, профессор С. П. Горский; «Проблемы этнографии и устного народного творчества чувашского народа в трудах Н. И. Ашмарина», докладчик—научный сотрудник Чувашского научно-исследовательского института П. В. Денисов.

Докладчики подробно и всесторонне охарактеризовали научную деятельность Н. И. Ашмарина.

Н. И. Ашмарин, один из прогрессивных представителей великого русского народа, всю свою жизнь и талант отдал великому делу служения науке, делу просвещения чувашского народа. Своей разносторонней и плодотворной научно-педагогической деятельностью Н. И. Ашмарин принес огромную пользу чувашскому народу и способствовал повышению интереса к изучению языка, быта и культуры чуваш. Его научные интересы были разносторонни, работы его отличались оригинальностью и содержательностью. Около 40 лет работал он над созданием и развитием чувашского языкознания. Н. И. Ашмарин создал целый ряд ценных капитальных трудов по чувашскому языку, он заслуженно является основоположником чувашского научного языкознания. Имя Н. И. Ашмарина по праву занимает одно из первых мест в истории культурного развития чувашского народа.

Первыми капитальными трудами Н. И. Ашмарина являются «Материалы для исследования чувашского языка» (изданы в 1898 г.), «Опыт исследования чувашского синтаксиса» в двух частях (изданы в Казани и Ульяновске в 1903 и 1923 гг.). Появление этих трудов в свое время явилось крупным событием в истории чувашского языкознания. Вообще, грамматическая система чувашского языка, разработанная Н. И. Ашмариным, за незначительными изменениями остается в силе до настоящего времени. Н. И. Ашмарин своей многолетней систематической работой над чувашским языком способствовал созданию и развитию чувашского литературного языка и введению преподавания его в средних и высших учебных заведениях Чувашии.

Большим вкладом в развитие культуры чувашского народа явился подготовленный профессором Н. И. Ашмариным 17-ти томный «Словарь чувашского языка», которым пользуются в практической работе учителя, студенты высших учебных заведений, поэты, писатели и научные работники Чувашии и многих других областей и республик Советского Союза.

Советские языковеды признают словарь Н. И. Ашмарина выдающимся явлением в области словарной работы, выдающимся памятником науки. Член-корреспондент Академии Наук СССР С. Е. Малов писал, что «Чувашский народ может считать себя счастливым, что имеет такой ценный «Словарь чувашского языка», составленный проф. Николаем Ивановичем Ашмариным».

В Советском Союзе из словарей тюркских языков только словарь якутского языка Э. К. Пекарского может быть сравним с словарем Н. И. Ашмарина». (Записки ЧНИИ, вып. 1, Чебоксары, 1941, стр. 136).

Прекрасный отзыв о словаре профессора Н. И. Ашмарина дал академик Ю. И. Крачковский: «Считаю «Словарь» выдающимся памятником науки, а издание его очень большой заслугой перед всей нашей страной». (Письмо академика Ю. И. Крачковского в Чувашский научно-исследовательский институт. Рукописный фонд ЧНИИ, инв. № 13, стр. 17).

В настоящее время как тюркологи, так и представители финно-угорского языкознания в своих научных изысканиях, касающихся чувашского языка, пользуются почти исключительно словарем Н. И. Ашмарина.

Высоко оценивая труды Н. И. Ашмарина по чувашскому языку, крупный тюрколог, член-корреспондент Академии Наук СССР, профессор Н. К. Дмитриев пишет, что «Словарь чувашского языка» Н. И. Ашмарина и его капитальные исследования по чувашской фонетике, морфологии и синтаксису «поставили русское чувашеведение на первое место во всем мире». (Н. К. Дмитриев. Труды русских ученых в области тюркологии. Ученые записки МГУ, вып. 107, т. III, кн. 2, М. 1946, стр. 68).

Н. И. Ашмарин, как ученый, был прежде всего языковед, но его перу принадлежат также труды и по другим отраслям науки, в частности по этнографии и устнопоэтическому творчеству чувашского народа, не потерявшие своего значения и по настоящий день.

Исследования Н. И. Ашмарина, посвященные вопросам этнографии и устнопоэтического творчества чувашского народа, являются важной составной частью его научных работ. Н. И. Ашмарин провел значительную работу по сбору и изучению народных песен, сказок, загадок, пословиц, частушек, легенд и преданий чувашского народа. Кроме того он оставил богатый рукописный фонд фольклорных материалов, имеющий большую ценность для изучения формирования культуры и быта чувашского народа.

Научная деятельность Н. И. Ашмарина не ограничилась изучением одного чувашского языка и этнографии, он много работал и в области исследования других тюркских языков.

Общественность Чувашии достойным образом оценила выдающиеся заслуги Н. А. Ашмарина, как ученого. Вторым съездом Советов Чувашской АССР в марте 1927 года он был избран в члены Центрального Исполнительного Комитета Чувашской АССР. По представлению Чувашского Наркомпроса и Чувашского Отделения Казанского педагогического института, в 1929 г. Всесоюзная Академия Наук избрала его в члены-корреспонденты Академии Наук СССР.

Трудящиеся Советской Чувашии с уважением чтят память Николая Ивановича Ашмарина — замечательного деятеля культуры чувашского народа, одного из лучших сынов русского народа, посветившего значительную долю своего богатого дарования чувашскому народу.

В работе сессии, посвященной Н. И. Ашмарину, приняли участие научные работники, писатели, учителя, студенты вузов и др. В помещении, где происходила сессия, была организована выставка трудов Н. И. Ашмарина.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

С. П. ГОРСКИЙ, доктор филологических наук. Учение И. В. Сталина о развитии национальных языков и задачи дальнейшего изучения чувашского языка	3
В. Д. АРАКИН, кандидат филологических наук. Ошибки в работах Н. Я. Марра по чувашскому языку	35
В. Г. ЕГОРОВ, доктор филологических наук. Против извращений Н. Я. Марра в области изучения чувашского языка	63
В. Г. ЕГОРОВ, доктор филологических наук. Словарный состав современного чувашского литературного языка	81
Н. А. АНДРЕЕВ. Ядро основного словарного фонда чувашского языка	149
А. И. ИВАНОВ. К вопросу о падежах в чувашском языке в связи с изучением специфики его	167
Е. В. ВЛАДИМИРОВ, кандидат педагогических наук. Некрасов и чувашская литература.	193
Н. Ф. ДАНИЛОВ. Несколько слов о тексте поэмы К. В. Иванова «Нарспи».	221
ХРОНИКА.	234

Редакционная коллегия: В. Л. Кузьмин (отв. за выпуск), Н. А. Андреев, С. П. Горский, Т. Г. Гусев, М. Я. Сироткин. Тех. редактор Г. П. Петров

НТ 00038. Подписано к печати 11/II-1954 г. Объем 15 п. л. Бумага 60×92/16
 Уч.-изд. л. 15,80. Тираж 1500 экз. Заказ № 3020.
 Цена в переплете 10 руб. 50 коп.

Типография № 1 Министерства культуры Чувашской АССР.
 г. Чебоксары, ул. Володарского, 5.

19

19

19

19

19

19

19

1000

1000

Цена 10 руб. 50 коп.